

МИР РОССИИ UNIVERSE of RUSSIA

Социология. Этнология

Том 26

№1, 2017

Издается с 1992 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN 1811-038X

Журнал издается Национальным исследовательским университетом
«Высшая школа экономики»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Статьи, публикуемые в журнале «Мир России»,
индексируются и реферированы в библиографических агентствах и базах данных

Журнал зарегистрирован Министерством печати РФ
Регистрационный номер ПИ № ФС77-53567

МИР РОССИИ

Социология. Этнология

Том 26

№1, 2017

Издается с 1992 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN 1811-038X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Ю. Барсукова, главный редактор, НИУ ВШЭ
М.Ф. Черныш, заместитель главного редактора, Институт социологии РАН
Г.А. Ястребов, заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ
Д.Л. Качурина, ответственный редактор, НИУ ВШЭ
Е.В. Балацкий, Финансовый университет при Правительстве РФ
О.Э. Бессонова, ИЭ и ОПП СО АН
Е.Н. Данилова, Институт социологии РАН
С.Н. Левин, Кемеровский государственный университет
С.Н. Смирнов, НИУ ВШЭ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

О.И. Шкаратан, председатель, НИУ ВШЭ
Е.С. Балабанова, НИУ ВШЭ
А.Г. Вишневский, НИУ ВШЭ
В.И. Ильин, СПбГУ
Л.Г. Ионин, НИУ ВШЭ
М. Кастельс, Калифорнийский университет (США)
Я.И. Кузьминов, НИУ ВШЭ
О.Д. Куценко, Киевский Национальный университет (Украина)
Н.И. Лапин, Институт философии РАН
В.Н. Лексин, Институт системного анализа (РАН)
Д. Лэйп, Кембриджский университет (Великобритания)
А.В. Матулионис, Институт социологии (Литва)
А.Н. Медушевский, НИУ ВШЭ
Х. Мелин, Университет Тампере (Финляндия)
С. Мизобата, Киотский университет (Япония)
Р.М. Нуреев, Финансовый университет при Правительстве РФ
В.В. Радаев, НИУ ВШЭ
Т.Ю. Сидорина, НИУ ВШЭ
С. Уайт, Университет Глазго (Великобритания)
А.Ю. Чепуренко, НИУ ВШЭ

РЕДАКЦИЯ

И.К. Мирошниченко, технический редактор
А.Е. Ларина, верстка

Адрес редакции:

115054, Москва, Малая Пионерская, д. 12, офис 553
Телефон: +7 (495) 772-95-90 (# 11 882, # 11 883)
E-mail: mirros.info@gmail.com
Web: www.mirros.hse.ru

Учредитель:

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Тираж 500 экз

МИР РОССИИ

Социология. Этнология

Том 26

№1, 2017

Издается с 1992 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN 1811-038X

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

Л.М. Дробижева

Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма7–31

В.И. Мукомель

Ксенофобы и их антиподы: кто они?32–57

И.М. Кузнецов

Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений58–80

К.С. Григорьева

Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края)81–102

П.В. Фадеев

Этнические группы Санкт-Петербурга в представлении СМИ103–126

РЕЛИГИИ МИРА

D. Chirot

The War Against Modernity: The Theology and Politics of Contemporary Muslim Extremism127–151

Д. Широ

Война против идей и практик модерна: теология и политика современного исламского экстремизма

ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК

М.М. Соколов, М.А. Сафонова, Г.А. Чернецкая

Культурный капитал, пространство вкусов и статусные границы среди российских студентов152–179

Е.В. Богомолова, Е.Г. Галицкая, Ю.А. Кот, Е.С. Петренко

Повседневность россиян: гражданские и потребительские практики180–197

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Э.О. Леонтьева

Русские немцы в поисках идентичности: чужие среди своих, свои среди чужих198–202

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ203–204

UNIVERSE of RUSSIA

Sociology. Ethnology

Volume 26

No 1, 2017

Published since 1992

Quarterly

ISSN 1811-038X

“Universe of Russia” (Mir Rossii) is an academic journal founded in 1992 and currently published by the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE). It is one of Russia's leading peer-reviewed academic journals which publishes theoretical and empirical research on a wide range of social, economic and political issues. The journal particularly fosters discussion of these issues in the context of cross-regional comparisons which include countries of the neighbouring regions (Central and Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States).

The mission of the journal is to encourage interdisciplinary studies, high quality academic dialogue, and diffusion of research on Russia.

Most issues are comprised of thematic sections to cover different aspects of Russia's development (e.g. international relations, society and politics, business and policy, etc.)

Starting from 2014 the journal is published on a bilingual basis, that is papers submitted for review and considered for publication can be written either in Russian, or in English.

The target audience is academic, including faculty, undergraduate and graduate students, policy analysts, entrepreneurs and other professionals who are interested in Russian affairs.

“Universe of Russia” (Mir Rossii) is published quarterly.

EDITORIAL TEAM

Svetlana Barsukova, *Editor-in-Chief*, HSE, Russian Federation
Mikhail Chernysh, *Deputy Editor-in-Chief*
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences), Russian Federation
Gordey Yastrebov, *Deputy Editor-in-Chief*, HSE, Russian Federation
Dzhamilya Kachurina, *Executive Editor*, HSE, Russian Federation
Evgeny Balatsky, Financial University under the Government of the Russian Federation
Olga Bessonova, Institute of Economics and Industrial Engineering of Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Elena Danilova, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Sergey Levin, Kemerovo State University, Russian Federation
Sergey Smirmov, HSE, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Ovsey Shkaratan, *Chair of the Board*, HSE, Russian Federation
Evgeniya Balabanova, HSE, Russian Federation
Manuel Castells, University of California, USA
Alexander Chepurenko, HSE, Russian Federation
Vladimir Ilyin, St. Petersburg state University, Russian Federation
Leonid Ionin, HSE, Russian Federation
Olga Kutsenko, National University of Kiev, Ukraine
Yaroslav Kuzminov, HSE, Russian Federation
David Lane, Cambridge University, United Kingdom
Nikolay Lapin, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Vladimir Leksin, Institute for Systems Analysis of the RAS, Russian Federation
Arvidas Matulionis, Institute of Sociology, Lithuania
Andrey Medushevsky, HSE, Russian Federation
Harri Melin, University of Tampere, Finland
Satoshi Mizobata, Kyoto University, Japan
Rustem Nureev, Financial University under the Government of the Russian Federation
Vadim Radaev, HSE, Russian Federation
Tatiana Sidorina, HSE, Russian Federation
Anatoly Vishnevsky, HSE, Russian Federation
Stephen White, University of Glasgow, United Kingdom

EDITORIAL STAFF

Irina Miroshnichenko, *Technical Editor*
Alla Larina, *Pre-press*

Our address:

National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000,
Russian Federation
Tel.: +7 (495) 772-95-90 (# 11 882, # 11 883)
E-mail: mirros.info@gmail.com
Web: www.mirros.hse.ru

Publisher:

National Research University Higher School of Economics

Total circulation per issue - 500

UNIVERSE of RUSSIA

Sociology. Ethnology

Volume 26

No 1, 2017

Published since 1992

Quarterly

ISSN 1811-038X

CONTENTS

ETHNO-POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA

L. Drobizheva

National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism7–31

V. Mukomel

Xenophobes and Their Opposites: Who Are They?32–57

I. Kuznetsov

The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations58–80

K. Grigor'eva

Ethnicity as a Social Resource and a Constraint:
the Case of Ethnic Communities in Krasnodar Region81–102

P. Fadeev

The Perception of Different Ethnic Groups in the Mass Media of Saint Petersburg103–126

WORLD RELIGIONS

D. Chirot

The War Against Modernity: The Theology and Politics
of Contemporary Muslim Extremism127–151

SOCIETY AND THE INDIVIDUAL

M. Sokolov, M. Safonova, G. Chernetskaya

Cultural Capital, Artistic Tastes
and Status Boundaries Among Russian University Students152–179

E. Bogomolova, E. Galitskaya, Yu. Kot, E. Petrenko

Everyday Life of Russians: Civil and Consumer Practices180–197

READINGS AND REFLECTIONS

E. Leont'eva

Russian Germans in Search of their Identity – Doomed to Be Strangers198–202

MANUSCRIPT REQUIREMENTS203–204

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

XVIII Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества»

11-14 апреля 2017 г. в Москве состоится XVIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка. Председателем Программного комитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е.Г. Ясин.

Пленарные заседания конференции и специальные круглые столы будут посвящены наиболее актуальным проблемам экономического и социального развития страны. После пленарных заседаний и в течение последующих дней будут проводиться академические сессии с представлением научных докладов.

С основными тематическими направлениями конференции можно ознакомиться на официальном сайте: <http://conf.hse.ru>. Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарные и ряд секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом. Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует подавать в режиме on-line по адресу: <http://conf.hse.ru/> с **11 сентября 2016 г. до 13 ноября 2016 г.** Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято **до 25 января 2017 г.**

Доклады, включенные в Программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в ведущие российские научные журналы по экономике, социологии, менеджменту, государственному управлению, которые индексируются Scopus и/или Web of Science, входят в список ВАК и редакторы которых участвуют в работе Программного комитета конференции.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов по участию в конференции. Заявки на получение гранта должны быть направлены **до 13 февраля 2017 г.** по адресу interconf@hse.ru.

В рамках конференции планируется организовать серию семинаров для докторантов и аспирантов (с возможностью предоставления грантов на проезд и проживание для отобранных докладчиков). Информация об условиях участия в этих семинарах будет доступна на официальном сайте <http://conf.hse.ru/>.

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме on-line с **14 ноября 2016 г. до 18 марта 2017 г.** по адресу: <http://conf.hse.ru/>. Информация о размерах и возможностях оплаты организационных взносов доступна на официальном сайте по адресу <http://conf.hse.ru/>.

С программами и материалами I-XVII международных научных конференций (2000–2016 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2016/history>.

Оргкомитет конференции

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма¹

Л.М. ДРОБИЖЕВА*

***Леокадия Михайловна Дробижева** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии РАН; профессор-исследователь НИУ ВШЭ, Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: drobizheva@yandex.ru

Цитирование: Дробижева Л.М. (2017) Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Т. 26. № 1. С. 7–31

В данной статье исследуется понимание российской гражданской идентичности как в массовом общественном сознании, так и экспертами, занимающимися этнонациональной проблематикой. Автор разделяет гражданскую идентичность на категориальную и ассоциативную, консолидирующую, идентичность, основанную на ощущении сильной связи с гражданами России. Изучается связь консолидирующей идентичности, присутствующей примерно у трети отождествляющих себя с гражданами России людей, с межэтническим негативизмом. Установлено, что она практически не снимает эмоциональную предубежденность, касающуюся абстрактных «иных», но позитивно влияет на отношение к непосредственному межэтническому общению в трудовой и неформальной сферах, когда действуют рациональные и регулятивные составляющие установок и идентичности. Положительный эффект гражданской идентичности в большей степени проявляется в регионах, где межэтническое общение в повседневной практике сложилось исторически; сравниваются московская агломерация и Астраханская область. Препятствием для позитивного воздействия гражданской идентичности является отсутствие в массовом сознании четкого и полного представления о самом феномене гражданской идентичности и политической нации, что отражено в интервью экспертов из образовательной, научной и журналистской сфер деятельности.

Исследование базируется на данных общероссийских опросов в 2014–2016 гг.: 24-й волны «Российского мониторинга экономики и здоровья населения» (RLMS-HSE), мониторинговых исследованиях Института социологии РАН (3-я и 4-я волны) и региональных опросах Отдела этносоциологии ИС РАН в Москве, Московской, Астраханской,

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» (грант № 14-18-01963).

Калининградской областях, Ставропольском крае, Республиках Карелия и Саха (Якутия) в 2014–2016 гг. по проекту «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии»

Ключевые слова: гражданская идентичность, российская идентичность, государственно-гражданская идентичность, этнический негативизм, межэтнические установки, межэтническое согласие, межэтнические отношения, толерантность

Социальная и культурная сложность общества, подвижность маркеров воображаемых границ, по которым люди могут выстраивать солидарности, стимулируют поиски коалиций и механизмов, способствующих восприятию мира и жизни в условиях разнообразия культур и человеческих связей. К таким коалициям относится гражданская идентичность, исследованием которой заняты социологи, этнологи, политологи и психологи. Ракурс социологического изучения направлен на восприятие обществом в его социально-демографическом, этнокультурном и локальном разнообразии идеологием, представлений, ценностей, норм поведения и связей, формируемых в концепте гражданской идентичности.

Под гражданской идентичностью мы понимаем отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране, «образ мы», чувство общности, солидарности, ответственности за ситуацию в государстве. Как и в других коллективных идентичностях в ней содержатся когнитивные, эмоциональные и регулятивные составляющие, и для гражданской идентичности характерны именно деятельностные компоненты. Мы обращаем на это внимание, поскольку есть исследователи, которые в этом случае акцентируют прежде всего лояльность государству и признание государства «своим» [Тишков 2013, с. 64, 66–67, 105–106].

Исследования, проведенные нами в 2011–2012 гг., фиксировали доминирование в представлениях россиян о гражданской идентичности объединительной роли государства. На вопрос «что больше всего объединяет Вас с гражданами страны?» 75–80% респондентов в республиках Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) ответили «общее государство». На общероссийских выборках в мониторинговых опросах ИС РАН в 2015 г. 66% респондентов также сделали этот выбор [Дробижева 2013], что дало основания характеризовать общероссийскую идентичность как государственно-гражданскую, многовариантную в своих проявлениях с диффузными контурами между ними.

Ричард Дженкинс предложил различать следующие идентичности: номинальные, «действительные», приписываемые извне, и идентичности изнутри, выражающиеся в ассоциации с коллективным именем [Jenkins 2008]. Изучая общероссийскую идентичность, мы акцентировали фокус внимания на ее функциональной нагрузке, выделяя категориальную идентичность (отождествление себя с гражданами России) и ассоциативную (выбор позиций «ощущаю сильную связь» или «часто ощущаю связь с гражданами России»). Поскольку понятие «ассоциативная идентичность» малопривычный термин, можно назвать эту идентичность консолидированной: при таком типе идентичности люди осознают значимую связь с гражданами страны и готовность действовать во имя общих интересов. В дальнейшем анализе мы будем вести речь именно о такой гражданской идентичности.

Проблема состоит в том, насколько эта идентичность действительно способна объединить социально и этнически дифференцированное общество и насколько она может смягчать межэтнические противоречия, этнический негатив-

визм (негативное восприятие этнического разнообразия). Так, мы наблюдали опыт британской идентичности, которая смягчила постколониальную ситуацию, но не спасла от североирландского конфликта, а опасения нового притока мигрантов стали одним из стимулов выхода Великобритании из ЕС. Кроме этого, и ситуация во Франции с ее сформированной политической нацией демонстрирует, что она пережила и эксцессы с горящими машинами, и массовые террористические атаки.

Наши исследования показывали, что те респонденты, которые отвечали, что чувствуют себя больше россиянами, чем людьми своей национальности, тем не менее не отличались высокой лояльностью к «иным»: 68% признались, что испытывают раздражение или неприязнь к представителям отдельных национальностей [Двадцать лет реформ глазами россиян 2011].

Тем не менее энтузиазм разных политических сил в формировании российской политической нации и гражданской идентичности не исчезает. Есть ли для этого основания? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к теории интеграции, поскольку именно гражданская идентичность – один из индикаторов этого процесса.

Классические подходы к интеграции социально-культурного пространства

Последние два десятилетия в российской науке в силу исторических обстоятельств, связанных с распадом СССР, академический интерес концентрировался на проблемах межэтнических конфликтов и дезинтеграционных процессах, но к середине 2010-х гг. возникла потребность в разработке концепций консолидации и интеграции полиэтнического пространства России. Так, в официальных документах (Посланиях Президента Федеральному Собранию, Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г., Стратегии национальной безопасности России, Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г.) особое внимание стало уделяться идеологемам единства российской нации, гражданской идентичности, интеграции и консолидации.

Строительство российской нации – процесс весьма разносторонний. В связи с этим становится очевидным, что это не только выстраивание государством соответствующих институтов, формулирование и распространение идеологием российского народа, его исторических оснований и базовых ценностей, но и освоение живущими в стране людьми гражданских ценностей и норм поведения, горизонтальных связей между гражданами различных национальностей, формирование у них ощущения общности, солидарности, ответственности за ситуацию в государстве, гражданской идентичности.

Следует отметить, что в западной науке существует несколько десятков различных теорий, затрагивающих интеграционные процессы, без которых не могут складываться политические нации [Картунов 1999, с. 217–227]. При этом в последнее время и за рубежом, и в России концепция интеграции зачастую рассматривается именно в связи с культурной адаптацией и социально-политическим включением мигрантов в принимающее общество.

Мы специально остановимся на анализе интеграции не только потому, что считаем важным не сводить понятие о ней исключительно к взаимодействию принимающего общества и мигрантов, но и потому, что гражданская идентичность отражает интегрированность социального и полиэтнического пространства страны

в целом, то есть не только прибывающих мигрантов, но и всех людей разных национальностей.

Согласно Э.А. Паину, наиболее фундаментальными являются следующие концепции [Паин 2004]:

- коммуникативная концепция, которая связывается прежде всего с именем Карла Дейча, утверждавшего, что увеличение объемов и разнообразия контактов, связей и обменов между группами в большей степени, чем другие факторы, стимулирует их объединение на межнациональном, межкультурном уровне;
- функциональная (или неофункциональная) концепция, главные принципы которой были сформулированы в 1920–1930-е гг. Б. Малиновским и А. Редклифом-Брауном и развиты в 1950-е гг. Т. Парсонсом. Согласно ей, основные предпосылки интеграции состоят в месте и роли этнополитических факторов в социальных взаимодействиях и тех функциях, которые определяют интересы участников интеграции и их ценностные предпочтения [Parsons 1991];
- нормативно-ценностная концепция, основы которой были заложены М. Вебером, концентрирует внимание на культурном взаимодействии групп, сближении их ценностей и выработке единых представлений («массовых субъективных убеждений», «субъективной веры») и норм поведения [Weber 1968, V. 1, p. 389].

Необходимо особо подчеркнуть, что в этих концепциях содержатся те идеи и доказательства, которые помогают сформировать эмпирический материал и выбрать те направления анализа, которые позволят рассмотреть связи гражданской идентичности и межэтнических установок в коммуникативном процессе.

Идеи М. Вебера о коллективных представлениях, убеждениях, ценностях дают основания для понимания осознаваемой идентичности, которая может стать опорой интеграции людей в сообществе. Также этнополитологам конструктивистского направления и автору импонирует мысль американского историка Карлтона Хэйеса: «Возможно, то, что каждая группа думает о себе, так же важно, как и то, что она есть на самом деле» [Hayesc 1966, p. 18]. В России интерес к М. Веберу и К. Хэйесу начал проявляться в условиях национальных движений и их последствий в 1990-е гг., но он не может быть утерян и в наше время, особенно в условиях, когда мы становимся свидетелями последствий мощного воздействия СМИ на представления широких масс. У М. Вебера есть и другой редко воспроизводимый тезис: общая цель, объединяющая людей в нацию, выражается в стремлении создать собственное государство. Об этом впоследствии напишет и Эрнест Геллнер [Геллнер 1991].

Как было показано на эмпирических материалах, на данном историческом этапе российское гражданское сознание по своему содержанию является в доминирующей части именно государственно-гражданским [Дробижева 2013]. Функциональная (неофункциональная) концепция подхода к интеграции способствует пониманию механизма ее формирования. На наш взгляд, прежде всего общие интересы помогают соединить социально и этнически различающихся людей и смягчить их предубеждения. И, наконец, наиболее близкая к теме коммуникативная концепция ориентирует нас на включение в рассмотрение разнообразных контактов. Как известно, К. Дейч был сторонником информационной концепции наций и считал, что как воображаемые сообщества они скрепляют людей общими представлениями и «общей нелюбовью к своим соседям» [Deutsch 1969, p. 3]².

² Есть разные мнения о том, скрепляет ли эта нелюбовь (т.е. негативная идентичность) или разрушает интегрированность общества [Гудков 2004].

В этой концепции важны представления об отношениях между обществом и государством. Политическая нация – это народ, овладевший государством, а идентичность – это осознание политического сообщества людьми разных национальностей, которое сглаживает представляемые границы (по Ф. Барту), а не различия между людьми.

Во всяком случае, очевидно, что, если мы стремимся понять инструменты снижения напряженности и интеграции полиэтнического пространства страны, без учета теории контакта и без осознания опыта проведенных на ее основе исследований не обойтись. Данная теория появилась в США в качестве ответа на потребности общества в ослаблении расизма и как необходимость найти пути к интеграции в поликультурном пространстве. Довольно полный обзор литературы по теории контакта дан в недавно вышедшей статье Е.А. Варшавера [Варшавер 2015]. Использование теории контакта в России было наиболее удачным в исследованиях Н.М. Лебедевой, Ю.С. Смирновой, О.Е. Хухлаева [Лебедева 2003; Смирнова 2007; Хухлаев 2009].

В этносоциологических исследованиях межэтнических установок и стереотипов мы также опирались на выводы Г. Оллпорта [Allport 1954 (1979), p. 537] об оптимальных условиях контакта, проверяли их и корректировали³. Помимо этого, были подтверждены мнения о значимости длительности контакта для снятия предубеждений в условиях общих интересов.

О факторах, поддерживающих позитивные межэтнические установки

Выводы Г. Оллпорта проверялись многими зарубежными исследователями, в том числе и его последователями Т. Петтигрю, Г. Ходсоном и М. Хьюстоном [Hodson, Hewston 2012]⁴.

Обобщая исследования переменных, объясняющих этнические предубеждения в разных странах и в многообразных этнокультурных и политических контекстах, Т. Петтигрю и Л. Тропп [Pettigrew, Tropp 2011] выделили следующие:

- переменные социального контекста (величина населенного пункта, численность населения, процент мигрантов, уровень образования населения, уровень безработицы);
- показатели, характеризующие социальные, социально-демографические позиции контактирующих групп;
- политические переменные (авторитаризм или ориентация на доминирование);
- персональные переменные;
- переменные, связанные с идентичностью;
- показатели, описывающие субъективно воспринимаемую угрозу и относящиеся к персональному опыту [Pettigrew, Tropp 2011, pp.156–171].

Обратим внимание на то, что в разных странах при условии многотипности контактов действие переменных оказывалось не одинаковым: например, в одних исследованиях устанавливалось, что чем старше человек, тем чаще он подвержен стереотипам (на европейских и американских материалах); в других научных

³ В частности, было установлено, что движение к равностатусному контакту обостряет конкуренцию и даже (если реально она отсутствует, но есть представление об ней) повышает уровень этнического негативизма [Дробижева 2002].

⁴ Г. Ходсон и М. Хьюстон подсчитали, что с 2006 по 2010 г. по теории контакта было опубликовано около 300 работ [Hodson, Hewston 2012, p. 6].

работах обнаруживались более сложные зависимости. Например, исследование под руководством Дж. Джексона также зафиксировало значительную предубежденность к мигрантам у представителей старшего поколения, но в Великобритании взаимосвязь имела противоположный вектор [Jackson, Brown, Brown, Marks 2001]. Подобная ситуация была отмечена и с такой переменной, как субъективная и объективная оценка благосостояния, которая выявляла взаимозависимость (хотя и не во всех исследованиях). Это объясняет интерес к анализу влияния факторов в разных странах и социально-культурных контекстах.

Судя по результатам проекта Т. Петтигрю и Л. Тропп, реализованного в странах ЕС и Канаде, связь негативных стереотипов с политическим консерватизмом более устойчиво прослеживалась на макро- и мезоуровнях, а среди личностных характеристик фиксировалась взаимозависимость предрассудков и ориентации на социальное доминирование (установка на равенство/неравенство групп в обществе): так, западные ученые установили, что все включенные измерители предрассудка (в том числе по отношению к мигрантам и другим аут группам) оказались связанными с авторитаризмом на индивидуальном уровне [Pettigrew, Tropp 2011, pp. 156–171].

Также интересны результаты анализа переменных, касающихся коллективной идентичности. Т. Петтигрю и Л. Тропп констатировали, что значимая национальная идентичность у немцев связана с негативным отношением к мигрантам и живущим в Германии иностранцам, идентификация же с Европейским Сообществом, наоборот, позитивно влияет на отношение к аут группам. Однако у немцев их национальную идентичность трудно интерпретировать как надэтническую: она чаще всего совпадает с этнической. В этом отношении для России наиболее достойным вниманием представляется исследование, проведенное в Бельгии Б. Мейденсом и его коллегами об интеграции фламаноязычных и франкоязычных регионов: в этой работе была установлена прямая связь между идентификацией со страной и отношением к мигрантам [Варшавер 2015].

Обычно отечественные эксперты исходят из позитивного влияния общегражданской идентичности на снятие этнического негативизма и этнической мобилизации.

Теперь, когда стало очевидно, что не только российский, но и обобщенный зарубежный опыт подтверждает подвижность и изменчивость влияния одних и тех же факторов в различных социально-политических и этноконтактных средах, мы попытаемся проанализировать направление взаимосвязи российской государственно-гражданской идентичности и межэтнических установок.

О российской гражданской идентичности

Мы не случайно акцентировали внимание на консолидаторах российской государственно-гражданской идентичности, отражающей еще не сформировавшееся до конца гражданское общество. Тем не менее в российской идентичности его элементы все же присутствуют, и опросы позволяют зафиксировать степень их влияния на ослабление предубеждений. Для анализа мы использовали три массива информации:

- результаты исследований 24-й волны мониторинга экономического положения и здоровья населения⁵;

⁵ В 2015–2016 гг. в рамках 24-й волны RLMS-HSE (<http://www.hse.ru/nlms>); выборка 15118 респондентов в 39 регионах РФ. Модель выборки см. <https://www.hse.ru/flms/sample/>. Вопрос в исследовании под руководством М.Ф. Черныша был включен по инициативе автора статьи.

- результаты исследований 4-й волны 2016 г. мониторинга ИС РАН⁶;
- результаты проекта «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» Отдела этнической социологии ИС РАН⁷.

В исследовании по российскому мониторингу экономического положения и здоровья населения (RLMZ-HSE) вопрос об идентичностях ставился в формулировке В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, то о ком Вы могли бы сказать: “Это мы”? Как часто Вы ощущаете близость?...». И далее шел набор коллективностей: «с людьми Вашего поколения», «возраста», «профессии», «со всеми гражданами России», «жителями края, республики», «города, села», «с людьми Вашей национальности», «с людьми такого же достатка, что и Вы», «с людьми, близкими Вам по политическим взглядам», «с людьми Вашей веры» «богатыми и бедными людьми». Респонденту предлагалось солидаризироваться с позициями «часто», «иногда», «никогда». В такой же формулировке задавался вопрос в мониторинговом исследовании ИС РАН.

В исследовании «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» на вопрос «В какой степени Вы ощущаете близость с гражданами России (и другими коллективностями)?» респондентов просили ответить в формулировках: «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости», «затрудняюсь ответить».

Если в первом исследовании фиксировались категориальная российская идентичность (кто просто отождествляет себя со «всеми гражданами России») и актуальная идентичность (кто часто ощущает близость с гражданами России), то во втором и третьем исследованиях в ответах отмечались категориальная идентичность и ассоциативные связи (присоединение, стремление быть вместе с другими), повторяющие друг друга не точно, но являющиеся сопоставимыми, поскольку в актуальной идентичности стремление и потребность в присоединении тоже присутствуют.

Для выяснения взаимосвязи гражданской идентичности с ослаблением этнических предубеждений в качестве переменной наиболее продуктивным представлялся анализ именно ассоциативной (или актуальной) идентичности. На значимость такого подхода обратил внимание Р. Дженкинс, разрабатывая идею различия между номинальной, «действительной», приписываемой извне идентичностью, и идентичностью изнутри. Именно последняя, как он считал, выражается в ассоциации с коллективным именем [*Jenkins* 2008, p. 207].

В понимании идентичности мы опирались на теорию Г. Теджфела и Дж. Тернера о категоризации как свойстве социального сравнения в восприятии человека [*Tajfel, Turner* 1986], концепцию Д.Г. Мида о формировании идентичности в процессе взаимодействия с другими [*Mead* 1934], на выводы Э. Эриксона об идентичности как самоотождествлении на социально-культурной основе, связанной с идеологией [*Erikson* 1956; *Erikson* 1963].

⁶ Проект «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорегиональном контекстах» под руководством академика М.К. Горшкова; выборочная совокупность 4 тыс. респондентов в 49 субъектах РФ.

⁷ Проект РНФ № 14-18-01963 под руководством Л.М. Дробижевой, реализован в Москве, Московской, Астраханской, Калининградской областях, Республиках Карелия, Саха (Якутия) и Ставропольском крае. В каждом субъекте Российской Федерации репрезентативная выборка включала 1999–1200 единиц наблюдения. Используются также интервью экспертов (52 чел.).

Исследования показывают, что российская гражданская идентичность является широко распространенной: по данным последних опросов RLMS-HSE в 2013–2015 гг., 75–80% респондентов ощущали близость с гражданами России. Согласно результатам исследований RLMS-HSE и общероссийских опросов ИС РАН (3-я волна 2015 г.), российская идентичность была одной из наиболее распространенных коллективных идентичностей, но в их иерархии не приоритетной. Приведем данные первого исследования по ряду показателей (*таблица 1*).

Таблица 1. Гражданская идентичность среди других коллективных идентичностей. Ответы на вопрос «О ком Вы можете сказать: “Это мы”», % опрошенных

Ощущение связи, единства	Интенсивность идентификаций			
	Часто	Иногда	Никогда	Затрудняюсь с ответом
С людьми Вашего поколения	62	33	3	2
С людьми той же профессии, рода занятий	55	33	7	5
Со всеми гражданами России	26	49	14	11
С жителями Вашего края, республики, области	31	50	10	9
С теми, кто живет в том же городе, селе	43	47	5	5
С людьми Вашей национальности	48	43	4	5
С людьми того же достатка, что и Вы	47	41	6	6
С людьми, близкими Вам по политическим взглядам	29	39	16	15

Как видно из *таблицы 1*, более массовыми были поколенческие, поселенческие идентичности и идентичность по достатку и профессии, то есть идентичности, постоянно ощущаемые людьми в повседневной жизни. Из более абстрактных особой значимостью с 1990-х гг. выделяется этническая идентичность, что связано с ростом этнического самосознания, в том числе у русских, составляющих большинство населения страны. Российская идентичность, конструируемая в сознании людей, фиксируется несколько в меньшей степени, так же, как ощущение близости с людьми по политическим взглядам. Различия в распространенности других категориальных коллективных идентичностей в сравнении с российской идентичностью составляют 13–20 процентных пунктов, но если брать в территориальных измерениях (край, республика, область) – всего 6 процентных пунктов. Однако нам важно соразмерить ассоциативную идентичность, которая в данном исследовании фиксировалась как актуальная и устанавливалась количеством респондентов, «часто» ощущающих близость с названными категориями.

В 2015 г. доля людей с актуальной (ассоциативной) идентичностью и по данным RLMS-HSE, и по результатам мониторинговых исследований ИС РАН (3-я волна) достигала 26–31% и была соразмерной прежде всего с макрорегио-

нальной идентичностью и идентичностью по политическим взглядам (26, 31, 29% соответственно), что подтверждает верность интерпретации гражданской идентичности в качестве отражения политической нации.

Было установлено, что респонденты с актуальной российской идентичностью образованнее и несколько моложе, чем не ассоциирующие себя с гражданами России. Среди них больше людей, проживающих в областных центрах (46 и 34% соответственно) и доверяющих окружающим людям: доля не доверяющих людям своей национальности оказалась вдвое меньше, а доля доверяющих людям других национальностей – почти вдвое больше, чем среди не чувствующих себя связанными с гражданами России.

В 4-й волне общероссийского мониторингового исследования ИС РАН (2016 г.) респондентов просили выразить свое отношение («согласен» или «не согласен») с суждением: «В наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации». Мы отдавали себе отчет в том, что понимание общероссийской нации достаточно сложно и для многих непривычно. Однако в связке «общероссийской» в том или другом значении её воспринимают как общероссийскую общность, и в этом смысле ответ на этот вопрос в чем-то может корреспондировать с ответами на вопрос об ощущении связи с гражданами России. Среди положительно ответивших на этот вопрос отбирались только те респонденты, которые были полностью согласны с тем, что необходимо ощущать себя частью общероссийской нации (т.е. респонденты с условно ассоциированной идентичностью). И, в соответствии с имеющимися в 4-й волне мониторинга ИС РАН данными, можно дополнить характеристику россиян с ассоциированной или консолидированной сильной гражданской идентичностью. Они практически не отличаются ни своими державническими настроениями, ни демократическими ориентациями от тех, кто не считает себя частью общероссийской нации (таблица 2). Половина из них уверена в том, что Россия должна стать великой державой с мощными Вооруженными Силами; более 60% (на 14 процентных пунктов больше, чем не ассоциированных с российской нацией) поддерживают воссоединение Крыма с Россией; и большинство полагает, что Россия должна быть демократическим государством с современной экономикой.

Таблица 2. Представления о пути России у граждан с ассоциированной российской идентичностью и не ассоциирующих себя с ней, % опрошенных (мониторинг ИС РАН, 4-я волна, 2016 г.)

Безусловно и скорее согласны с суждениями	В наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации	
	Полностью согласен	Скорее и совсем не согласен
Россия должна быть великой державой с мощными Вооруженными Силами и влиять на политические процессы в мире	56	51
Воссоединение Крыма с Россией повлияло на жизнь страны в лучшую сторону	65	51
Россия должна двигаться вперед к современной экономике и образу жизни, такому же, как в Европе	66	60
Россия должна стать демократическим государством, в котором обеспечиваются права человека, свобода самовыражения личности	61	58

Респонденты, полагающие, что человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации, были более уверены в том, что в перспективе путь, по которому идет Россия, даст положительные результаты, и доверяют государственным институтам (рисунк 1).

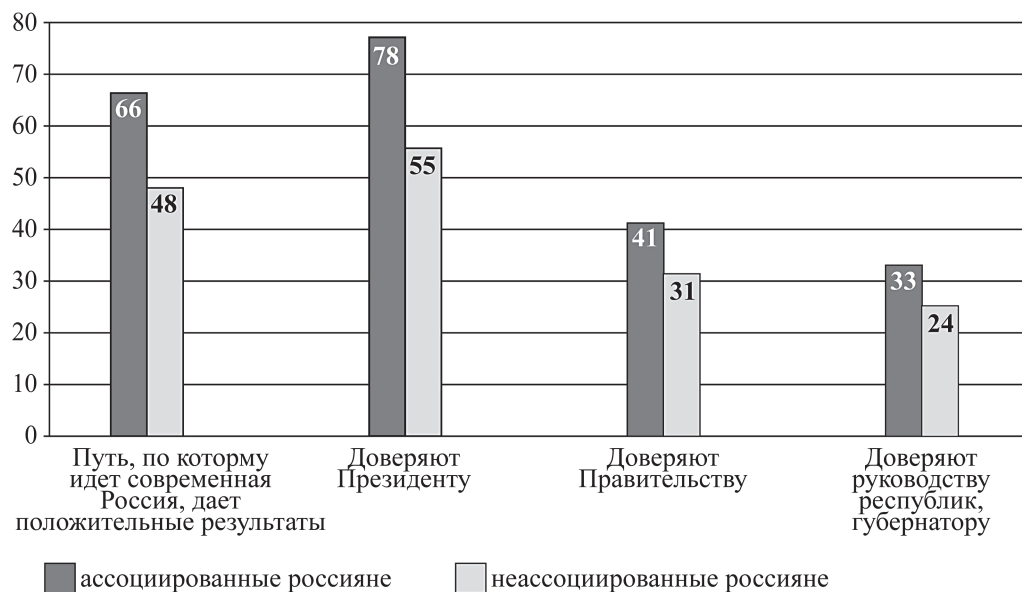

Рисунок 1. Поддержка институтов власти теми, кто ассоциируют себя с российской нацией и не ассоциирующих себя с ней (мониторинг ИС РАН, 4-я волна, 2016 г.), % опрошенных

Исследования показали, что граждане с установкой на ассоциированность с российской нацией не индифферентны к своей национальности: среди них (и прежде всего среди русских) преобладающая часть (64%) считает, что «государство должно поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения в стране – русских» (среди не ассоциирующих себя с российской нацией – 51%). Однако при этом они не склонны к этноизоляции: 81% полагает, что «государство должно поддерживать культуры и религии всех народов» (среди не ассоциирующих себя с российской нацией – 62%).

Россияне с актуальной российской идентичностью (RLMS-HSE) и с установкой на ассоциированность с общероссийской нацией (мониторинг ИС РАН) чаще оценивают межнациональные отношения в своем городе/селе как нормальные или доброжелательные и спокойные⁸. Тем не менее наблюдались и некоторые различия в эмоциональных и рациональных компонентах идентичности у русских и нерусских респондентов: так, русские, считающие обязательным

⁸ Различие с не ассоциирующими себя с гражданами России, российской нацией составляет 10–16 процентных пунктов.

быть частью российской нации, чаще говорили о чувстве любви к России (80%), а в среде людей других национальностей в качестве солидаризирующего чувства чаще упоминалась гордость за Россию. Абсолютное большинство (88%) считало недопустимым насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах (на 15 процентных пунктов больше, чем среди не ассоциирующих себя с российской нацией).

Итак, судя по массовым опросам, российская идентичность и ассоциированность с российской нацией значимо связаны с доверием к власти, солидаризацией с выбором пути, по которому идет Россия, но в то же время они не отличаются выраженной ориентацией на демократическое политическое развитие, выбором развития, основанного на движении к современной экономике и европейскому образу жизни. При этом не просматривается значимой связи включенности или невовлеченности в общероссийскую нацию с враждебностью по отношению к людям другой национальности.

Для того чтобы понять, с чем это связано, необходимо проанализировать глубинные интервью, в которых мы спрашивали экспертов, как они понимают, что респонденты могли бы вкладывать в понятия «мы – граждане России», «мы – российская нация». Анализ глубинных интервью с экспертами⁹ показал, что далеко не все имеют теоретические представления, что такое политическая гражданская нация.

Наши эксперты, среди которых были и общественные активисты из национально-культурных автономий (НКА), и журналисты, пишущие по этнонациональной тематике, и специалисты, изучающие идентичности и межэтнические отношения, достаточно четко поделились на скептиков, тех, кто имел неформальное, расплывчатое представление о российской идентичности, и на тех, кто, наоборот, демонстрировал определенное научное понимание относительно этой идентичности, видел ее значимость для общества и риски ее несформированности. Ниже приводятся высказывания, наиболее типичные для трех выделенных групп.

На наш вопрос «Как Вы считаете, в каком значении наши граждане воспринимают понятие “мы – граждане России”, “мы – общероссийская нация”?» скептики прямо отвечали:

«Мне трудно предположить, каким образом она конструируется, потому что, на мой взгляд, она не существует просто в принципе... Понятие это очень расплывчатое. И мне трудно предположить, что люди могут под этим подразумевать... Может, ничего, кроме общего телевизора, нас не связывает. Российская гражданская нация сильно преувеличена. Для этнических русских – это знак лояльности по отношению к государству, которое этнические русские по инерции считают своим государством. “Зачем мы все вместе, какие у нас цели и ценности” – ни на один из этих вопросов ответов нет...» (профессиональный журналист, Москва).

«Это конвенциональное определение – никакая это не российская идентичность, мы так договорились, что будем использовать этот индикатор, чтобы судить о том, является ли российская идентичность действительно доминирующей»¹⁰ (социолог-аналитик, специалист в области экстремальной социологии, Москва).

⁹ По проекту РНФ № 14-18-01963 было взято 52 интервью, по проекту ИС РАН (4-я волна) – 20 интервью.

¹⁰ Подобное мнение было единственным.

В опросе участвовали и эксперты, имевшие расплывчатые представления о российской идентичности и гражданской нации и сожалевшие об этом.

«Понимания того, что мы живем в единой стране, к сожалению, недостаточно. В массовом сознании понятие общероссийской нации весьма расплывчато, оно не сформировалось. Одни понимают ее как политическую нацию. Само слово “нация”, по моим представлениям, вызывает у массового читателя, зрителя, обывателя некую настороженность, потому что это как-то ассоциируется с понятиями “национализм”, “нацизм” и т.п. Это где-то в подсознании. Во многом это от времени “парада суверенитетов”. Теперь кто-то из наших активистов НКО, объединений, автономий стремится как раз к формированию общей идентичности, отдать часть себя на все-российскую общность» (специалист, работающий с общественными объединениями, Москва).

Очевидно, что эксперты связывали российскую нацию с ее конкретными составляющими, прежде всего с государственностью.

«Хотят признать себя россиянами, значит, частью государства. Я не думаю, что у нас найдется много людей, кто сказал бы: “Я себя идентифицирую вне своего государства”. Мы хотим признать себя равноправными гражданами страны. По сути, подразумеваем народ в смысле государственного, территориального сообщества. Информационные компании должны культивировать этнокультурное разнообразие и одновременно “народов много, а страна одна”» (общественник, специалист в правовой сфере, Москва).

«Мне кажется, большинство людей понимает термин “общероссийская нация”, “гражданская” с юридической точки зрения как гражданскую принадлежность, и государство является скрепом всего многообразия. Оно предоставляет равные права, возможности. Есть путаница, она мешает. В Конституции написано “мы многонациональный народ России”, а потом в других официальных документах “общероссийская нация”. То нация в народе, то народ в нации» (активист-общественник, Москва).

В опросе принимали участие и специалисты, которые акцентировали внимание на культурной составляющей российской идентичности.

«Человеку важно ощущать себя частью общероссийской нации. Так ощущает себя большинство россиян, так как это ощущение дает чувство в достаточной степени величия, целостности, масштабности. Ощущать себя частью нации в сегодняшнем социуме конструктивнее в этнокультурном контексте, нежели гражданском, потому что этнокультурный контекст прогрессивно устоявшийся, в отличие от турбулентных политических понятий гражданских общностей» (специалист-этнополитолог, Москва).

Другой специалист, также работающий в сфере межэтнических отношений, заявил:

«С понятием нации в настоящее время у нас не очень просто. В связи с тем, что нация включает в себя не только территориальную и языковую составляющую, но и психологическую, культурную. Я думаю, что российскую нацию надо растить на общих историях всех народов Российской Федерации, общих целях и задачах, совместных победах, национальных праздниках. Это дело очень многих лет» (журналист, Москва).

«Гражданская нация, идентичность – это потребность человека принадлежать чему-то большому и объединяющему. И здесь я бы видел в первую очередь потребность в принадлежности к общей истории. Это чувство какой-то культурно-исторической общности, корней, традиций» (этнополитолог, Москва).

Один из экспертов обратила внимание на то, что в представлениях русских и людей других российских национальностей могут быть определенные различия.

«Смотря у кого спрашивать о понятии российской нации. Скажем, если у этнических русских, то они скажут, что принадлежность к российской нации – это прежде всего принадлежность к русскому государству, к русской нации. Хотя вообще-то понятие такое неопределенное. Они ассоциируют все государство прежде всего с русскими. Остальные народности, которые проживают здесь, скорее всего, будут рассматривать, что это многонациональный народ России, в огромных границах, где живут много национальностей. У меньшинств это будет гражданская принадлежность» (журналист, работающий в этнической сфере).

«Все-таки до сих пор “этническое” и “национальное” представляют в головах у наших людей полную кашу, одно и то же. Поэтому “общероссийский” – это еще не “гражданская идентичность”, может быть, кто-то будет подразумевать под этим все-таки “русский”. Русские опасаются, что российское будет размывать русское. А чуваш что будет представлять? В российской общности они видят единственный выход: им не отказывают в инаковости» (специалист, компетентный в международных интерпретациях нации, Москва).

Интересно, что в республиках и областях, где проводились интервью, такого неоднородного понимания российской идентичности не встречалось, и российская идентичность ассоциировалась с государственным и территориальным пространством. Характерными высказываниями были: *«мы граждане одной страны», «у нас во многом общая история», «мы ответственны за свой край, без этого не будет процветать общая Родина», «у нас общие у всех задачи – борьба с бюрократией, с коррупцией, мы болеем за место России в геополитическом пространстве», «мы – это моя страна, мои соотечественники, друзья, коллеги, ну, словом, россияне. У меня есть друзья в других странах, но Родина-то здесь, я ее чувствую».*

Тезис «Россия – это русское государство» в республиканских интервью не встречался, а объединительные идеи были частыми, если не доминировали. Различия в понимании российской идентичности у русских в республиках и у людей титульных национальностей заключались в том, что первые чаще говорили об общей истории и объединяющей русской культуре и языке, а вторые – о едином государстве, общих интересах развития и благополучия.

Наиболее компетентные специалисты, уверенные в том, что российская идентичность есть, а российская нация – это формирующаяся реальность, характеризовали ее следующим образом:

«Представление о ценности своей страны устойчиво сопряжено с ощущением родины и отчизны. Если респондент причисляет себя к российской нации, он рассуждает о себе как об участнике согражданства. Гражданская нация не мешает существованию национальностей, а они в свою очередь не противоречат российскому единству. Понимание российской нации сопряжено с такими понятиями, как

“уважение”, “доверие”. Те, кто причисляют себя к российской нации, желают такого отношения со стороны других людей, других народов и стран, они верят, что государство принадлежит им, является крепким и проявит уважение к ним как к своим гражданам. Географический смысл термина “российская нация” обретает все более четкие контуры. Имеет значение и название государства, и культурное единство. У нас больше сходства, чем различий. Российская нация в общественном сознании – это единство культурное и политическое» (специалист-этнополитолог, работающий с результатами опросов и прессой, Москва).

Осознание, что «гражданская идентичность – это основа российской нации», прослеживается и в ответе журналистки, пишущей по национальной тематике.

«С принятием этого термина у русских есть проблема. Русское большинство считает, что это ущемляет его, хотя бы сделать их унифицированными россиянами, но это страшилка. У представителей национальных меньшинств чувство, что они россияне, ярко выражено. Я с ними общаюсь и вижу это. Они этим гордятся: это такое присоединение к чему-то очень большому и сильному» (журналист, работающий в этнополитической тематике, Москва).

«Массовое “мы” отстраивается в сочетании с историей. В одну упаковку завернуты “мы – это те, кто выиграли войну” и “те, кто показали всему миру». Язык – тоже чрезвычайно важная вещь. Я знаю английский, французский, но говорить на родном языке – это удивительная роскошь. Она есть и в Киргизии, и в Белоруссии, и в Украине, и в Армении. Вопрос в том, осознается ли она как роскошь согражданства, когда люди говорят о российской нации. На мой взгляд, даже не будучи представленным в сознании, он является системообразующим. Да, это, конечно, Чайковский, Достоевский, Чехов, Большой театр. Это культурный пласт. Есть действительно культурный код, который объединяет. Меня печалит, когда люди пытаются сформулировать, почему они общность, слишком часто говорят: “Да, мы – это не они!” И дальше “Вот эти – плохие, те – плохие”. Увы, у многих в сознании сейчас – “мы за цену не постоим”. Величие меряется в килотоннах ядерной энергии, количестве штыков. Но есть культура, она единственное, что является сущностным. И еще объединяющим является отношение к закону, проверка закона собственным здравым смыслом. Закон – это бумажка для осмысления. Считаешь его здоровым – ты ему подчиняешься, но если он не делает жизнь лучше, ты ищешь пути обхода. Это тоже наше общее. И никто не знает, что будет завтра, от простого человека до олигарха, но это ситуация нашего времени» (журналист, работавший в конфликтных ситуациях, Москва).

Другой эксперт, специалист из Республики Саха (Якутия), гражданскую идентичность, отражающую общероссийскую общность, воспринимает как активную гражданскую позицию.

«Термин “гражданское самосознание” идет в связке с такими понятиями, как “гордость за страну”, “готовность на определенные шаги для блага государства”. Люди считают, что это осознание своих прав и обязанностей, и им не безразличны события, которые происходят в стране, они в ответе за то, что они делают. Многие очень патриотичны: помогают ветеранам, ездят в приюты, прово-

дят благотворительные дела» (специалист, изучающий общественное мнение, Якутск).

«Общегражданская идентичность, то есть ощущение себя гражданином, в топе, – практически каждый россиянин об этом говорит. Другой вопрос, что представление о том, что такое гражданская идентичность, – это намного сложнее. Россиянами, вроде, все себя считают, но большая часть, кроме каких-то шаблонных стереотипов, честно говоря, не всегда так себя называют. Гражданская компонента в первую очередь конструктивистская: это ощущение себя в качестве гражданина России, достаточно волеизъявления. А вот при изучении ассоциативных связей такая составляющая, как уважение к закону, получает наименьшее место; уважение к правам тоже не столь актуально, и это тревожный момент. При этом на фокус-группах в разных городах и группах населения люди рисуют большую территорию, домик и березку» (социолог-аналитик, специалист, изучающая общественное мнение, Москва).

Как видно из приведенных комментариев, далеко не у всех экспертов, работающих с этнонациональными проблемами, есть полное и четкое представление, что понимают наши граждане под терминами «российская нация» и «гражданская идентичность». Только один эксперт высказался, что этот конструкт не имеет реальности в нашем российском пространстве, тогда как многие говорили об эмоциональных составляющих, которые опираются на культуру, язык, историю, победы; также фрагментарно упоминались такие понятия, как «доверие», «уважение», «общие ценности», «гражданственность», «ответственность».

Следует подчеркнуть, что экспертные интервью подтвердили результаты, которые мы получили в ходе массовых опросов. Отвечая на вопрос «Что Вас больше всего объединяет с гражданами страны?», большинство (согласно мониторинговым исследованиям ИС РАН) называли «государство» – более 60% (по регионам – до 80%), 54% – территорию, 32–37% – язык, культуру, историю, и 30% – ответственность за ситуацию в стране. Обращает на себя внимание тот факт, что среди респондентов распространено такое же разнообразие мнений, что и в экспертном сообществе.

Из анализа массовых опросов и экспертных интервью можно сделать вывод, что российская гражданская идентичность требует доформирования: посредством научного и властного дискурса, через сферу образования, СМИ, общественные объединения необходимо перенести ее содержательное наполнение и принципиально важные элементы в массовое сознание.

Гражданская идентичность есть у абсолютного большинства наших граждан (75–80%). Но сильное ощущение связи с гражданами России присутствует не более чем у трети россиян в разных возрастных и образовательных группах. В последнее время в российской идентичности выросли патриотические чувства, базирующиеся на охранительных представлениях. Это обстоятельство подтверждает рост этноцентризма, препятствующего открытости в межнациональных отношениях и ограничивающего позитивное влияние гражданской идентичности на снятие этнического негативизма.

Вместе с тем, по результатам опросов и экспертных интервью, очевиден и тот факт, что позитивные представления о российском сообществе, ценности и цели, объединяющие и дающие основание видеть его определенной интегрированностью, все же существуют, что позволяет надеяться на возможное благотворное влияние российской ассоциативной консолидированной идентичности на ослабление этнического негативизма.

Эффект общероссийской идентичности в сфере межэтнических взаимодействий

Межэтнические установки, так же как другие социальные установки, содержат эмоциональную, когнитивную и регулятивную составляющие. В одних сферах взаимодействий больше проявляется эмоциональная предрасположенность к восприятию «иных», а в других – рациональная готовность к взаимодействию. В зависимости от ситуации с различным эффектом действует и регулятивная составляющая. В исследовании RLMS-HSE было предусмотрено изучение межэтнических установок в отдаленных и непосредственных полях межэтнического взаимодействия (производство, семейное общение).

Мы рассмотрели связь ассоциативной гражданской идентичности с межэтническими установками на разные контакты. Оказалось, что и ассоциированные россияне, и те, кто себя такими не считают, практически одинаково согласились с утверждениями «Вам не нравится, когда в Вашем городе/селе люди в Вашем присутствии говорят на непонятном Вам языке», «Некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу» (таблица 3).

Таблица 3. Отношение россиян с гражданской идентичностью и не ассоциированных с ней к этническим предубеждениям, % опрошенных

Тип предубеждения	Россияне, граждане России	
	Ассоциирующиеся с ними	Не ассоциирующиеся с ними
Согласие с утверждением: Вам не нравится, когда в Вашем городе/селе люди в Вашем присутствии говорят на непонятном Вам языке	77,5	74,6
Согласие с утверждением: некоторые национальности отличаются агрессивней и склонностью к криминалу	78,0	81,3

Следует отметить, что коэффициент Пирсона подтверждает отсутствие связей. Эти предубеждения обусловлены в значительной мере эмоциональным восприятием этнического разнообразия, которое в значительной степени программируется внешними стимулами – информацией в СМИ, слухами – и рождает фобии, которые могут быть использованы заинтересованными силами для нагнетания напряженности в обществе. Тем не менее присутствие эмоциональной составляющей и в межэтнических установках, и в идентичности, регулирующей такие реакции, очевидно. Любовь к родине, гордость за отечество, присутствующие в российской идентичности, при соприкосновении с иной культурой могут усиливать воображаемые границы, на ликвидацию которых и должны быть направлены образовательные программы и просвещение, при этом привыкание к такому разнообразию может дать только положительная практика общения.

Как уже говорилось выше, на межэтнические установки воздействуют многие обстоятельства, и гражданская идентичность в этом случае представляется как фактор влияния, проявляющийся с разной степенью активности: чем сильнее подключаются когнитивная и регулятивная составляющие в установках людей, тем заметнее они становятся связанными с гражданской идентичностью.

Так, с утверждением «в мире есть национальности, которые Вы не уважаете» не согласились 62% ассоциированных россиян (не ассоциированных с российской нацией – 51%). Еще более связана общероссийская идентичность с отношением к «иным» в тех ситуациях, когда сильнее задействованы когнитивные установки: в ходе анализа результатов опроса были выявлены различия в отношении к совместной работе под непосредственным руководством чеченца или таджика у ассоциированных и не ассоциированных с гражданами России (таблица 4).

Таблица 4. Отношение к работе под руководством чеченца и таджика у ассоциированных и не ассоциированных с гражданами России, % опрошенных¹¹

Межэтнические установки	Россияне, граждане России	
	Ассоциирующиеся с ними	Не ассоциирующиеся с ними
Отрицательно относятся к работе под руководством чеченца	71	89
Отрицательно относятся к работе под руководством таджика	71	89
Положительно относятся к работе под руководством чеченца	26	12
Положительно относятся к работе под руководством таджика	29	12

Обращает на себя внимание практически полное совпадение отношения к возможному руководителю-чеченцу или руководителю-таджик. В этой установке значимо различаются позиции тех людей, которые заявили о своей актуальной связи с гражданами России, и тех, кто этой связи вообще не чувствует. Это видно и по данным, выраженным в процентах и в коэффициентах связи (асимптотическая значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$).

Та же ситуация прослеживается и в отношении соседства. Ответы на вопрос «как бы Вы отнеслись к факту появления среди Ваших соседей следующих новоселов: таджикской семьи, чеченской семьи?» приведены в таблице 5.

Данные таблицы 5 свидетельствуют о заметных различиях в отношении к близкому или непосредственному контакту с представителями тех национальностей, к которым распространены негативные стереотипы у людей с разной идентичностью. Даже уверенное отождествление себя с людьми, имеющими гражданскую общероссийскую идентичность, не снимает полностью этническую предубежденность, однако она очевидно меньше, и это подтверждается не только процентными различиями в 17–18 процентных пунктов, но и асимптотической значимостью χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$ в отношении иноэтничного начальника или соседства с таджикской, чеченской семьей. Известно, что обыватели нередко заявляют о своем хорошем отношении к белорусам и украинцам, что подтверждается опросами, которые, тем не менее, фиксируют изменение установок под давлением неблагоприятных обстоятельств¹².

¹¹ Данные РЛМЗ (24-я волна).

¹² Примеры трансформаций стереотипных суждений в отношении грузин и украинцев зафиксированы опросами Левада-Центра за 2013–2016 гг.

Таблица 5. **Отношение к соседству с семьями чеченцев и таджиков среди ассоциированных с гражданами России и не ассоциированных с ними, % опрошенных**¹³

Установка на межэтнический контакт	Россияне, граждане России	
	Ассоциированные с ними	Не ассоциированные с ними
Отрицательно относятся к соседству с чеченской семьей	61	79
Отрицательно относятся к соседству с таджикской семьей	60	77
Положительно относятся к соседству с чеченской семьей	39	21
Положительно относятся к соседству с таджикской семьей	40	23

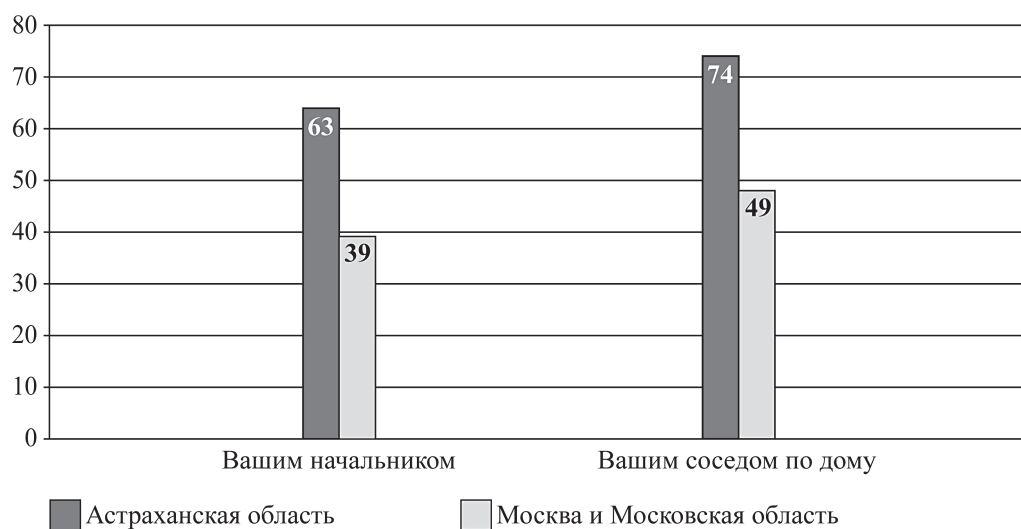

Рисунок 2. **Отношение к межнациональным контактам в Астраханской области, Москве и Московской области. Положительные ответы на вопрос «Согласились бы Вы, чтобы человек другой, отличной от Вашей, национальности, стал ...», % опрошенных**¹⁴

¹³ Данные РЛМЗ (24-я волна).

¹⁴ Проект «Ресурс межэтнического согласия в консолидации Российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии», 2015 г.

Обращает на себя внимание, насколько могут отличаться установки с выраженной когнитивной составляющей в одно и то же время в разных регионах страны. Согласно выводам Т. Петтигрю и Л. Тропп, межэтнические установки изменяются в лучшую сторону в условиях разностороннего общения между людьми различных культур [Pettigrew, Tropp 2011]. В межрегиональном исследовании нами была установлена значимость не только более плотных контактов (которые не всегда вели к улучшению межэтнических отношений), но и длительных, исторически складывающихся межкультурных взаимодействий на производстве и в бытовой сфере.

Согласно исследованиям 2014–2015 гг., в которых были выделены Москва как территория с быстро увеличивающимся притоком инокультурных мигрантов (в Московской области у респондентов были очень схожие установки) и Астраханская область, где значительный рост числа мигрантов (дагестанцев, чеченцев, казахов) являлся для местного населения достаточно привычным явлением, было установлено, что российская столица представляет собой более индивидуализированное общество, а в Астраханской области чаще встречаются коллективистские нормы в образе жизни – добрососедство, взаимопомощь и совместные празднования. Обнаружено и еще одно отличие: в Москве мигранты определялись как необходимый ресурс, несмотря на то, что СМИ зачастую связывали с ними криминал и распространение опасных болезней, чего не наблюдалось в астраханском информационном пространстве. Вполне очевидно, что в Астраханской области отношение к межэтническим контактам, в отличие от московской агломерации, было лучше. Среди жителей Астраханской области 62% респондентов никогда не испытывали чувства враждебности к людям других национальностей, а в Москве и Московской области – только 44%¹⁵. Также позитивнее было отношение к деловым и соседским контактам (рисунок 2).

При этом неожиданным выглядит тот факт, что для позитивного восприятия межнациональных контактов ассоциативная гражданская идентичность в Москве оказалась менее значимой, чем ожидалось. Как видно из *таблицы 6*, в столице на отношение к назначению руководителя другой национальности гражданская идентичность не оказывает позитивного влияния (и коэффициент Пирсона это подтверждает), также практически отсутствует связь с отношением к соседству. Помимо этого, в Москве с гражданской идентичностью оказалась связанной только установка на недопустимость насилия в межнациональных и межконфессиональных спорах (асимптотическая значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$), доля несогласных с этим среди ассоциированных россиян – в 3 раза меньше.

В Астраханской области ассоциирующие себя с гражданами России отрицательно относятся к назначению инонационального руководителя в два раза реже, чем не ассоциирующие, и в целом позитивнее относятся к соседству с семьями с Северного Кавказа (асимптотическая значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$ и $p \leq 0,012$ соответственно) (*таблица 6*). Подводя итог, можно утверждать, что гражданская идентичность в России все же является ресурсом снятия этнического негативизма, но поскольку этот негативизм связан не с одним, а многими обстоятельствами, то в одних ситуациях при поддерживающих условиях гражданская идентичность становится действительно значимым фактором, в других – ее действие тормотится.

¹⁵ Проект «Ресурс межэтнического согласия в консолидации Российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии», 2015 г.

Таблица 6. **Отношение к назначению начальника другой национальности и соседству с семьей другой национальности в Москве, Московской и Астраханской областях, % опрошенных**

Межэтнические установки	Россияне Москвы и области		Россияне Астраханской области	
	Ассоциированные	Не ассоциированные	Ассоциированные	Не ассоциированные
Положительно относятся к назначению руководителем человека другой национальности	64	74	75	45
Отрицательно относятся к назначению руководителем человека другой национальности	37	26	25	53
Положительно относятся к соседству с семьей из Северного Кавказа	40	27	49	32
Безразлично относятся к соседству с семьей из Северного Кавказа	26	45	27	32
Отрицательно относятся к соседству с семьей из Северного Кавказа	35	28	24	36

Этот вывод подтверждается связью гражданской идентичности с агрегированным показателем индекса толерантности, рассчитанным по данным RLMS-HSE И.М. Кузнецовым¹⁶. Из *таблицы 7* видно, что среди людей, ассоциированных с гражданами России, доля толерантных и нетолерантных почти равновесна, а среди не ассоциированных с гражданами России нетолерантных более чем в 1,5 раза больше (асимптотическая значимость χ^2 Пирсона подтверждает значимую связь толерантности с гражданской идентичностью).

Таблица 7. **Межэтническая толерантность среди ассоциирующих себя с гражданами России и не чувствующих связи с россиянами, % опрошенных**

Показатели толерантности	Россияне	
	Ассоциированные с гражданами России	Не ассоциированные с гражданами России
Скорее толерантные	54	39
Скорее нетолерантные	47	61

¹⁶ Индекс толерантности рассчитан по средней арифметической от суммы ответов на вопрос о несогласии с тем, что некоторые национальности отличаются агрессией и криминалом, и с тем, что есть национальности, которые респонденты не уважают, с отрицательным отношением к назначению руководителем дагестанца и к соседству с дагестанской семьей.

Выводы

Гражданская идентичность в России – это весомый фактор в купировании этнического негативизма, но даже признаваемая ассоциированная связь с гражданской идентичностью не снимает всех этнических предубеждений. Это касается прежде всего эмоционального восприятия «иных», «других», по большей части абстрактных и отдаленных.

В условиях, когда задействованы когнитивная и регулятивная составляющие межэтнических установок, представления, связанные с гражданской идентичностью (приоритет закона, права человека, осознание общих интересов, ответственность за ситуацию в стране), начинают «тормозить» негативное восприятие межэтнических взаимодействий. Признание себя ответственным гражданином общества даже при наличии этнических предубеждений блокирует их проявления, в том числе и при ответах в ходе социологических опросов: «“иных” ты можешь не любить, но гражданином быть обязан».

В современной России возможность позитивного воздействия общегражданской идентичности на этнический негативизм сдерживается неутвердившимися в сознании людей представлениями о гражданской нации. Даже среди экспертов, непосредственно связанных с идеологической сферой жизни нашего общества, у специалистов, работающих по этнонациональной проблематике, зачастую отсутствуют четкие представления о том, что такое гражданская нация и гражданская идентичность. Связано это не только с тем, что понятие «нация» долгое время использовалось в этнокультурном смысле, но и с тем, что смыслы гражданской нации, гражданского общества раскрываются лишь односторонне. Например, слово «патриотизм» звучит как национальная идея, но любовь к родине – это только эмоциональная составляющая гражданской нации. Сам патриотизм тоже бывает разный: один – декларируемый, «кричащий», и другой – деятельностный, болеющий, радеющий за людей, страну, государство, родину [Кузнецов 2016].

В настоящее время российскую гражданскую идентичность следует определять как государственно-гражданскую. Можно было бы ожидать, что в этом случае когнитивная составляющая идентичности должна удерживать в сознании людей уважение к закону и правам человека, следование нормам, задаваемым и институтами государства и общества. К сожалению, согласно результатам исследования, когнитивная составляющая российской идентичности представлена неполно, в какой-то мере ущербно, и в этом одна из причин, почему гражданская идентичность проявляет свои функции сдерживания этнического негативизма не у всех и не всегда.

Несмотря на то, что гражданская идентичность в России распространена достаточно широко (75–80%), во многом она категориальна. Люди отождествляют себя с сообществом граждан России, но ассоциируют себя («часто ощущают связь», «ощущают близкую связь») не все (примерно только треть россиян). И даже среди ассоциирующих себя с гражданами России гражданское сознание задействовано не всегда, поскольку человек все же может оказаться в неблагоприятной ситуации или под влиянием различных социальных интересов. В этих обстоятельствах гражданская идентичность является одним из условий поддержания межэтнического согласия: она выступает и в качестве предупреждающего фактора в межэтнических конфликтах, и как элемент, стимулирующий диалоговые решения возникающих противоречий и содействующий интеграции общества.

Государство и общество, ученые и трансляторы идеологии должны прилагать усилия и для разработки самого понимания гражданской идентичности, политической нации, и для совершенствования способов передачи этого понимания

в массовое сознание: такие возможности предоставляют сфера образования, средства массовой информации, общественные объединения. И в этом случае трансляторы сами обязаны быть просвещенными и убежденными специалистами.

Литература

- Варшавер Е.А. (2015) Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 183–214.
- Геллнер Э. (1991) Нации и национализм. М.: Прогресс.
- Горшков М.К., Петухов В.В. (ред.) (2015) Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. М.: «Весь Мир».
- Гудков Л.Д. (2004) Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ–А».
- Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад (2011) // http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf
- Дробижева Л.М. (ред.) (2002) Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia.
- Дробижева Л.М. (ред.) (2013) Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Дробижева Л.М. (ред.) (2015) ИНАБ № 2. Межнациональное согласие в региональном контексте. М.: Институт социологии РАН // http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf
- Картунов О.В. (1999) Вступ до Етнополитології. Київ: Інститут економіки та господарського права.
- Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2015) // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>
- Кузнецов И.М. (2016) Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. № 7. С. 164–171.
- Лебедева Н.М., Хотинец В.Ю., Выходил А.П., Гаюрова Ю.А. (2003) Психологические исследования этнической толерантности. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета.
- Паин Э.А. (2004) Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН.
- Смирнова Ю.С. (2007) Пути ослабления предубеждений: возможности и ограничения // Философия и социальные науки. № 4. С. 69–72.
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2025) // <http://www.lawinrussia.ru/node/298145>
- Тишков В.А. (2013) Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука.
- Хухлаев О.Е. (2009) Этнонациональные установки московских старшеклассников в условиях совместного обучения с мигрантами. // Психологическая наука и образование. № 1. С. 5–13.
- Allport G.W. (1954/1979) *The Nature of Prejudice*, Cambridge, MA: Perseus Books.
- Deutsch K. (1969) *Nationalism and Its Alternatives*, New York: Knopf.
- Erikson E.H. (1963) *Childhood and Society*, New York: Norton.
- Erikson E.H. (1956) *The Problem of Ego-identity* // *Journal of the American Psychoanalytic Association*, no 4, pp. 56–121.
- Hayesc C. (1966) *Essays on Nationalism*, New York: Russell and Russell.
- Hodson G, Hewston M (eds.) (2013) *Advances in Intergroup Contact*, New York: Psychology Press.
- Jackson J.S., Brown K.T., Brown T.N., Marks B. (2001) *Contemporary Immigration Policy Orientations among Dominant-group Members in Western Europe* // *Journal of Social Issues*, vol. 57, no 3, pp. 431–456.

- Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*, London: SAGE publications.
Mead G.H. (1934) *Mind, Self and Society*, Chicago: University of Chicago Press.
Parsons T. (1991) *The Social System*, London: Routledge.
Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2011) *When Groups Meet: The Dynamics of Intergroup Contact*, New York: Psychology Press.
Tajfel H., Turner J.C. (1985) *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations* (eds. Worchel S., Austin W.G.), Chicago: Nelson-Hall, pp. 7–24.
Weber M. (1968) *Economy and Society*, New York: Bedminster Press.
-
-

National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism

L. DROBIZHEVA*

***Leokadiya Drobizheva** – Doctor of Science in History, Chief Researcher, Head of the Centre for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology, Russian Academy of Science; Professor-Researcher, HSE, Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskij St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: drobizheva@yandex.ru

Citation: Drobizheva L. (2017) National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 7–31 (in Russian)

Abstract

This article discusses how national identity in Russia is understood by the public and among experts who study ethnic issues. The author separates the notion of national identity into categorical identity and associative identity (i.e. the consolidating type of identity which is based on a strong feeling of connection with other citizens). The latter type of identity is present only among a third of people who identify themselves as Russian. The author further analyses the connection of this type of identity with interethnic negativism. She finds that national identity does not remove bias towards abstract ‘others’. However, it affects direct interethnic communication in the labour and family spheres. The positive impact of national identity on interethnic attitudes is more apparent in Astrakhan region, which has longer experience of interethnic communication. It is argued that one obstacle to national identity having a positive impact on interethnic attitudes is the lack of a clear and consistent understanding of national identity among education experts, social scientists, and journalists. The study utilizes data from Wave 24 of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) conducted by the Institute of Sociology (“The dynamics of social transformation of modern Russia in the socio-economic, political, socio-cultural and ethno-religious contexts” Wave 4) and several separate regional polls conducted by the Department of Ethno-sociology of the Institute of Sociology, Russian Academy of Science (IS RAS) between 2014 and 2016.

Key words: national identity, state identity, Russian identity, ethnic negativism, interethnic attitudes, interethnic consent, interethnic relations, tolerance

References

- Allport G.W. (1954/1979) *The Nature of Prejudice*, Cambridge, MA: Perseus Books.
- Deutsch K. (1969) *Nationalism and Its Alternatives*, New York: Knopf, Cop.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'* [Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality], Moscow: Academia.
- Drobizheva L.V. (ed.) (2013) *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Civil, Ethnic and Regional Identity: Past, Present and Future], Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya.
- Drobizheva L.V. (ed.) (2015) *INAB №2. Mezhnatsional'noe soglasie v regional'nom kontekste* [Interethnic Consent in Regional Context], Moscow: Institut sotsiologii RAN. Available at: http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf, accessed 31 October 2016.
- Dvadsat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov). Analiticheskij doklad* (2011) [Twenty Years of Reforms in the Eyes of Russians (Evidence Based on Long-term Sociological Surveys). Analytical Report]. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf, accessed 31 October 2016.
- Erikson E.H. (1963) *Childhood and Society*, New York: Norton.
- Erikson E.H. (1956) The Problem of Ego-identity. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, no 4, pp 56–121.
- Gellner E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], Moscow: Progress.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds.) (2015) *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya* [The Russian Society and the Challenges of Time. Book Two], Moscow: Ves' Mir.
- Gudkov L.D. (2004) *Negativnaya identichnost'* [Negative Identity], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, «VCIOM–A».
- Hayes C. (1966) *Essays on Nationalism*, New York: Russell and Russell.
- Hodson G., Hewston M. (eds.) (2013) *Advances in Intergroup Contact*, New York: Psychology Press.
- Jackson J.S., Brown K.T., Brown T.N., Marks B. (2001) Contemporary Immigration Policy Orientations among Dominant-group Members in Western Europe. *Journal of Social Issues*, vol. 57, no 3, pp. 431–456.
- Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*, London: SAGE publications.
- Kartunov O.V. (1999) *Vstup do Etnopolitologii* [Introduction into Ethnic Political Science], Kiiv: Institut ekonomiki ta gospodarskogo prava.
- Khukhlaev O.E. (2009) Etnonatsional'nye ustanovki moskovskikh starsheklassnikov v usloviyakh sovместnogo obucheniya s migrantami [Ethno-national Attitudes of Moscow High School Students in the Context of Co-Learning with Migrants]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, no 1, pp. 5–13.
- Kontseptsiya Gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda* [The Concept of State Migration Policy of the Russian Federation until 2025]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>, accessed 31 October 2016.
- Kuznetsov I.M. (2016) Variativnost' diskursov patriotizma v povsednevnom soznanii rossiyan [Variety of Discourses of Patriotism in Everyday Consciousness of Russians]. *Vlast'*, no 7, pp. 164–171.
- Lebedeva N.M., Hotinec V.Yu., Vyskochil A.P., Gajurova Yu.A. (2003) *Psikhologicheskie issledovaniya etnicheskoy tolerantnosti* [Psychological Studies of Ethnic Tolerance], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta.
- Mead G.H. (1934) *Mind, Self and Society*, Chicago: University of Chicago Press.
- Pain E.A. (2004) *Etnopoliticheskij mayatnik. Dinamika i mekhanizmy etnopoliticheskikh protsessov v postsovetsoj Rossii* [Ethno-political Pendulum. The Dynamics and Mechanisms of Ethno-political Processes in Post-Soviet Russia], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Parsons T. (1991) *The Social System*, London: Routledge.
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2011) *When Groups Meet: The Dynamics of Intergroup Contact*, New York: Psychology Press.

- Smirnova Yu.S. (2007) Puti oslableniya predubezhdenij: vozmozhnosti i ogranicheniya [Ways of Reducing Prejudice: Opportunities and Limitations]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*, no 4, pp. 69–72.
- Strategiya gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda* [The Strategy for National Policies in the Russian Federation until 2025]. Available at: <http://www.lawinrussia.ru/node/298145>, accessed 31 October 2016.
- Tajfel H., Turner J.C. (1985) The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. *Psychology of Intergroup Relations* (eds. Worchel S., Austin W.G.), Chicago: Nelson-Hall, pp. 7–24.
- Tishkov V.A. (2013) *Rossijskij narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian People: the History and Meaning of National Identity], Moscow: Nauka.
- Varshaver E.A. (2015) Teoriya kontakta: obzor [The Theory of Contact: a Review]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 5, pp. 183–214.
- Weber M. (1968) *Economy and Society*, New York: Bedminster Press.

Ксенофобы и их антиподы: кто они?¹

В.И. МУКОМЕЛЬ*

***Владимир Изявич Мукомель** – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора изучения миграционных и интеграционных процессов, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: mukomel@isras.ru

Цитирование: Мукомель В.И. (2017) Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. Т. 26. № 1. С. 32–57

Ключевой вопрос, рассматриваемый в статье – что из себя представляют носители ксенофобных настроений и их антиподы, устойчиво артикулирующие толерантное отношение к “иным”. Эмпирической базой для анализа являлись данные 24-й волны «Российского мониторинга экономики и здоровья населения» (RLMS-HSE) (октябрь 2015 г. – январь 2016 г.) и результаты качественных исследований Института социологии РАН в пяти регионах России в 2015 г.

Анализируются социально-демографические профили, экономический, человеческий, социальный капиталы, уровень доверия, структуры идентичностей четырех выделенных групп респондентов (толерантных, колеблющихся, гипointолерантных и гиперинтолерантных). Показано, что приверженцев интолерантных установок, особенно гиперинтолерантных, характеризует низкий уровень человеческого капитала, нежелание или неготовность к инвестициям в него, небольшой социальный капитал, в результате у них формируются установки недоверия, специфическая структура идентичностей. Неуверенность и социальные страхи способствуют появлению у индивида ксенофобных установок, порождающих раздражения и фрустрации и дающих ему четкие социальные ориентиры в пространстве «свои-чужие».

Ключевые слова: ксенофобия, толерантность, интолерантность, гиперинтолерантные, гипointолерантные, националисты, установки, доверие, идентичности

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений» (грант № 15-18-00138).

Предисловие

Согласно результатам опросов ведущих социологических центров, в 2014–2016 гг. в российском обществе отмечался спад ксенофобных настроений: по данным «Левада-Центра», в 2015 и 2016 гг. зафиксирован минимальный уровень поддержки слогана 2000-х гг. «Россия для русских» [Общественное мнение-2015, с. 198; *Пития* 2016]. Проблема межнациональных отношений, как отмечалось в исследованиях, ныне не входит в число первоочередных, вызывающих озабоченность обывателей [Страхи и тревоги 2016; *Горшков* 2016, с. 426–429].

Ксенофобия направлена в первую очередь на представителей мигрантских меньшинств, не привычных для конкретной местности. Мигрантофобии следуют тренду снижения ксенофобии: если в октябре 2013 г. на фоне предвыборной кампании мэра Москвы, событий на Матвеевском рынке и в Бирюлеве Западном 81% опрошенных выступали за ограничение проживания на территории России представителей тех или иных национальностей, то в августе 2016 г. такую позицию поддерживали 70% респондентов [*Пития* 2016]. Население стало лояльнее относиться к мигрантам: в 2015 г. доля сторонников легализации незаконных мигрантов, помощи в поиске работы и «ассимиляции» практически сравнялась с долей сторонников их выдворения за пределы России, при том, что еще в 2014 г. соотношение было 1:3, а в 2013 г. – 1:5 [*Пития* 2015, с. 4, 5].

Переоценивать тренд снижения *ксенофобии* не следует². Во-первых, он отчасти ситуативен и определяется переключением внимания общества на других «врагов», трансформацией информационных потоков, концентрирующих внимание на внешнеполитических событиях³. Во-вторых, было бы странно, если бы в условиях рецессии, резкого ухудшения материального положения большинства россиян не актуализировались проблемы выживания, адаптации к новым экономическим реалиям. В-третьих, в 2015–2016 гг. снизился приток трудовых мигрантов в России, особенно по ключевым среднеазиатским направлениям: численность иностранных граждан, получивших разрешительные документы для трудоустройства, уменьшилась почти вдвое. В-четвертых, определенный эффект возымело более пристальное внимание правоохранительных органов к проявлениям ксенофобных настроений.

Однако все вышеназванные обстоятельства имеют конъюнктурный характер и могут развернуть тренд ксенофобии в любой момент. Пожалуй, единственный долгосрочный фактор, отмечаемый принимающим населением, – это привыкание к представителям «видимых меньшинств» в ходе контактов с ними и адаптацией последних к локальному социуму [*Мукомель* 2016, с. 428–429]. Присутствие мигрантов на рынке труда становится привычным и социально одобряемым: в марте 2016 г. 53% респондентов позитивно относились к использованию труда мигрантов в коммунальном хозяйстве (39% против), 50% – в сфере услуг (38% против). Кроме этого, в последние годы россияне стали более лояльно относиться и к присутствию мигрантов в таких отраслях, как образование и медицина⁴.

² Ниже речь пойдет преимущественно о таких формах ксенофобии, как этно- и мигрантофобии.

³ О влиянии СМИ на уровень межнациональной напряженности см.: [*Черныш* 2015, с. 17–32].

⁴ Опрос ВЦИОМ, 12–13 марта 2016 г., 1600 респондентов в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России [Мигранты на российском рынке 2016].

Однако часть населения все же не приемлет представителей иных национальностей как таковых: в августе 2016 г. 18% респондентов полагали, что следует ограничить проживание на территории страны «всех наций, кроме русской». Лимитировать проживание в России «выходцев с Кавказа» считали необходимым 34% респондентов, приехавших из бывших среднеазиатских республик СССР – 29%, китайцев – 24%, вьетнамцев – 19%, украинцев – 13%, лишь пятая часть опрошенных выступали против ограничений на проживание людей других национальностей. Несмотря на фиксируемое снижение мигрантофобий, запас прочности изоляционистских установок чрезвычайно велик: 2/3 опрошенных специалистами «Левада-Центра» респондентов выступают против миграционного притока в страну, и только четверть населения считает, что не надо ставить никаких административных барьеров для мигрантов [Липня 2016].

Ксенофобия не сходит на «нет»: она принимает латентные формы, не фиксируемые в публичном пространстве, но весьма заметные в пространстве виртуальном, проявляясь в устойчивой настороженности к представителям отдельных «видимых меньшинств». Россияне негативно относятся к выходцам из Средней Азии, Юго-Восточной Азии, Северного Кавказа, Закавказья, при этом отношение к выходцам из Белоруссии, Украины и Молдовы более толерантно.

Разграничение на «желательных» и «нежелательных» мигрантов прочно укоренилось в общественном сознании, при том, что многие люди не различают представителей разных национальностей (один из наиболее популярных ответов – «они все на одно лицо»). Претензии и фобии принимающего населения многократно описаны. Основные опасения – размывание и утрата идентичности в связи притоком «иных», представителем других культур и т.д.⁵

Существуют более или менее устойчивые представления о психологических характеристиках толерантных и интолерантных личностей, базирующиеся на работе Г. Оллпорта «Природа предубеждения» [Allport 1954/1979]⁶. Правда, к полувековому юбилею выхода этой классической работы в книге с симптоматичным названием «О природе предубеждения. Пятьдесят лет после Оллпорта» справедливо указывается, что Г. Оллпорт пропустил важные аспекты природы предубеждения, т.к. его взгляды «были лимитированы не только ограниченной эмпирической базой, но и сложившимися социальными представлениями и ценностями» [Dovidio, Glick, Rudman 2005, pp. 9–10]⁷.

Но ключевым остается вопрос: что из себя представляют носители этих ксенофобных настроений? Не с точки зрения их психологии (которая, разумеется, крайне важна), а с точки зрения их встроенности в общество и локальные социумы. Каково их место в социальной повседневности, как они живут, работают, чем дышат? Кто они? На сегодняшний день существуют две альтернативные точки зрения: ксенофобия, расползаясь, равномерно поражает все слои российского общества [Леонова 2004], и ксенофобия как удел маргиналов, более интенсивно распространяющаяся в низших социальных слоях [Кон б.г.; Дробижеева (2) 2013, с. 279]. Что из себя представляют антиподы ксенофобов – та четверть респондентов, которая устойчиво артикулируют толерантное отношение к «иным»? Чем различаются толерантные и интолерантные росси-

⁵ Хотя в претензиях к «иным» представителям разных социальных слоев имеются определенные нюансы [Мукомель 2016, с. 438–443].

⁶ Психологическая типология личности в континууме «толерантность-интолерантность» в интерпретации Г. Оллпорта вкратце изложена Г.У. Солдатовой [Солдатова 2001, с. 19].

⁷ Также имеются представления о социально-психологических факторах формирования толерантных и интолерантных установок, обзор которых см.: [Лебедева 2011, с. 281–285].

яне: социально-демографическими характеристиками, размерами капитала (человеческого, социального, экономического), насколько значимы различия в уровне доверия, в структуре их идентичностей, или решающую роль играет их психологическое состояние? Это лишь первый пласт вопросов. Вторым – на какие этнические группы направлена ксенофобия, кто вызывает наибольшее отторжение? Третий пласт вопросов возникает вследствие того, что при очевидной корреляции между этно- и мигрантофобиями это все же разные, хотя и пересекающиеся множества. Судя по опросам, интолерантное отношение к представителям тех или иных национальностей выказывается респондентами все же реже, чем отторжение мигрантов. Кто же те люди, которые возмущаются при упреке в ксенофобии, но не при обвинении в мигрантофобии? Интуитивно понятная большая лояльность российского общества к мигрантофобиям частично объясняется тем, что мигранты – это иностранцы, чьи права можно не обсуждать.

Поиску ответов на первую часть вопросов и посвящена настоящая статья. Она базируется на исследовании в рамках проекта «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений», поддержанного Российским научным фондом. Эмпирической базой для анализа являлись данные 24-й волны «Российского мониторинга экономики и здоровья населения» (RLMS-HSE) [Российский мониторинг экономического положения (1) 2016] (выборка – 15 118 респондентов), а также результаты качественных исследований в пяти регионах России в 2015 г. [Черныш 2015].

Критерии измерения уровня этнической толерантности/интолерантности

Для измерения уровня этнической интолерантности респондентов использовались следующие критерии: недоверие к людям другой национальности; распространение стереотипа или негативного личного опыта на всю этническую группу (представления о том, что «некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу»); неуважение других национальностей. На основании указанных критериев были отобраны четыре группы респондентов: *толерантные, колеблющиеся, интолерантные* (среди последних выделялись *гипоинтолерантные и гиперинтолерантные*).

К *толерантным* отнесены те, кто отвечает всем следующим условиям: доверяют всем людям (или большинству людей) других национальностей; совсем (или в основном) не согласны с тезисом, что «некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу»; совсем (или в основном) не согласны с тезисом, что «в мире есть национальности, которые Вы не уважаете»⁸.

К *интолерантным*, напротив, причислены те, кто не доверяет никому (или доверяет меньшинству) среди людей других национальностей, полностью (или в основном) согласен, что «некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу», полностью (или в основном) солидарен,

⁸ Вопросы специального блока, включенного в 24-ю волну (раздел J) RLMS-HSE [Российский мониторинг экономического положения (2) 2016].

что «в мире есть национальности, которые Вы не уважаете». Поскольку группа *интолерантных* достаточно многочисленна, в ней были выделены две подгруппы: *гипоинтолерантных* (умеренно интолерантных) и *гиперинтолерантных* (сверхинтолерантных). К *гипоинтолерантным* отнесены те, кто придерживается жесткой позиции, но не по всем вопросам, в отличие от гиперинтолерантных. К *гиперинтолерантным* причислены придерживающиеся наиболее жесткого восприятия «иных»: не доверяющие никому среди людей других национальностей; полностью согласные, что «некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу»; полностью поддержавшие тезис, что «в мире есть национальности, которые Вы не уважаете».

К *колеблющимся* (занимающим неустойчивую позицию) отнесены все, не вошедшие в группы *толерантных* и *интолерантных*.

Распределение респондентов на группы по уровню этнической толерантности выстроилось следующим образом: *толерантные* – 4,8% респондентов, *интолерантные* – 16,8% (в т.ч. *гипоинтолерантные* – 13,2%, *гиперинтолерантные* – 3,6%), *колеблющиеся* – 78,4%⁹.

Социально-демографические профили

Ксенофобные установки в разной степени распространены в различных социально-демографических группах. И первое, на что следует обратить внимание, – более выраженная толерантность женщин по сравнению с мужчинами (*таблица 1*). Этот вывод понятен и тривиален: мужчины, как правило, в социальной жизни активнее, для них менее характерна эмпатия, они склонны к резким суждениям и действиям, поэтому достаточно сложно спорить с мнением о «своеобразии мужской и женской субкультуры в отношении толерантных установок к представителям других национальностей» [*Зинченко, Логинов 2011, с. 342*].

Второе: среди выказывающих толерантные установки больше представлены старшие возраста – люди, выросшие в советское время и ностальгирующие о дружбе народов. И, напротив, среди гиперинтолерантных чаще можно встретить лиц младшего и среднего возраста. Особенно выделяется когорта 25–29-летних, социализация которых пришлась на 2000-е гг.: среди толерантных респондентов лица этого возраста составляют 10,6%, среди гиперинтолерантных – 15,0%.

Третье: среди приверженцев ксенофобных установок чаще встречаются лица, семейное положение которых неустойчиво: если среди толерантных 10,4% живут в незарегистрированном браке, то среди гипоинтолерантных – 12,6%, среди гиперинтолерантных – 14,5%; среди толерантных меньше разведенных – 7,0% (против 8,2% среди гипоинтолерантных и 8,3% – среди гиперинтолерантных).

Четвертое: толерантные респонденты более образованны, чем приверженцы интолерантных установок.

⁹ Данное распределение достаточно условно, т.к. определено избранными типологическими критериями; при более мягких критериях крайние группы континуума *толерантные-колеблющиеся-гипоинтолерантные-гиперинтолерантные* будут более наполнены. Однако, исходя из задач исследования, уместнее использовать более жесткие критерии, позволяющие более четко выделить ядро крайних групп спектра.

Таблица 1. Основные социально-демографические характеристики разных групп респондентов, %¹⁰

Характеристики		Толерантные	Коллеблющиеся	Гипонитолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
Мужчины		40,8	41,5	46,6	50,6	42,5
Женщины		59,2	58,5	53,4	49,4	57,5
Возраст, лет	До 20	2,6	2,7	1,7	1,5	2,5
	20–29	18,9	17,3	18,9	22,9	17,8
	30–39	19,7	20,4	22,1	21,7	20,6
	40–49	19,8	16,6	17,1	18,1	16,9
	50–59	15,6	16,4	16,5	15,2	16,3
	60 и старше	23,4	26,7	23,7	20,6	25,9
Семейное положение	Никогда не состоявшие в браке	19,2	18,9	16,8	16,1	18,5
	Состоящие в браке (включая гражданский и религиозный)	62,4	61,0	64,2	66,5	61,7
	Вдовы, разведенные	18,3	20,1	19,0	17,4	19,8
Законченное образование	Начальное и незаконченное среднее	15,3	20,5	19,3	17,7	20,0
	Среднее общее	28,6	29,0	28,1	34,0	29,1
	Среднее специальное / профессиональное	23,6	25,2	26,9	28,6	25,5
	Высшее	32,5	25,3	25,7	19,7	25,5

¹⁰ Здесь и во всех таблицах ниже, если не оговорено иное, значение критерия χ^2 Пирсона $p < 0,001$.

Работа, материальное положение

Интолерантные респонденты, и в особенности гиперинтолерантные, почти в полтора раза реже встречаются в квалифицированных профессиональных группах, в отличие от их толерантных антиподов. И, напротив, среди приверженцев интолерантных установок можно чаще встретить рабочих, прежде всего неквалифицированных (таблица 2).

Установки толерантности/интолерантности работников, принадлежащих к разным профессиональным группам, различаются весьма существенно, что наиболее заметно при сравнении достаточно однородных групп высококвалифицированных специалистов и неквалифицированных рабочих (таблица 3). Специалисты высшего уровня квалификации в 2,1 раза чаще выражают толерантные установки (6,7%), чем неквалифицированные рабочие (3,0%). Последние в 2,3 раза чаще встречаются в группе гиперинтолерантных (10,2 против 4,3% - таблица 2).

Таблица 2. Принадлежность к группам занятий респондентов с разными установками толерантности, %

Профессиональные группы ¹¹	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
Группы 1–3. Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена; специалисты высшей и средней квалификации	51,9	45,6	40,3	35,8	44,8
Группы 4–5. Служащие офисные и по обслуживанию клиентов; работники сферы торговли и услуг	19,7	22,2	23,8	23,6	22,4
Группы 7–8. Квалифицированные рабочие	23,6	24,9	27,4	29,2	25,3
Группа 9. Неквалифицированные рабочие	4,3	6,7	7,7	10,2	6,9
Всего (Группы 0–9)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: без малочисленных групп («0» – военнослужащие, «б» – квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыболовства).

Таблица 3. Установки толерантности высококвалифицированных специалистов и неквалифицированных рабочих, % ответивших

Профессиональная группа	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Всего
Высококвалифицированные специалисты	6,7	79,4	11,0	3,0	100,0
Неквалифицированные рабочие	3,2	74,9	16,0	5,9	100,0

¹¹ Группы занятий 1–3 по общероссийскому классификатору занятий ОК 010-2014 (российский аналог International Standard Classification of Occupations, ISCO-08).

У работников, выражающих интолерантные установки, удовлетворенность работой ниже, чем у толерантных респондентов, они менее представителей других групп удовлетворены условиями труда, возможностями профессионального роста и оплатой труда (таблица 4). Среди них удовлетворены своим заработком лишь 30,0%, тогда как неудовлетворенных – на треть больше (40,5%).

Таблица 4. Удовлетворенность работой (распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены...?», ответившие «полностью удовлетворены», «скорее удовлетворены»), % опрошенных

Удовлетворенность	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
работой в целом	77,5	64,5	59,0	55,5	64,0
условиями труда	75,0	63,2	58,6	56,7	62,8
оплатой труда	45,4	35,6	29,3	30,0	35,0
возможностями профессионального роста	58,7	46,5	44,5	39,3	46,6

И это при том, что они зарабатывают не меньше других: статистически значимых различий в оплате труда работников одного возраста, образования, занятых на схожих рабочих местах, не просматривается. Более того, заработки интолерантных респондентов даже несколько выше, чем у других. Вызвано это тем, что, несмотря на то, среди придерживающихся интолерантных установок меньше представлены хорошо зарабатывающие руководители и высококвалифицированные специалисты, а также более опытные и лучше оплачиваемые работающие пенсионеры, это компенсируется большей долей квалифицированных рабочих с высокими заработками и меньшей долей низкооплачиваемых специалистов средней квалификации. И это общая тенденция: интолерантные респонденты, судя по объективным характеристикам, находятся не в худшем материальном положении по сравнению с другими, а даже в несколько лучше. Среди них выше доля имеющих доходы выше медианных, а также имеющих самые высокие доходы (входящих в верхний квантиль). Однако это не столько вследствие реально существующих диспропорций в доходах, сколько из-за различного состава групп: среди толерантных больше представлены лица с низкими доходами – старшекласники, учащиеся системы профобразования, неработающие пенсионеры, домохозяйки, временно незанятые, но ищущие работу.

Недовольство своим материальным положением декларируют представители всех групп, однако самые недовольные – придерживающиеся ксенофобных установок. Если среди толерантных не удовлетворены своим материальным положением 46,0% респондентов (удовлетворены 34,8%), то среди гиперинтолерантных неудовлетворенных¹² – 71,4% (удовлетворенных – 15,2%), среди гипоинтолерантных – 64,9 и 18,1% соответственно, среди колеблющихся – 56,8 и 23,1% соответственно. Почти половина гиперинтолерантных (45,6%) «совсем не удовлетворены» материальным положением, тогда как среди толерантных – лишь 13,9%.

¹² К удовлетворенным отнесены ответившие «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены», к неудовлетворенным – «не очень удовлетворены» и «совсем не удовлетворены».

Приверженцы ксенофобных установок чаще фиксируют ухудшение своего материального положения: 44,5% сверхинтолерантных заявили, что материальное положение их семьи ухудшилось в течение года, предшествующего опросу (среди умеренно интолерантных – 34,3%, среди колеблющихся – 30,4%, среди толерантных – лишь 23,6%)¹³.

Свой материальный капитал, свое богатство интолерантные респонденты оценивают очень невысоко: почти половина из них считают себя бедными, тогда как среди толерантных таковых лишь каждый четвертый (таблица 5).

Выражающие ксенофобные установки респонденты существенно чаще выражают недовольство своим материальным положением: среди сверхинтолерантных, оценивающих свое благосостояние как небольшое, таковых 90,1% (против 69,8% среди толерантных респондентов, также критически оценивающих свое благосостояние). Тем не менее объективные основания для столь пессимистических оценок отсутствуют: различия между группами в возможностях респондентов улучшить свои жилищные условия, откладывать деньги на крупные покупки (машину, дачу), провести отпуск за границей статистически не значимы (хотя и фиксируется определенная диспропорция в возможностях оплачивать учебу ребенка в вузе).

Таблица 5. **Благосостояние, самооценка (ответы на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой, – богатые. На какой из 9 ступеней находитесь сегодня Вы лично?»), % опрошенных**

Богатство	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
небольшое (1–3 ступени)	24,9	34,9	42,6	48,4	36,0
среднее (4–6 ступени)	64,2	57,5	53,5	45,5	56,9
большое (7–9 ступени)	8,8	4,6	2,5	4,0	4,4
3/о, отказ, нет ответа	2,0	3,0	1,5	2,1	2,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Беспокойство относительно невозможности сохранить уровень благосостояния выказывают все, но наиболее остро это ощущают сторонники ксенофобных установок, представители других групп более оптимистично смотрят в будущее. Особо тревожит перспектива дальнейшего обнищания гиперинтолерантных: лишь каждый седьмой из них не выказывает тревогу, что не удастся сохранить имеющийся уровень благосостояния, не впасть в нищету, при этом более половины из них это «очень беспокоит» (таблица 6).

¹³ Социальные и экономические характеристики, установки колеблющихся и гипоинтолерантных практически всегда, кроме специально оговариваемых случаев, занимают промежуточное положение между толерантными и гиперинтолерантными.

Таблица 6. **Беспокойство по поводу возможного обнищания в ближайшем будущем (распределение ответов на вопрос «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?»), % опрошенных**

	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
Очень беспокоит	20,9	32,8	41,2	55,5	34,2
Немного беспокоит	43,4	33,5	31,6	23,0	33,4
И да, и нет	13,0	12,6	10,9	6,9	12,2
Не очень беспокоит	15,3	14,3	11,7	8,0	13,8
Совсем не беспокоит	7,1	5,6	4,4	6,3	5,5
З/о, отказ, нет ответа	0,4	1,2	0,2	0,4	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Опасения потерять работу распространены во всех группах, однако приверженцы ксенофобных установок наиболее остро ощущают это как проблему: безработица «очень беспокоит» 44,4% сверхинтолерантных (против 19,2% толерантных, 29,1% колеблющихся и 35,8% умеренно интолерантных)¹⁴. Они более пессимистично оценивают свою возможность найти работу, которая была бы не хуже нынешней: 47,5% гиперинтолерантных не уверены, что такое возможно (против 32,4% среди толерантных, 41,3% среди колеблющихся и 46,7% среди гипоинтолерантных).

Повышенная тревожность за свое материальное благополучие, боязнь обнищания, страхи потерять работу сторонников ксенофобных установок, находящихся не в худшем материальном положении, чем другие респонденты, отчасти обусловлены осознанием своих ограниченных возможностей приспособления к меняющейся обстановке на рынке труда в силу недостаточного образования. Если среди толерантных работников с доходами свыше 30 тыс. руб.¹⁵ 53,0% имеют высшее образование, то среди гиперинтолерантных – только 28,7%. Более трети гиперинтолерантных с высокими заработками (35,2%) имеют среднее образование или ниже среднего; среди них значительная часть – рабочие (38,9%), и лишь 35,8% – руководители, специалисты высшей и средней квалификации (против 51,8% среди толерантных). Относительная депривация характерна даже для материально обеспеченных приверженцев ксенофобных установок, ограниченных в своих возможностях конвертации человеческого капитала в материальный и осознающих, что они достигли планки, которую им не переступить.

¹⁴ Такого рода настроения характерны даже для тех гиперинтолерантных, которые имеют самые высокие доходы. Единственное, что отличает последних, – это большая уверенность в возможности восстановления своего материального положения, и это при том, что они боятся потерять работу не меньше, чем другие, они чаще не сомневаются в способности найти работу не хуже нынешней.

¹⁵ Медианное значение – 20 тыс. руб.; верхний квантиль – свыше 30 тыс. руб.

Человеческий капитал

Основными видами вложений в человека являются образование, производственная подготовка, инвестиции в здоровье, миграция, поиск информации на рынке труда¹⁶, и по всем указанным позициям фиксируются значительные диспропорции среди разных групп респондентов. Ксенофобные установки больше характерны для лиц, не получивших достойного образования: если среди гиперинтолерантных лишь каждый пятый имеет высшее образование (а среди гипointолерантных – каждый четвертый), то среди толерантных – каждый третий (таблица 1).

Полученное образование характеризует общий человеческий капитал: знания и навыки представляют ценность безотносительно того, где они были получены, так как могут находить применение во множестве различных мест. Наряду с общим выделяют и специфический человеческий капитал – специфические знания и навыки, которые могут использоваться только там, где были получены [Капелюшников, Лукьянова 2010, с. 10]. Носители толерантных установок выделяются и здесь: свой профессионализм¹⁷, отчасти характеризующий специфический капитал, отметили более половины (52,6%) толерантных против 44,2% гиперинтолерантных (колеблющиеся и гипointолерантные – 46,4% и 45,9% соответственно).

Особо необходимо подчеркнуть различное отношение к собственному здоровью: приверженцы ксенофобных установок чаще, по сравнению с толерантными респондентами, отмечают плохое самочувствие (таблица 7).

Таблица 7. Состояние здоровья (распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое здоровье? Оно у Вас...»), % опрошенных

Состояние здоровья	Толерантные	Колеблющиеся	Гипointолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
очень хорошее	2,0	1,8	1,6	2,6	1,9
хорошее	41,7	36,3	32,3	31,5	35,9
среднее, не хорошее, но и не плохое	46,4	49,0	51,0	51,8	49,2
плохое	8,6	10,4	12,5	10,2	10,6
совсем плохое	0,7	1,4	1,8	3,3	1,5
3/о, отказ, нет ответа	0,5	1,0	0,8	0,6	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹⁶ Помимо перечисленных видов вложений, также рождение и воспитание детей, но данные виды инвестиций ниже не рассматриваются.

¹⁷ С 7-й по 9-ю позиции по 9-балльной шкале «лестницы профессионального мастерства», самооценка.

Однако объективные оценки не дают оснований утверждать, что состояние их здоровья столь плохо, как они об этом говорят: доля лиц с хроническими заболеваниями и имеющих инвалидность практически не различается во всех группах респондентов. (Учтем также, что приверженцы ксенофобных установок, как правило, моложе своих антиподов).

А вот отношение к своему здоровью заметно различается у разных групп. Это и курение – курят 39,0% гиперинтолерантных, тогда как среди толерантных курящих – 23,3%. Это и потребление алкоголя, культура его потребления: гиперинтолерантные начинают пить в более раннем возрасте, пьют чаще, пьют больше и менее качественные напитки, чем представители других групп.

Еще более заметны различия в инвестициях в собственное здоровье: среди толерантных в 1,5–2 раза больше, чем среди интолерантных, занимающихся спортом, посещающих фитнес-центры, увлекающихся танцами, аэробикой, шейпингом и другими видами физической активности.

Что же касается инновационных форм вложений в человеческий капитал, то толерантные респонденты в 1,4 раза чаще заявляют о знании иностранных языков, чем гиперинтолерантные. В то же время компьютерная грамотность респондентов разных групп практически одинакова (хотя толерантные несколько чаще используют компьютер для работы и учебы, чем гиперинтолерантные – 64,6% против 57,7% соответственно). Также отсутствуют различия и в миграционном опыте, играющем важную роль в накоплении человеческого капитала.

Вероятно, решающее влияние на формирование человеческого капитала оказывает образование, аккумулирующее и культурный уровень, и материальные дивиденды, и большую вовлеченность в социум. «Для взрослых с более высоким уровнем образования больше вероятность того, что они сообщат о хорошем здоровье¹⁸, что они участвуют в волонтерской деятельности, что они доверяют другим и что они чувствуют, что их мнение учитывается в процессе управления. Другими словами, взрослые с более высоким уровнем образования, как правило, более активно вовлечены в процессы, которые происходят вокруг них» [Education at a Glance 2015, p. 27]¹⁹.

Социальный капитал и доверие

Важными составными социального капитала являются наличие властных полномочий и уважение со стороны общества и окружения, синонимами которых выступают репутация и престиж. В этом плане можно говорить о существенных различиях в компонентах социального капитала в группах, различающихся уровнем этнической толерантности. Самооценки толерантных более высокие, чем у их антиподов: среди них вдвое меньше полагающих, что у них недостаточно властных полномочий, и соответственно в 2,5 раза больше заявляющих, что они обладают властью (таблица 8).

¹⁸ Лица, хорошо образованные (а среди толерантных таковых больше, чем среди интолерантных), лучше следят за состоянием своего здоровья, чем люди менее образованные [Капелюшников, Лукьянова 2009, с. 107; Тихонова 2008].

¹⁹ Образование положительно коррелирует с толерантностью, и эта связь передается следующему поколению, как подметил в свое время Г. Оллпорт. Но он пребывал в сомнении, связано ли это с чувством безопасности, навыками критического мышления или большим объемом знаний, и выражал несогласие с тезисом, что проблемы предубежденности – это проблемы недостатка образования [Allport 1954/1979].

Таблица 8. **Властные полномочия, самооценка (ответы на вопрос «А теперь представьте лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из ступеней находитесь Вы лично?»), % опрошенных**

Властные полномочия	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
небольшие (1–3 ступени)	24,8	37,8	41,4	50,2	38,1
средние (4–6 ступени)	62,3	51,7	52,6	43,8	52,1
большие (7–9 ступени)	11,3	6,8	4,3	4,6	6,6
З/о, отказ, нет ответа	1,5	3,7	1,8	1,3	3,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Не менее примечательны различия в оценке респондентами уважения со стороны окружающих: среди толерантных на порядок меньше сомневающихся, что они пользуются уважением других людей (таблица 9).

Таблица 9. **Уважение, самооценка (ответы на вопрос «Лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей – те, кого уважают. На какой из ступеней находитесь Вы лично?»), % опрошенных**

Уважение	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
низкое (1–3 ступени)	1,2	4,3	5,3	8,5	4,4
среднее (4–6 ступени)	44,1	44,2	50,0	47,8	45,1
высокое (7–9 ступени)	51,7	45,6	41,2	39,1	45,0
З/о, отказ, нет ответа	3,0	5,9	3,5	4,5	5,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Дж. Коулман показал, что доверие выступает неотъемлемым элементом социального капитала, отражающего качество человеческих взаимоотношений и эффективность социальных связей [Коулман 2001, с. 125]. Исследования Р. Путнама, предложившего индекс социального капитала и обнаружившего самую высокую корреляцию между доверием и другими компонентами индекса, позволяют признать доверие «ядром общественного капитала», «самой ценной разновидностью общественного капитала» [Штомпка 2007, с. 266]²⁰. Социальный

²⁰ При этом не снимается вопрос о каузальности при использовании понятия «доверие» в трактовке Р. Путнама: неясно, является ли доверие предпосылкой формирования социального капитала или его следствием.

капитал, с одной стороны, предстает как некий потенциал общественного взаимодействия, являющийся результатом достигнутого доверия между членами сообщества, с другой – выражает накопленный запас социального капитала [Козырева, Смирнов 2010, с. 164]. Согласно результатам настоящего исследования, толерантные респонденты демонстрируют большее доверие как к ближнему, так и к более отдаленному окружению (таблица 10).

Таблица 10. Уровень межличностного доверия (распределение ответов на вопрос «Какому числу людей Вы доверяете в следующих группах...?»; доверяющие «всем» и «большинству»), % опрошенных

Уровень доверия	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
членам семьи	97,9	95,4	96,9	95,4	95,7
друзьям	97,5	89,7	88,2	74,4	89,5
коллегам ²¹	96,8	84,5	79,6	66,8	83,8
соседям	91,9	64,2	55,5	43,8	63,7
руководителям предприятия ²²	83,4	68,8	60,3	48,5	67,6

При кажущейся схожести масштабов доверия к членам семьи в разных группах респондентов все же фиксируются значительные расхождения: если среди толерантных всем членам семьи доверяют 87% респондентов, большинству членов семьи – 10,9%, то среди гиперинтолерантных – 79,6% и 15,8% соответственно.

Особенно заметны различия в уровне доверия разных групп респондентов к представителям других национальностей. Отметим три обстоятельства. Во-первых, наиболее многочисленная группа колеблющихся демонстрирует установки, более близкие к характерным для гипоинтолерантных, чем толерантных, в соотношении 1:1,7 (таблица 11). Во-вторых, каждый четвертый из них уклонился от ответа. В-третьих, хотя большинство колеблющихся респондентов (53,6%) не доверяют представителям других национальностей, тем не менее 27,8% доверяют им в той или иной степени. С учетом неопределившихся и уклонившихся от ответа в группе колеблющихся можно предположить, что толерантные установки присущи 25–33% россиян.

Низкий уровень межличностного доверия напрямую связан с формированием ксенофобных установок, когда «взаимное недоверие, подозрительность становятся одним из главных факторов, обуславливающих сохранение интолерантности в российском обществе» [Козырева, Смирнов 2010, с. 171].

²¹ Имеющие коллег. Разница между крайними позициями толерантных и гиперинтолерантных по уровню доверия сохраняется в иной формулировке вопроса («В какой степени Вы доверяете людям, с которыми Вы вместе работаете, коллегам?») и при более детализированной шкале.

²² Работающие. Разница между позициями толерантных и гиперинтолерантных сохраняется в иной формулировке вопроса («В какой степени Вы доверяете руководству Вашего предприятия, организации?») и при более детализированной шкале.

Таблица 11. Уровень доверия к представителям других национальностей, % опрошенных

	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Все группы ²³
Всем доверяете	12,1	3,0	–	3,0
Большинству доверяете	87,9	24,8	–	23,7
Доверяете меньшинству	–	34,3	69,0	36,0
Никому не доверяете	–	12,7	31,0	17,6
З/о, отказ, нет ответа	0,0	25,2	0,0	19,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 12. Уровень доверия к представителям своей национальности, % опрошенных

	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
Всем доверяете	23,2	12,1	9,3	7,8	12,1
Большинству доверяете	71,6	57,3	55,7	45,6	57,4
Доверяете меньшинству	3,1	17,2	27,9	28,8	18,3
Никому не доверяете	0,5	3,3	4,7	14,7	3,7
З/о, отказ, нет ответа	1,5	10,2	2,4	3,2	8,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Межличностное доверие сказывается не только на прямых контактах с конкретными представителями этнических, мигрантских, религиозных и других меньшинств. Недоверие к конкретным людям распространяется на всю категорию людей, с которыми мы не сталкиваемся непосредственно, и только наше представление соединяет их в реальные сообщества – членов этнической группы, религии, расы и т.п. [Штомпка 2012, с. 117].

Самое удивительное, что полное отсутствие доверия к представителям других национальностей у сверхинтолерантных прекрасно уживается с пониженным (по сравнению с толерантными и другими группами респондентов) доверием к представителям своей национальности. 43,5% гиперинтолерантных в той или

²³ Включая гиперинтолерантных. Данные по ним не приводятся, т.к. критерием их выделения являлось полное неприятие людей других национальностей (т.е. 100% гиперинтолерантных никому не доверяют). Этой же причиной объясняется отсутствие данных по доверяющим среди гипоинтолерантных и недоверяющим среди толерантных.

иной мере не доверяют людям своей национальности, тогда как среди толерантных таковых на порядок меньше – 3,6%²⁴ (таблица 12).

Прослеживается четкая зависимость: высокий уровень доверия к одной группе с высокой вероятностью будет сопровождаться большим доверием и к другой (рисунок 1).

Доверие заразительно и распространяется как на людей, с которыми личность контактирует непосредственно, так и на сообщества, с которыми человек соотносит этих людей, а также на группы, существующие в его воображении. Справедливо и обратное: недоверие порождает недоверие и не только к этническим, но и социальным группам. Интолерантные респонденты, например, не верят в согласие людей, принадлежащих к разным социальным слоям: только 17,8% гиперинтолерантных респондентов считают, что взаимопонимание между богатыми и бедными возможно, противоположной позиции придерживаются 57,3% (среди толерантных 37,9% и 24,7% соответственно)²⁵.

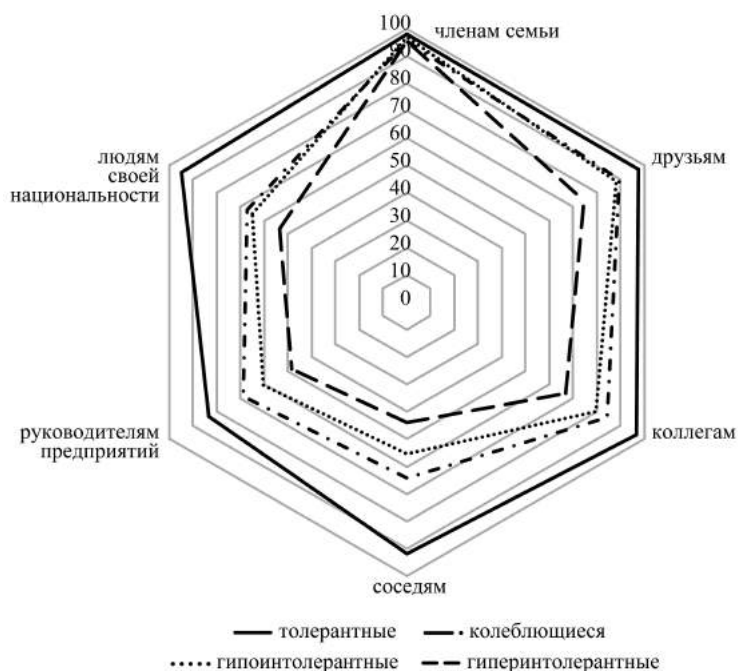

Рисунок 1. Уровень межличностного доверия респондентов с разными установками толерантности (распределение ответов на вопрос «Какому числу людей Вы доверяете в следующих группах...?»), % опрошенных

²⁴ В российском дискурсе термины «ксенофобы» и «националисты» часто используются как синонимы. Во-первых, из-за того, что этнический национализм – это идеология, основанная на идее превосходства «своей» этнокультурной группы над «другой» («другими»). Во-вторых, сама по себе ксенофобия является эмоциональной и психологической подпиткой национализма [Хабенская 2010, с. 53]. Однако сложно назвать националистом человека, негативно относящегося не только к представителям других этнических групп, но и к своей собственной; по этой причине не приемлема напрашивающаяся идентификация гиперинтолерантных с националистами.

²⁵ Варианты ответа: «суверены, что возможно», «пожалуй, возможно», «в чем-то возможно, в чем-то нет», «пожалуй, невозможно», «уверены, что невозможно», «затрудняюсь с ответом», «отказ от ответа»; «нет ответа». Объединялись подсказки 1 и 2, 4 и 5.

Исследования в российских регионах демонстрируют, что доверие и межэтническая толерантность взаимосвязаны: доверие участвует в формировании установок межэтнической толерантности, а межэтническая толерантность, в свою очередь, поддерживает установки доверительного отношения к людям [Дробижьева 2014; Дробижьева 2015, с. 48]. Анализ данных Европейского социального исследования (ESS) также свидетельствует, что межнациональная напряженность в обществе обратно пропорциональна фиксируемому уровню доверия его членов: чем больше уровень доверия, тем меньше межнациональная напряженность [Черныш 2015, с. 19–20].

Прямая связь между толерантностью и доверием имеет несколько объяснений, в нашем случае не являющихся противоречивыми. Во-первых, люди, обладающие большими ресурсами, будут более доверчивыми; особое значение играет индивидуальный капитал («уровень доверия к конкретным объектам соотносится положительно с уровнем индивидуального капитала») [Штомпка 2012, с. 308]. Во-вторых, вера в себя, настойчивость, высокая самооценка увеличиваются, по Н. Луману, вместе с высоким уровнем ресурсов и делают человека склонным к принятию риска, связанного с доверием к другим людям [Штомпка 2012, с. 308]²⁶. В-третьих, доверие можно рассматривать как генерализованный индикатор социализации индивида и эффективности социальных институтов: «я определил бы “доверие” как социальный механизм, характеризующий эффективность или значимость различных институтов общества, а способность различать границы их действия – как одно из свидетельств дееспособности или социализированности индивидов» [Гудков 2012, с. 41].

Идентичность

Идентичность индивида²⁷ имеет три неразделимых измерения: персональное, фиксирующее уникальность его личности, социальное, определяющее его в качестве члена специфической группы или структуры отношений, и человеческое, указывающее на принадлежность к сообществу людей [Parekh 2008, pp. 4,9].

Структура идентичностей респондентов с разными установками толерантности представлена на *рисунке 2*.

Носители толерантных установок чаще склонны идентифицировать себя со всеми группами людей, с которыми они коммуницируют в реальности или в своем воображении. Также обращают на себя внимание небольшие расхождения между группами респондентов, различающихся установками толерантности, в персональном измерении идентичности (возраст, занятие), при этом в социальном измерении, по определению менее конкретном, – существенно более заметные.

Но наиболее примечательны различия между носителями установок толерантности/интолерантности в «отрицании» идентичности – доле заявивших, что они «никогда» не идентифицируют себя с теми или иными социальными (социально-территориальными, социально-экономическими) группами (*рисунок 3*, см. на стр. 50).

²⁶ В этом же ключе заслуживает внимания подход А. Зелигмана, рассматривающего доверие как значимую степень уверенности в завтрашнем дне [Козырева, Смирнов 2010, с. 165].

²⁷ Идентичность понимается как ключевой элемент субъективной реальности, феномен, возникающий из диалектической взаимосвязи индивида и общества [Бергер, Лукман 1995, с. 279, 281].

Гиперинтолерантные, многие из которых придерживаются имперских взглядов и идентифицируют себя с Российской империей или СССР, существенно чаще отвергают гражданскую российскую идентичность, что можно понять, однако для них характерно также и большее отторжение региональной и поселенческой идентичности.

Рисунок 2. Структура идентичностей респондентов с разными установками толерантности (распределение ответов на вопрос «Как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы могли бы сказать “это мы”?»²⁸, % опрошенных, ответившие «часто», «иногда»)

Каждый пятый из них не ощущает свою идентичность с людьми своей веры. Это объяснимо: 23,1% гиперинтолерантных являются атеистами, неверующими либо позиционируют себя «скорее неверующим, чем верующим» (против 16,1% среди гипоинтолерантных, 13,7% среди колеблющихся, 10,5% среди толерантных).

Особого внимания заслуживает отсутствие сопричастности (или слабая сопричастность) интолерантных респондентов с людьми своей национальности²⁹.

Позитивная этническая идентичность толерантных респондентов подтверждает тезис, что люди с такой идентичностью относятся к представителям

²⁸ Варианты ответа: «часто», «иногда», «никогда», «затрудняюсь с ответом», «отказ от ответа».

²⁹ Феномен «этнонилизма» был подмечен у беженцев из Грозного, покинувших город в разгар военных действий (январь 1995 г.) и продемонстрировавших негативное отношение к собственной этнической группе. По мнению Г.У. Солдатовой, кризисная ситуация породила у ее жертв всплеск ксенофобных реакций без разбора на «своих» и «чужих» [Солдатова 2001], но, напомним, это были форс-мажорные условия.

других культур без вражды и предвзятости [Дробижьева (1) 2013, с. 16; Лебедева 1997]. Н.М. Лебедева, обобщая российские и зарубежные исследования, констатирует, что, во-первых, этнической интолерантности может способствовать неопределенность этнической идентичности [Лебедева 2011, с. 285], во-вторых, при сохранении позитивной этнической идентичности (как следует из контекста на неизменном уровне) возможен рост интолерантности [Лебедева 1997; Лебедева 1999, с. 35]. Однако в нашем случае (применительно к гиперинтолерантным и гипоинтолерантным) фиксируется не просто неопределенность, а отстраненность от своей этнической группы («никогда не чувствую единство с людьми своей национальности»). Кроме того, феномен негативной идентичности³⁰ отмечается и при низкой позитивной этнической толерантности. Вероятно, во-первых, правы авторы, полагающие, что «фиксируеманность на национальном вопросе и активные негативные реакции связаны с проблемами, возникающими при формировании собственной национальной идентичности, и механизмами эго-защиты» [Зинченко, Логинов 2011, с. 339–340]. Во-вторых, перефразируя Н.М. Лебедеву, в неблагоприятных социальных условиях активизирующиеся механизмы психологической защиты могут продуцировать этническую интолерантность (негативную этническую идентичность), независимо от позитивной этнической идентичности [Лебедева 1999, с. 35].

Рисунок 3. Отрицание идентичности респондентами с разными установками толерантности (распределение ответов на вопрос «Как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы могли бы сказать “это мы”?»), % опрошенных, ответившие «никогда»)

³⁰ В интерпретации Л.Д. Гудкова [Гудков 2000].

Удовлетворенность жизнью

Удовлетворенность жизнью – это представление о том, как люди оценивают в целом свою жизнь, а не сиюминутные чувства. Она является генерализованным индикатором самочувствия индивида в конкретном социуме³¹. Различия между разными группами респондентов в степени удовлетворенности жизнью чрезвычайно велики (таблица 13), а если нивелировать фактор возраста (группа менее толерантных респондентов моложе других групп), то эта разница будет еще больше.

Таблица 13. Удовлетворенность жизнью (распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?»), % опрошенных

	Толерантные	Колеблящиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
Полностью удовлетворены	12,1	9,1	7,8	10,0	9,1
Скорее удовлетворены	55,6	42,2	38,1	26,0	41,7
И да, и нет	17,7	23,2	25,3	25,6	23,3
Не очень удовлетворены	12,1	18,3	20,8	19,9	18,4
Совсем не удовлетворены	2,3	6,4	7,7	18,2	6,8
З/о, отказ, нет ответа	0,1	0,8	0,3	0,4	0,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Исследования показали, что среди гиперинтолерантных респондентов неудовлетворенных своей жизнью больше, чем удовлетворенных. Немного лучше ощущают себя гипоинтолерантные, среди которых менее половины удовлетворены жизнью. И напротив, их антиподы, придерживающиеся толерантных установок, в подавляющем большинстве выражают довольство своей жизнью, и в той или иной мере не удовлетворен ею лишь каждый седьмой.

Заключение

Носители толерантных установок чаще выражают удовлетворенность работой, условиями труда, возможностями профессионального роста, у них меньше проблем со здоровьем, выше удовлетворенность собственной жизнью и гораздо лучшее социально-психологическое состояние. Их отличает отсутствие страха перед будущим, повышенная оценка самих себя и возможностей повлиять на свою жизнь, выраженное чувство контроля над своей жизнью при меньшем, по сравнению

³¹ Для справки: удовлетворенность жизнью россиян ниже среднего показателя среди стран ОЭСР (6,0 и 6,5 баллов по 10-балльной шкале соответственно) [Удовлетворенность 2015].

с другими группами, ощущении беспомощности, *дефицита социальной поддержки ближайшего окружения, социально-психологической неудовлетворенности*. Все эти характеристики присущи именно среднему классу [Тихонова 2008, с. 97–99, 105–109], являющемуся ядром носителей толерантных установок (особенно интеллигенция – специалисты высшей квалификации с высоким достатком, среди которых толерантные установки наиболее распространены).

Однако однозначно отождествлять толерантность со средним классом преждевременно. Во-первых, он немногочисленен, во-вторых, наряду с представителями среднего класса значительная часть толерантных – это представители более низких слоев с иными возможностями и иным образом жизни (особенно пенсионеры). В-третьих, средний класс не является образцом толерантных установок: ни образование, ни характер, ни оплата труда не сказываются на преубеждениях многих его представителей – крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена и офисные служащие в своих установках ничем не выделяются. Помимо этого, среди представителей среднего класса встречаются и сторонники ксенофобных настроений³², хотя возможно, ситуация меняется и сегодня не столь пессимистична, как десятилетие назад³³.

Терпимость, по мнению М. Уолцера, легче достигается в обществах, в которых отсутствует ярко выраженное экономическое неравенство, где работают социальные лифты и в которых сильны разного рода ассоциации. Как афористично заметил И.Дж. Дион (мл.) в рецензии на книгу М. Уолцера, «не может быть расовой справедливости без справедливости социальной» [Уолцер 2000, с. 71–74, 132]. В российском обществе, сталкиваемом с этими проблемами, сформировался значительный контингент людей с распыленной социальной стабильностью, одновременно живущих в обществе и вне его. Отсутствие материальной стабильности, неудовлетворенность работой, низкий уровень человеческого капитала, нежелание или неготовность к инвестициям в него, небольшой социальный капитал способствуют выработке установок недоверия, специфическому формированию структуры идентичностей индивида. В условиях атомизированного общества это продуцирует потерю ориентации в социальном пространстве, недооценку себя и своих возможностей, социальный пессимизм³⁴. Неуверенность и социальные страхи порождают ксенофобные установки, дающие такому индивиду четкие социальные ориентиры в пространстве «свои – чужие», канализируя раздражения и фрустрации, особенно у дезадаптированной части населения [Гудков 2005].

Складывается впечатление, что не столь значимо само состояние межнациональных отношений: даже среди гиперинтолерантных лишь 7,2% полагают, что межэтнические отношения в их поселении плохие³⁵, среди гипointолерантных – 3,7%. Незначима даже роль контактов с «иными»: областные центры (но не столицы) являются вотчиной приверженцев толерантных установок, тогда как среда обитания гиперинтолерантных – это города меньшей величины, с меньшим этни-

³² Например, среди гиперинтолерантных 15% респондентов с образованием не ниже среднего специального, с доходом выше медианного, не занимающиеся физическим трудом (относящиеся к группам 1–5 по ISCO-08).

³³ «Для среднего класса не характерна и более высокая, чем в других слоях населения, толерантность к “чужим”, а о смягчении дихотомии “мы – они” пока нельзя говорить даже как о нарождающейся тенденции» [Тихонова, Мареева 2009, с. 281].

³⁴ Л.Д. Гудков, подробно рассматривающий этот феномен, говорит об «импринтинге неудачи» [Гудков 2000, с. 39].

³⁵ Группы 1–3 по 10-балльной шкале.

ческим разнообразием жителей³⁶. Вероятно, играет роль не присутствие или отсутствие «иных», а отсутствие в таких городах жизненных перспектив (пусть даже и надуманное), общая неустроенность бытия, воспринимаемые как персональная неудача.

Для людей определенного психологического склада, сталкивающихся с проблемами социальной инклюзии, интолерантность к представителям этнических, мигрантских, иных меньшинств – следствие их неприятия неопределенности и неустойчивости к фрустрации. Их ксенофобные установки распространяются даже на те меньшинства, которые в российском дискурсе никогда не рассматривались как чужеродные. Масштабы отторжения ими «иных», особенно представителей мигрантских меньшинств, поражают воображение, но это заслуживает отдельного исследования.

Литература

- Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. М.: Медиум.
- Горшков М.К. (ред.) (2016) Россия реформирующаяся: Ежегодник: сборник научных статей. М.: Новый хронограф.
- Гудков Л.Д. (2000) К проблеме негативной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (49). С. 35–44.
- Гудков Л.Д. (2005) Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // Независимая газета // http://www.ng.ru/ideas/2005-12-26/10_xenophobia.html
- Гудков Л.Д. (2012) «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. № 2. С. 8–47.
- Дробижева Л.М. (1) (ред.) (2013) Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Дробижева Л.М. (2) (2013) Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф.
- Дробижева Л.М. (ред.) (2014) ИНАБ № 2. Ресурс межэтнического согласия в Москве. М.: Институт социологии РАН // <http://www.isras.ru/publ.html?id=3292>
- Дробижева Л.М. (ред.) (2015) ИНАБ № 2. Межнациональное согласие в региональном контексте. М.: Институт социологии РАН // http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf
- Зинченко Ю.П., Логинов Ф.В. (ред.) (2011) Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска. М.
- Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. (2009) Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). Аналитический отчет, Центр этнополитических и региональных исследований. М.: Институт открытого проектирования // <http://www.inop.ru/page143/page799/page611/page747/>
- Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. (2010) Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2010) Доверие и его роль в консолидации российского общества // Горшков М.К. (ред.) Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф. С. 160–199.
- Кон И.С. (б.г.) Ксенофобия // <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/39b2ae6b-5808-f305-18e2-134a355dd2ad/1012529A.htm>

³⁶ Как не вспомнить Г. Оллпорта: «Мало кто знает истинную причину своей ненависти к группам меньшинств» [Allport 1954/1979, p. 352].

- Коулман Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 121–139.
- Ксенофобные и националистические настроения россиян в 2015 году (2015). Презентация результатов обследований «Левада-Центра». М.: Сахаровский центр, 22.10.2015 (не опубликовано).
- Лебедева Н.М. (1997) Социально-психологическая аккультурация этнических групп. Дисс. докт. психол. наук. М.
- Лебедева Н.М. (1999) Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ.
- Лебедева Н.М. (2011) Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс.
- Леонова А. (2004) Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994–2003 гг. // *Вестник общественного мнения*. № 4 (72). С. 83–91.
- Мигранты на российском рынке труда: за и против (2016) // ВЦИОМ // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643>
- Мукомель В.И. (2016) Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Горшков М.К. (ред.) *Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей]*. М.: Новый хронограф. С. 411–467.
- Общественное мнение-2015 (2016) // *Левада-Центр* // <http://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2015/>
- Пипия К. (2015) Ксенофобия и национализм // *Левада-Центр* // <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm>
- Пипия К. (2016) Интолерантность и ксенофобия // *Левада-Центр* // <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/>
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (1) (2016) (RLMS-HSE) // <https://www.hse.ru/rlms/>
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (2) (2016). Вопросник для взрослых, 24 волна // https://www.hse.ru/data/2016/05/24/1131627340/r24_A_for_user_v4.pdf
- Солдатова Г.У. (2001) Толерантность-интолерантность: две грани межэтнического взаимодействия // *Век толерантности*. № 1–2. С. 19–37 // <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-toler-intoler.php?PrPage=VT>
- Страхи и тревоги. Что больше всего тревожит россиян в повседневной жизни, в жизни страны и мира? (2016) // Фонд «Общественное мнение» // <http://fom.ru/Nastroeniya/12596>
- Тихонова Н.Е. (2008) Состояние здоровья среднего класса в России // *Мир России*. № 4. С. 90–110.
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В. (2009) *Средний класс: теория и реальность*. М.: Альфа-М.
- Удовлетворенность (2015) // OECD. Better Life Index // <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/life-satisfaction-ru/>
- Уолцер М. (2000) О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.
- Хабенская Е.О. (2010) Ксенофобия реальная и виртуальная // *Социологический журнал*. № 2. С. 50–67.
- Черныш М.Ф. (ред.) (2015) ИНАБ № 3. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации. М.: Институт социологии РАН // <http://www.isras.ru/publ.html?id=4194>
- Штомпка П. (2012) *Доверие – основа общества*. М.: Логос.
- Allport G. W. (1954/1979) *The Nature of Prejudice*, Cambridge, MA: Perseus Books.
- Dovidio J.F., Glick P., Rudman L.A. (eds.) (2005) *On the Nature of Prejudice: Fifty Years After Allport*, Blackwell Publishing Ltd.
- Education at a Glance 2015: OECD Indicators (2015) // OECD // <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2015-en>
- Parekh B. (2008) *A New Politics of Identity*, N.Y.: Palgrave Macmillan.

Xenophobes and Their Opposites: Who Are They?

V. MUKOMEL*

***Vladimir Mukomel** – Doctor of Science in Sociology, Chief Researcher, Head of Department for Migration and Integration Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Science. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskij St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: mukomel@isras.ru

Citation: Mukomel V. (2017) Xenophobes and Their Opposites: Who Are They? *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 32–57 (in Russian)

Abstract

The decline in xenophobic attitudes in Russia between 2014–2015, which has recently been documented by some researchers, has a transient nature. Xenophobia acquires latent forms that go unnoticed in the public space. This article attempts to answer the following questions: who are the people with xenophobic attitudes and why are they hostile to outsiders? and who are their opposites, i.e. people who consistently support tolerant attitude towards foreigners? Empirically the article draws on Wave 24 of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE), the total sample size comprises of 15 200 respondents interviewed between October 2015 and January 2016 and 40 focus groups conducted by the Institute of Sociology, Russian Academy of Science (IS RAS) in five Russian regions in 2015. Depending on their attitudinal profiles respondents are first classified into four categories (“tolerant”, “swinging”, “hypo-intolerant” and “hyper-intolerant”) and further compared with respect to their typical socio-demographic profile, economic, human and social capital, the level of trust, and specific structures of identity. It is shown that intolerant individuals, particularly the “hyper-intolerant” are characterized by low levels of social capital and low levels of human capital, unwillingness or ill-preparedness to investment in human capital,. As a result a specific structure of identities develops among such people characterized by negative narcissism and social pessimism. In turn, uncertainty, frustration and the social fears experienced by such people are channelled away in the form of xenophobic attitudes. On the contrary, their opposites – tolerant individuals – are characterized by higher levels of human and social capital and social trust, which form the basis for their social optimism, self-confidence and higher levels of satisfaction with life as a whole.

Key words: xenophobia, tolerance, intolerance, hyper-intolerant, hypo-intolerant, nationalists, attitudes, trust, identities

References

- Allport G.W. (1954/1979) *The Nature of Prejudice*, Cambridge, MA: Perseus Books.
Berger P.L., Luckmann T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti* [Social Construction of Reality], Moscow: Medium.

- Chernysh M.F. (ed.) (2015) *INAB № 3. Sotsial'no-ekonomicheskie faktory mezhetnicheskoj napryazhennosti v regionakh Rossijskoj Federatsii* [Information and Analytical Newsletter. Social-economic Factors of Inter-ethnic Tension in the Regions of the Russian Federation], Moscow: Institut sotsiologii RAN. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4194>, accessed 31 October 2016.
- Coleman J. (2001) Kapital sotsial'nyj i chelovecheskij [Social and Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 121–139.
- Dovidio J.F., Glick P., Rudman L.A. (eds.) (2005) *On the Nature of Prejudice: Fifty Years After Allport*, Blackwell Publishing Ltd.
- Drobizheva L.M. (1) (ed.) (2013) *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Civil, Ethnic and Regional Identity: Past, Present, Future], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Drobizheva L.M. (2) (2013) *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossijskoj Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in the Social-political Space of the Russian Federation: 20 Years Experience], Moscow: Novyj khronograf.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2014) *INAB № 2. Resurs mezhetnicheskogo soglasiya v Moskve* [Information and Analytical Newsletter. The Source of Inter-ethnic Consent], Moscow: Institut sotsiologii RAN. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3292>, accessed 31 October 2016.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2015) *INAB № 2. Mezhnatsional'noe soglasie v regional'nom kontekste* [Information and Analytical Newsletter. Inter-ethnic Consent in the Regional Context], Moscow: Institut sotsiologii RAN. Available at: http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf, accessed 31 October 2016.
- Education at a Glance 2015: OECD Indicators (2015). *OECD*. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2015-en>, accessed 31 October 2016.
- Gorshkov M.K. (ed.) (2016) *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Reforming Russia], Moscow: Novyj khronograf.
- Gudkov L. (2000) K probleme negativnoj identichnosti [Negative Identity Revisited]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 5 (49), pp. 35–44.
- Gudkov L. (2005) Ksenofobiya kak problema: vchera i segodnya [Xenophobia as a Problem: Past and Present]. *Nezavisimaya gazeta*, 26 December 2005. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2005-12-26/10_xenophoby.html, accessed 31 October 2016.
- Gudkov L. (2012) «Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura [Trust in Russia: Meanings, Functions, Structure]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 2 (112), pp. 8–47.
- Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L. (2009) *Transformatsiya chelovecheskogo kapitala v rossijskom obshchestve (na baze "Rossijskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya")* [Transformation of Human Capital in the Russian Society (Based on RLMS)], Moscow: Institut otkrytogo proektirovaniya. Available at: <http://www.inop.ru/page143/page799/page611/page747/>, accessed 31 October 2016.
- Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L. (2010) *Transformatsiya chelovecheskogo kapitala v rossijskom obshchestve (na baze «Rossijskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya»)* [Transformation of Human Capital in the Russian Society (Based on RLMS)], Moscow: Fond «Liberal'naya missiya».
- Khabenskaya E.O. (2010) Ksenofobiya real'naya i virtual'naya [Real and Virtual Xenophobia]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 2, pp. 50–67.
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2010) Doverie i ego rol' v konsolidatsii rossijskogo obshchestva [Trust and Its Role in Consolidation of the Russian Society]. *Sotsial'nye faktory konsolidatsii Rossijskogo obshchestva: sociologicheskoe izmerenie* [Social Factors of Consolidation of the Russian Society: a Sociological Dimension] (ed. Gorshkov M.K.), Moscow: Novyj khronograf, pp. 160–199.
- Kon I.S. (n.d.) *Ksenofobiya* [Xenophobia]. Available at: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/39b2ae6b-5808-f305-18e2-134a355dd2ad/1012529A.htm>, accessed 31 October 2016.
- Ksenofobnye i natsionalisticheskie nastroyeniya rossiyan v 2015 godu* (2015). *Prezentatsiya rezul'tatov obsledovaniy Levada-Tsentra* [Xenophobic and Nationalistic Attitudes of Russians in 2015. The Findings from Levada-Center's Surveys], Moscow: Sakharovskij tsentr.

- Lebedeva N.M. (1997) *Sotsial'no-psikhologicheskaya akkul'turatsiya etnicheskikh grupp* [Socio-psychological Acculturation of Ethnic Groups], Moscow.
- Lebedeva N.M. (1999) *Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic and Cross-cultural Psychology], Moscow: Kluch.
- Lebedeva N.M. (2011) *Etnicheskaya i kross-kul'turnaya psikhologiya* [Ethnic and Cross-cultural Psychology], Moscow: MAKSS Press.
- Leonova A. (2004) Nastroeniya ksenofobii i elektoral'nye predpochteniya v Rossii v 1994–2003 gg. [Xenophobic Attitudes and Electoral Preferences in Russia in 1994–2003]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 4, pp. 83–91.
- Migranty na rossijskom rynke truda: za i protiv (2016) [Migrants on the Russian Labor Market: Pro et Contra]. *VCIOM*. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643>, accessed 31 October 2016.
- Mukomel V.I. (2016) Adaptatsiya i integratsiya migrantov: metodologicheskie podkhody k otsenke rezul'tativnosti i rol' primamayushchego obshchestva [Adaptation and Integration of Migrants: Methodological Approaches to Appraisal of Effectiveness and the Role of the Recipient Society]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Reforming Russia] (ed. Gorshkov M.K.), Moscow: Novyj khronograf, pp. 411–467.
- Obshchestvennoe mnenie-2015* (2016) [Public Opinion-2015]. *Levada-Tsentr*. Available at: <http://www.levada.ru/sbornik-obshchestvennoe-mnenie/obshchestvennoe-mnenie-2015/>, accessed 31 October 2016.
- Parekh B. (2008) *A New Politics of Identity*, N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Pipiya K. (2015) Ksenofobiya i nacionalizm [Xenophobia and Nationalism]. *Levada-Tsentr*. Available at: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm>, accessed 31 October 2016.
- Pipiya K. (2016) Intolerantnost' i ksenofobiya [Intolerance and Xenophobia]. *Levada-Tsentr*. Available at: <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/>, accessed 31 October 2016.
- Rossijskij monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE* (1) (2016) [The Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)]. Available at: <https://www.hse.ru/rlms/>, accessed 31 October 2016.
- Rossijskij monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE* (2) (2016) [The Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)]. Voprosnik dlya vzroslykh, 24 volna [Questionnaire for Adults, 24th wave]. Available at: https://www.hse.ru/data/2016/05/24/1131627340/r24_A_for_user_v4.pdf, accessed 31 October 2016.
- Soldatova G.U. (2001) Tolerantnost'-intolerantnost': dve grani mezhetnicheskogo vzaimodejstviya [Tolerance and Intolerance: Two Facets of Inter-ethnic Interaction]. *Vek tolerantnosti*, no 1–2, pp. 19–37. Available at: <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-toler-intoler.php?PrPage=VT>, accessed 31 October 2016.
- Strakhi i trevogi. Chto bol'she vsego trevozhit rossiyan v povsednevnoj zhizni, v zhizni strany i mira? (2016) [Fears and Alarms. What are the Sources of the Strongest Anxiety among Russians in Their Everyday Lives, the Life of Their Country and the World?]. *Fond «Obshchestvennoe mnenie»*. Available at: <http://fom.ru/Nastroeniya/12596>, accessed 31 October 2016.
- Sztompka P. (2012) *Doverie – osnova obshchestva* [Trust is the Foundation of Society], Moscow: Logos.
- Tikhonova N.E. (2008) Sostoyanie zdorov'ya srednego klassa v Rossii [The Health of the Middle Class in Russia]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 90–110.
- Tikhonova N.E., Mareeva S.V. (2009) *Srednij klass: teoriya i realnost'* [Middle Class: Theory and Reality], Moscow: Alfa-M.
- Udovletvorennost' (2015) [Satisfaction]. *OECD. Better Life Index*. Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/life-satisfaction-ru/>, accessed 31 October 2016.
- Walzer M. (2000) *O terpimosti* [On Tolerance], Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi.
- Zinchenko Yu.P., Loginov A.V. (eds.) (2011) *Tolerantnost' kak faktor protivodejstviya ksenofobii: upravlenie riskami ksenofobii v obshchestve riska* [Tolerance as a Means of Counteracting Xenophobia: Managing the Risk of Xenophobia in the Risk Society], Moscow: Federalnyj Institut razvitiya.

Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений¹

И.М. КУЗНЕЦОВ*

***Игорь Михайлович Кузнецов** – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: ingvar31@yandex.ru

Цитирование: Кузнецов И.М. (2017) Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. Т. 26. № 1. С. 58–80

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы представить инструментарий и результаты измерений баланса национальных установок россиян, позволяющего разграничить риски возникновения межнациональной напряженности, которые связаны с особенностями этого баланса. Диагностический инструментарий фиксирует соотношение между установками ингруппового фаворитизма и аутгруппового негативизма. Показатель баланса этих двух составляющих дает основания для выводов не только о состоянии межнациональной ситуации, но и о возможностях и точках приложения социального влияния, направленного на профилактику негативного развития этой ситуации.

Исследование особенностей баланса межнациональных установок было проведено в рамках 24-й волны всероссийского опроса по проекту «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE).

Согласно результатам этого исследования, в нынешней ситуации можно говорить об устойчивом позитивном балансе структуры межнациональных установок, т.е. о слабой вероятности рисков возникновения серьезных межнациональных противостояний в России. Однако среднестатистическая оценка отнюдь не отражает ситуации в отдельных регионах России. Не нашло своего подтверждения популярное в общественном сознании мнение об особой националистичности молодежи, не подтвердилось полностью и предположение о меньшей распространенности этнофобий среди более образованных слоев населения. Основной вывод состоит в том, что в российском обществе существует избирательное отношение к тем или иным этническим группам, определяемое мерой их интеграции в данное локальное сообщество. Эта избирательность характерна не только для респондентов с отчетливо националистическими установками, но и для тех, кому присущи в целом позитивные или ней-

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений» (грант № 15-18-00138).

тральные установки в отношении иноэтнических групп. Таким образом, усилия по нормализации межнациональной ситуации в данном локальном социуме должны быть направлены не только на нейтрализацию националистических установок населения, но и на интеграцию инокультурных групп в стандарты взаимодействия, общепринятые в данном сообществе.

Ключевые слова: межнациональная напряженность, межнациональные установки, идентичность, этносоциальная дистанция, мигрантофобия

В современной отечественной этносоциологии и кросс-культурной психологии разработаны и апробированы ряд прямых и косвенных показателей состояния сферы межэтнического взаимодействия. Результаты исследований с применением этих показателей дают возможность уточнить гипотезы относительно связи уровня межэтнической напряженности с теми или иными переменными, характеризующими социально-экономические и социально-культурные особенности конкретных локальных социальных сред России. Такого рода исследования уже на стадии выбора метода (опрос общественного мнения) ориентированы на то, чтобы представить более или менее детальную социографическую картину, репрезентирующую мнения (восприятия) генеральной совокупности на момент опроса. Традиционно в массовых социологических исследованиях замер состояния межнациональных отношений осуществляется путем сбора и статистического обобщения мнений респондентов о состоянии межнациональной конфликтности, отношения к представителям тех или иных этнических и конфессиональных групп и т.п. Одним из часто применяемых в практике исследования межэтнической напряженности является показатель восприятия межэтнических отношений с 4-ступенчатой шкалой определения напряженности в этой области. Это вопрос «Как бы Вы сейчас оценили межнациональные отношения в Вашей... (республике/области/населенном пункте/трудовом коллективе)?» с вариантами ответов (1) «благоприятные, спокойные», (2) «внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует», (3) «напряженные», (4) «на грани открытых столкновений». Информация по этой шкале дает достаточно надежное представление о восприятии этноконтактной ситуации в целом, однако в этом случае нельзя сделать вывод о том, какие именно параметры собственно среды, с одной стороны, и диспозиций мнений об этой среде, с другой стороны, сказались на результате опроса. Так, обозначенный вопрос, задаваемый в одном и том же интервью применительно к общностям разного уровня (от региона до трудового коллектива), фиксирует различия в анализе межнациональных отношений на разных уровнях. Кроме того, прямая оценка состояния межнациональных отношений в той или иной среде отражает не только реальное состояние общественных отношений, но и активность СМИ в освещении текущих событий в этой сфере. Причем чем более абстрактна общность, которую оценивают респонденты, тем количественно больше присутствует не собственно опыт, а реакции СМИ и сетевых авторитетов. Более того, восприятие межнациональных отношений в том или ином регионе, в той или иной микросреде и/или социальном слое может быть связано с локальными социально-культурными характеристиками общественного сознания, с некоторой латентной аксиоматикой относительно «нормальных» стандартов взаимодействия людей разных культур и этнической принадлежности. В частности, при анализе одной и той же межнациональной ситуации могут отражаться особенности представлений людей о своей и иных национальных группах, иллюстрирующих баланс их межнациональных установок.

Проблема состоит в том, что на основе данных о восприятии респондентами межнациональной ситуации невозможно полноценно решать задачи, связанные с социальной инженерией, т.е. с текущим прогнозированием и управлением ситуацией межэтнических отношений. В первую очередь потому, что для решения этих задач необходимо знание о степени распространенности тех или иных конфигураций этнических установок, определяющих оценку межэтнической ситуации и провоцирующих или снижающих межнациональную конфликтность. Иными словами, необходимо иметь представление не только о восприятии ситуации населением, но и провести диагностику факторов такого отношения. Задача настоящей статьи – продемонстрировать инструментарий и результаты измерений баланса межэтнических установок, позволяющего дифференцировать риски возникновения межнациональной напряженности, связанные с особенностями конфигурации этого баланса.

Концепция и методика измерения межнациональных установок

В самом общем виде диагностический подход к измерению межнациональных установок заключается в выявлении в выборочной совокупности аналитических типологических групп, характеризующихся устойчивыми системными особенностями ценностных диспозиций, поведенческих реакций и идеологических дискурсов в области межнациональных отношений. При этом мы можем использовать уже имеющиеся в науке данные о вероятностных связях тех или иных конфигураций этнических установок с различными стандартными сценариями развития ситуации межэтнических отношений, включая сценарии конфликтогенные. Так, известно, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности [Berry, Pleasants 1984]. В последующих исследованиях было продемонстрировано, что «в норме для группового (этнического) самосознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью. В неблагоприятных социально-исторических условиях данная связь может распасться или становиться обратной» [Лебедева, Татарко 2002, с. 18]. Существуют также научные работы, показывающие, что позитивная ингрупповая идентичность не обязательно влечет за собой враждебность к аутгруппе (напр.: [Kosterman, Feshbach 1989]).

Таким образом, диагностический инструментарий должен фиксировать соотношение между установками ингруппового фаворитизма и аутгруппового негативизма. Показатель баланса этих двух составляющих дает основания для выводов не только о состоянии межнациональной ситуации, но в первую очередь о возможностях и точках приложения социального влияния, направленного на профилактику негативного сценария.

Инструментарий создан на основе модифицированного для целей массового опроса блока социально-психологических методик, по которому ранее был накоплен богатый эмпирический материал в рамках социально-психологических исследований [Хухлаев 2011]. Причем, несмотря на «сжатость» инструментария (по сравнению с батареями психологических тестов), шкальная структура сохраняется. Она обеспечивает снижение влияния эффекта социальной желательности в ответах респондентов, поскольку результаты формируются на основе не одного мнения, а их совокупности, что респонденту контролировать гораздо сложнее. Инструмент представляет собой набор суждений, которыми в повседневной жизни описываются различные аспекты эмоционального отношения к своей и иным

национальным группам, что позволяет собирать информацию о латентных, не всегда осознаваемых респондентом характеристиках его видения межнациональной ситуации и готовности на нее реагировать. В состав шкал инструментария после многочисленных пилотных исследований были отобраны наиболее отчетливые и устойчивые маркеры таких параметров (или субшкал), как:

- 1) Уровень агрессивного отношения к иным национальным группам.
- 2) Уровень позитивного отношения к собственной национальной группе².

Приведем для примера факторный анализ (сделанный на конечном этапе апробации инструментария) ответов респондентов-подростков³ (14–17 лет), позволяющий представить содержание и расклад суждений по субшкалам 1 и 2, упомянутым выше (*таблица 1*).

Таблица 1. Распределение факторов «Шкалы межнациональных установок»

Суждения инструментария	Факторы	
	Негативное отношение к инациональным группам	Позитивное отношение к собственной национальной группе
Есть такие национальности, к которым я испытываю презрение	0,838	
Есть такие национальности, среди которых большинство людей – плохие	0,812	
Мне не нравится, когда рядом какой-то человек начинает говорить на своем (не на моем) языке	0,724	
Я ощущаю родство с людьми своей национальности		0,820
Когда я думаю о людях своей национальности, я испытываю чувства гордости и любви		0,807
В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности		0,710

Баланс межнациональных установок как отдельная переменная представляет собой разность усредненных значений по двум представленным в *таблице 1* субшкалам, т.е. (1) негативному отношению к инациональным группам (аутгрупповая агрессия) и (2) позитивному отношению к собственной национальной группе (ингрупповой фаворитизм). В результате формируются три типологические группы с различным балансом значений по субшкалам. Первая группа характеризуется превышением позитивного отношения к собственной национальной группе над негативным отношением к другим национальным сообществам. Во вторую группу включаются респонденты с равным значением обоих показателей (промежуточная позиция). Третью составляют респонденты с превышением негативного

² Надежность (α Кронбаха) по каждой субшкале составляет по разным выборкам 0,69–0,72.

³ Расчеты сделаны по базе данных Программы Департамента образования г. Москвы «Мониторинг рисков межнациональной конфликтности среди учащихся учреждений общего и среднего профессионального образования г. Москвы» (2011–2014 гг.); совокупная выборка – 17260 респондентов (учащиеся 9–10 классов московских школ); исполнитель – Московский государственный психолого-педагогический университет.

отношения к инонациональным группам над позитивным отношением к собственной национальной группе. Следует отметить, что типологические группы с разным балансом межнациональных установок, выделенных на разных выборах, демонстрируют достаточно устойчивые характеристики.

Статистический анализ данных, полученных по этой методике, предназначен в первую очередь для того, чтобы относительно точно идентифицировать эти группы и судить о текущей конфигурации баланса межнациональных установок в исследуемой области. Ситуацию можно признать сравнительно устойчивой и слабо конфликтной, если доля негативных диспозиций существенно перевешивается долей группы с выраженными позитивными тенденциями. Ключевым объектом подобного исследования являются не отдельные мнения (и их репрезентация в процентном или ином соотношении), а аналитические типологические группы. Более того, мы рассматриваем полученные распределения не как статистическую картинку, а как характеристику состояния динамической системы с обратной связью.

Также важно подчеркнуть, что с точки зрения функционирования типологической группы как динамической системы самой опасной совокупностью является средняя, как наименее предсказуемая. В классических социографических исследованиях она определяется как устойчивое «болото», и группами риска в этом случае являются носители экстремальных установок. Но с точки зрения динамической системы именно то, что сейчас считается состоянием «средней» группой, и определяет основные реальные последствия ситуации. Так, в случае вероятного межнационального конфликта наиболее угрожающими являются не локальные националистические акты, предпринимаемые немногочисленными фанатично настроенными людьми, но отношение неопределившейся части населения к подобному рода действиям (особенно в ситуации, когда эта группа составляет большинство). Как показано в многочисленных экспериментах [Московичи 2007], меньшинство (а явные активные националисты чаще всего немногочисленны) может оказывать влияние на неустойчивое большинство за счет сплоченности, наличия четкого однозначного мнения и отработанных поведенческих сценариев по ключевым позициям при условии отсутствия такового у большинства.

При этом особенностью промежуточной группы баланса межнациональных установок являются именно отсутствие четкого мнения и сочетание противоречивых диспозиций [Хухлаев 2011]. Таким образом, чем значительнее масса неопределившихся в области межнационального взаимодействия, тем более непредсказуемо поведение всей системы в меняющихся условиях. Этот риск отчасти опаснее, чем угрозы, связанные с явными националистическими всплесками, потому что его легко не заметить (или недооценить). Но в ситуации «раскачивания лодки» в режиме, резонансном с реальными общественными запросами, в обществе может резко возобладать агрессивное отношение к представителям иных национальностей за счет перетока неопределившихся в агрессивные группы.

Для примера приведем данные по динамике изменения баланса компонентов межнациональных установок среди московских подростков⁴ в 2011–2014 гг. (таблица 2).

Самое заметное превышение негативных проявлений по отношению к иноэтническим группам наблюдалось в октябре 2013 г., во время столкновений в Бирюлеве Западном и на фоне широкого освещения этих событий в СМИ и социальных сетях. Здесь важно подчеркнуть, что отмеченное в 2011 г. значительное преобладание позитивных установок над негативными – это парадоксальное следствие бес-

⁴ Расчеты сделаны по базе данных Программы Департамента образования г. Москвы «Мониторинг рисков межнациональной конфликтности среди учащихся учреждений общего и среднего профессионального образования г. Москвы» (2011–2014 гг.); исполнитель – Московский государственный психолого-педагогический университет.

порядков на межнациональной почве, случившихся в декабре 2010 г. на Манежной площади и у Киевского вокзала в Москве: фактически благодаря этим событиям у московских подростков произошло стихийное утверждение статуса собственной этнической группы, что вряд ли можно признать эффективным способом улучшения баланса межнациональных установок.

Таблица 2. Динамика баланса отношений к собственной и иным национальным группам среди московских подростков в 2011–2014 гг., %

Группы с разным балансом межнациональных установок	март 2011 г.	сентябрь 2012 г.	октябрь 2013 г.	апрель 2014 г.
Преобладание позитивного отношения к своей национальной группе	63	59	57	60
Равновесие установок	14	14	15	15
Преобладание негативного отношения к иным национальным группам	23	27	28	25

Из общей динамики изменения конфигурации межнациональных установок за четыре года наблюдений можно сделать вывод, что накопление негативного потенциала, приводящего к открытым столкновениям, длительное время протекает практически незаметно. Об этом свидетельствуют данные 2011–2013 гг., касающиеся снижения уровня позитивного отношения к собственной национальной группе и закономерного роста негативного отношения к инациональным сообществам. Важно также обратить внимание, что восстановление благоприятного баланса, зафиксированное в апреле 2014 г., происходило на фоне событий, связанных с присоединением Крыма. Таким образом, рассматриваемый инструментарий оказывается весьма чувствительным к изменению общей ситуации.

Баланс межнациональных установок прежде всего зависит от восприятия ситуации: оценка межнациональных отношений оптимистичнее в группе с преобладанием позитивных установок к представителям собственной национальности и наоборот. Это означает, что тот или иной характер осознания межнациональной ситуации может отражать как реальную природу межнационального согласия (или конфликта), так и баланс межнациональных установок, влияющих на оценку этой ситуации. Кроме того, индикаторы баланса межэтнических установок отчетливо связаны с таким показателем, как отношение к мигрантам: представители группы с преобладанием позитивного отношения к собственной национальной группе чаще демонстрируют дружественное расположение к мигрантам. Более того, та или иная конфигурация межнациональных установок, измеренная в рамках рассматриваемого инструментария, отражает глубинные особенности системы ценностей (по Шварцу) [Хухлаев, Бучек, Зинурова, Радина, Тудупова, Хакимов 2011].

Описание и анализ результатов общероссийского исследования

В рамках реализации нашего исследования указанный инструментарий впервые был применен на общероссийской выборке, хотя и в несколько модифици-

рованном виде⁵. Факторный анализ оценки отдельных суждений блока «Шкалы межнациональных установок» дал результаты, представленные в *таблице 3*.

Весь набор суждений в соответствии с оценками респондентов был разделен на две субшкалы, обозначенные как аутгрупповой негативизм (негативное отношение к иным национальным группам) и ингрупповой фаворитизм (т.е. позитивное отношение к своей национальной группе). Дальнейшие расчеты средних значений по каждой субшкале и последующее ранжирование разницы значений по обеим субшкалам позволили рассортировать весь массив опрошенных на три типологические группы, различающиеся характером баланса аутгруппового негативизма и ингруппового фаворитизма. Первая группа, представленная респондентами с превышением установок ингруппового фаворитизма, в соответствии с традиционной практикой исследования подобных феноменов условно была названа «патриоты» [Druckman 1994; Kosterman, Feshbach 1989]. Во вторую группу респондентов с одинаковой оценкой суждений ингруппового фаворитизма и высказываний аутгруппового негативизма вошли «неопределившиеся»; их ключевой характеристикой является неустойчивое равновесие: баланс компонентов межнациональных установок у разных респондентов смещался то в одну, то в другую сторону. Третья группа с превышением установок аутгруппового негативизма над представлениями ингруппового фаворитизма также в соответствии со сложившейся практикой была названа «националисты».

Распределения респондентов по балансу межнациональных установок представлены в *таблице 4*. Согласно данным, в 2015 г. в среднем по России фиксировалось существенное превышение доли тех, кто придерживался преимущественно позитивных установок по отношению к своей национальной группе, что свидетельствует о благоприятной этноконтактной ситуации в стране в целом.

Однофакторный дисперсионный анализ по показателю баланса межнациональных установок выявил, что между рассматриваемыми группами имеются значимые различия по ряду социально-демографических характеристик, а также по некоторым задействованным в опросе индикаторам восприятия этноконтактной ситуации.

Вполне ожидаемо, что отчетливая поляризация на «патриотов» и «националистов» более характерна для областных центров России, а неопределенная позиция – для поселков городского типа (ПГТ) и сельских поселений (*таблица 5*).

Если учесть, что максимальные доли «националистов» фиксируются в наиболее крупных агломерациях (в Санкт-Петербурге – 15%, в Москве – 14%), то уместно предположить, что поляризация баланса межнациональных установок связана не столько с формальным статусом социальной среды, сколько с уровнем урбанизации социума, т.е. с доминированием безличных форм социального взаимодействия в урбанизированных полях, что повышает значимость и актуальность различного рода социальных категоризаций. Таким образом, можно предположить, что по мере роста урбанизированности социальных сред будут увеличиваться риски межнациональной напряженности.

⁵ Опрос по проекту «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений» проведен в 2015–2016 гг. как составная часть 24-й волны всероссийского опроса по проекту «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимому Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>; выборка – 15118 респондентов из 39 регионов РФ.

Таблица 3. Распределение шкал-суждений «Шкалы межнациональных установок» по группам, характеризующим структуру межнациональных установок

В какой степени Вы согласны или не согласны с утверждением	Аутгрупповой негативизм	Ингрупповой фаворитизм
В мире есть национальности, которые Вы не уважаете	0,791	
Некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу	0,774	
Вам не нравится, когда в Вашем городе/селе люди в Вашем присутствии говорят на непонятном Вам языке	0,541	
Когда Вы думаете о людях Вашей национальности, Вы испытываете чувство гордости, любви		0,827
В компании людей Вашей национальности Вы чувствуете себя комфортнее, чем с другими		0,692
В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальной группы		0,651

Таблица 4. Баланс отношений к собственной и иным национальным группам среди россиян в 2015 г., частота и %

Группы с разным балансом межнациональных установок	Частота	Валидный %
«Патриоты»	4997	42
«Неопределившиеся»	5661	47
«Националисты»	1315	11
Всего	11973	100
Затруднившиеся ответить или отказавшиеся от ответа	3145	
Итого	15118	

Таблица 5. Баланс отношений к собственной и иным национальным группам в разных типах поселений, %⁶

Группы с разным балансом межнациональных установок	Областной город	Город	ПГТ	Село
«Патриоты»	46	41	29	38
«Неопределившиеся»	42	47	62	53
«Националисты»	12	12	9	9
Всего	100	100	100	100

⁶ Здесь и далее анализируются только те различия в диспозициях сравниваемых групп, по которым фиксируется достоверное различие со значением χ^2 Пирсона $\leq 0,005$.

Принципиальными оказались расхождения в общем балансе межнациональных установок среди респондентов разного возраста, образования и степени религиозности (таблицы 6–8).

Таблица 6. Баланс отношений к собственной и иным национальным группам в возрастных группах, %

Группы с разным балансом межнациональных установок	Возраст				
	до 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	61 и старше
«Патриоты»	42	40	40	40	45
«Неопределившиеся»	47	47	48	49	47
«Националисты»	11	13	12	11	8
Всего	100	100	100	100	100

Таблица 7. Баланс отношений к собственной и иным национальным группам среди респондентов разного уровня образования, %

Группы с разным балансом межнациональных установок	Образование		
	Полное и неполное общее среднее	Среднее специальное	Высшее
«Патриоты»	40	42	45
«Неопределившиеся»	50	47	44
«Националисты»	10	11	11
Всего	100	100	100

Таблица 8. Баланс отношений к собственной и иным национальным группам среди респондентов с разным уровнем религиозности, %

Группы с разным балансом межнациональных установок	Религиозность		
	В основном верующие	В основном неверующие	Атеисты
«Патриоты»	43	36	39
«Неопределившиеся»	47	49	37
«Националисты»	10	15	24
Всего	100	100	100

Значимые различия (по тесту Шеффе) существуют лишь между самой старшей возрастной группой и всеми остальными группами и только в долях «патриотов» и «националистов». Таким образом, представленные в *таблице 6* данные опровергают распространенный стереотип о повышенной националистичности молодежи, который, на наш взгляд, сформировался в силу ее более выраженной социальной активности и готовности к реальным действиям (группа до 30 лет). Очевидно, что в социальных акциях молодые люди реализуют те диспозиции, носителями которых практически являются их родители и старшие товарищи.

Анализ данных, представленных в *таблице 7*, показывает, что гипотеза о меньшей выраженности этнофобий у людей с высшим образованием не подтверждается. Фактически достоверное различие (по тесту Тамхейна) наблюдается только между участниками опроса с общим средним и высшим образованием. И оно касается отнюдь не этнофобий, а позитивных установок по отношению к представителям своей национальности, доля которых немного выше в группе людей с высшим образованием, однако она не настолько велика, чтобы существенно повлиять на пропорции общего баланса.

Очень важные связи фиксируются между тем или иным балансом межнациональных установок и религиозностью респондентов (*таблица 8*). В данном случае наблюдаются значимые различия по всем трем выделенным группам, особенно по доле «националистов». Это позволяет сделать вывод, что по мере углубления религиозных чувств ослабевает негативное отношение к иным национальным группам и возрастает позитивное отношение к собственному народу.

Еще одной характеристикой, дифференцирующей рассматриваемые группы с разным балансом межнациональных установок, являются особенности их групповой идентификации. Судя по представленным в *таблице 9* распределениям, среди «националистов» значимо ниже уровень идентификации, чем в группах «патриотов» и «неопределившихся». Этот факт свидетельствует о достаточно выраженной самоизоляции «националистов» от большинства социальных сообществ, с которыми россияне себя отождествляют. Можно предположить, что это ответная реакция на неприятие большинством россиян негативных межнациональных установок (это демонстрирует уже доля респондентов с такими установками в выборке).

Таблица 9. Уровень идентификации с определенными социальными группами респондентов с разным балансом межнациональных установок, % тех, кто часто ассоциирует себя с данной группой идентификации

Группы идентификации	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
С людьми Вашего поколения, возраста	68	60	58	63
Со всеми гражданами России	34	28	20	30
С людьми Вашей национальности	56	49	41	51
С людьми такого же достатка, что и Вы	54	50	42	50
С людьми, близкими Вам по политическим взглядам	38	35	28	35
С людьми Вашей веры	43	37	28	39

Более того, приведенные в *таблице 9* данные об относительно слабой ассоциации «националистов» с собственной национальной группой и людьми своего вероисповедания дают основания предположить, что националистические настроения, связанные с негативным отношением к инациональным группам, появляются благодаря представлениям об ущербном состоянии собственной национальной группы. Отсюда, кстати, следует, что наиболее эффективным способом коррекции межнационального негативизма может стать повышение национального самосознания той группы, в которой этот негативизм распространен. Например, в уже упомянутом выше исследовании межнациональных установок московских школьников была установлена статистически достоверная связь высокого уровня ингруппового фаворитизма с ростом интереса к иным этническим культурам.

Относительно большая дистанцированность «националистов» в отношении различных социальных общностей находит логическое продолжение и в степени их дистанцированности от тех или иных национальных групп (*таблицы 10 и 11*).

В нашем исследовании из стандартного набора уровней социальной дистанции мы измеряли только степень принятия человека иной национальности в качестве непосредственного руководителя и соседа по дому. В шкале социальной дистанции уровень такого принятия является промежуточным между более безличными формами взаимодействия (житель данного района, дома) и различными масштабами социального диалога, предполагающего определенную личностную включенность (соседа, друга, родственника). В то же время оценка принятия человека другой национальности на этом уровне может свидетельствовать о готовности занимать подчиненную позицию в иерархических коммуникациях. Очевидно, что в этом случае существенно заметнее различие между уровнями принятия тех или иных национальностей среди респондентов с разным балансом межнациональных установок⁷.

Здесь необходимо отметить, что уровень нетерпимости к руководителю иной национальности значительно выше в группе «националистов», чем среди «патриотов», но он уменьшается по мере снижения среднего уровня по неприятию массива. При этом в среднюю долю значительный вклад вносят оценки «националистов», несмотря на относительно малочисленность этой группы в массиве. Пожалуй, единственная для «националистов» группа, где уровень принятия руководителя значимо выше, чем среди «патриотов», – это русские руководители (в *таблице 10* не представлено). Однако это исключение лишь подтверждает общую тенденцию повышенной нетерпимости по отношению к этноменьшинствам со стороны «националистов», хотя она и является в определенной степени избирательной и слабо затрагивает те национальности, которые считаются традиционно «своими» (белорусы, украинцы). Она подтверждается и на уровне более личностного взаимодействия с ближайшими соседями иной национальности (*таблица 11*).

Уровень взаимодействия с соседями предполагает необходимость установления межличностного контакта (в масштабах, видимо, зависящих от уровня урбанизированности данного поселения). Таким образом, степень принятия людей иной национальности на этом уровне может свидетельствовать уже о некоторой готовности относиться к людям иной культуры как к «своим» и взаимодействовать с ними, скорее, как с личностями, а не с представителями этносоциальных категорий.

⁷ См. *таблицу 9*. Национальности перечисляются в порядке убывания уровня неприятия по средней доле в массиве.

Таблица 10. Уровень принятия человека иной национальности в качестве непосредственного руководителя среди респондентов с разным балансом межнациональных установок, % тех, кто отнесся к этому «в целом отрицательно»

Непосредственным руководителем станет....	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
чеченец	33	47	64	43
таджик	35	46	63	43
узбек	34	46	63	43
дагестанец	33	46	63	42
вьетнамец	34	45	58	42
киргиз	32	43	60	40
азербайджанец	31	42	59	39
грузин	30	41	57	38
армянин	28	39	53	36
украинец	21	29	45	28
белорус	12	17	25	15

Таблица 11. Уровень принятия семьи иной национальности в качестве ближайших соседей респондентами с разным балансом межнациональных установок, % тех, кто отнесся к этому «в целом отрицательно»

Среди соседей будет....	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
чеченская семья	24	39	54	34
таджикская семья	23	35	51	32
дагестанская семья	22	36	51	32
узбекская семья	22	35	51	31
вьетнамская семья	22	34	47	31
киргизская семья	21	32	47	29
азербайджанская семья	20	32	46	28
грузинская семья	18	31	43	27
армянская семья	17	29	40	25
украинская семья	13	19	31	18
белорусская семья	6	10	14	9

Сравнивая средние по массиву данные в *таблицах 10 и 11*, можно сделать вывод о том, что в иной ролевой ситуации, нежели доминирование/подчинение, уровень неприятия значительно снижается, но при этом сохраняется существенный разрыв между людьми с разным балансом межнациональных установок. В группе «националистов» уровень нетерпимости по всему списку национальностей практически в два раза превышает уровень, демонстрируемый представителями группы с превышением позитивного отношения к собственной национальной группе.

Еще один, более общий, вывод состоит в том, что представленные в *таблицах 10 и 11* ранжированные по степени неприятия списки национальностей отражают вероятный список «своих-чужих» этнических групп, латентно присутствующий в общественном сознании россиян. И возможная временная динамика рангов такого списка может показывать динамику освоения общественным сознанием этнокультурных инноваций многонационального пространства России.

Обратим также внимание на то, что «националисты» в своем неприятии тех или иных этнических групп, по сути, воспроизводят профиль избирательной этнической нетерпимости, характерный для общества в целом, но при этом его не формируют. Очевидно, что их оценки принятия/непринятия определенных национальностей – это крайне радикальная форма выражения общих тенденций при том, что они этих тенденций не создают, хотя и вносят существенный вклад в их подкрепление. Таким образом, было бы неправильно считать их диспозиции причиной возможной ситуации межнациональной напряженности. «Националисты» лишь самым радикальным образом реагируют на скрытый общественный запрос, в том числе и вероятный запрос напряженности.

Факторный анализ оценок принятия представителей национальных групп, перечисленных в *таблицах 10 и 11*, выявил два класса национальностей, по которым наблюдается сходное реагирование. В один класс вошли русские и белорусы, во второй – представители всех других национальностей с большей, чем в первом классе, дистанцией принятия (в промежуточной позиции между первым и вторым классами оказались украинцы). Нетрудно заметить, что эти национальности являются в большинстве регионов России недавними иммигрантами: либо внешними (из среднеазиатских республик СНГ), либо внутренними (из российских северокавказских республик). Исключение составляют лишь армяне и грузины, имеющие в России более глубокие корни, но в отношении к ним и дистанция принятия самая низкая. Таким образом, есть все основания предположить, что вопрос отношения к тем или иным инокультурным группам – это также и проблема отношения к мигрантам, и такое пересечение вполне закономерно.

Особенности отношения к иноэтническим мигрантским группам

Процесс нарастания рисков межэтнической напряженности в связи с притоком мигрантов был хорошо изучен на примере как московского региона (наиболее насыщенного инокультурными мигрантами), так и на примере других регионов, в том числе и национальных республик РФ [Кузнецов, Мукомель 2005; Нужны ли иммигранты 2006; Дробижева 2009].

Некоторые особенности адаптации временных трудовых мигрантов к принимающей среде провоцируют среди местного населения формирование мигрантофобии. Суть характерного для временных мигрантов сценария адаптации состоит в том, что их приспособительные мотивы предельно прагматичны и направлены на эффективное решение конкретных текущих жизненных задач, таких как полу-

чение регистрации, найм жилья, поиски работы, учеба и т.п., и окружающую социальную среду (во всяком случае, на первом этапе пребывания в принимающей среде) они склонны рассматривать не как собственную среду обитания, а преимущественно как легкодоступный экономический ресурс. В рамках такого сценария мигранты взаимодействуют не столько с населением, сколько с отдельными, как правило, официальными представителями принимающей среды. В результате складывается преимущественно теневая субкультура обслуживания прагматических потребностей мигрантов, составляющими которой, с одной стороны, являются масса мигрантов с уже сложившимися шаблонами и каналами взаимодействия, и с другой, – постоянно контактирующие с мигрантами представители властей разного уровня, работодатели, собственники арендуемого жилья, держатели специализированных мест проведения досуга. В свою очередь эта субкультура, в которую попадает большинство приезжих, ослабляет потребность более основательной интеграции даже той части мигрантов, которые изначально были ориентированы на легальную жизнь. При этом ведущим фактором формирования мигрантофобии, приобретающей впоследствии этнофобный фон, становятся недостаточная включенность этнических мигрантов в повседневный культурный контекст принимающей стороны и отсутствие у них потребности следовать общепринятым образцам и традициям городского образа жизни или незнание их (часто принимаемое коренными жителями за неуважение). В итоге, наряду с масштабами миграций, важной причиной возникновения мигрантофобий, перерастающих в этнофобии, становится преобладание в миграционных потоках выходцев из неурбанизированных сред (из сельской местности и малых городов, в которых не сложилась по-настоящему урбанизированная среда). Для успешного приспособления переселенцев существенным является быстрое налаживание на новом месте этномигрантской сети (или включение в уже имеющуюся). При этом компактное расселение мигрантов, носителей общей соционормативной системы, и перенесение на новое место привычной сети социальных связей превращаются в условия, облегчающие приспособление к жизни в принимающем социуме.

Еще более отчетливо эта закономерность проявляется, если приезжие приносят с собой не просто другие стандарты, а иные этнокультурные и конфессиональные традиции, т.е. выстраивают собственную этническую микросреду внутри уже сложившейся. Иначе говоря, начинает действовать этнокультурный фактор, задающий привычный для мигрантов, но не схожий с действующим в принимающей среде тип социального взаимодействия и уклада жизни. Характерная для многих этнических культур Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии ориентация на традиционную общину как на единственную систему соотнесения при регулировании повседневного поведения приводит к созданию в принимающей социальной микросреде буферных квазитрадиционных зон [Кузнецов 1988; Кузнецов, Мукомель 2005]. Само по себе последнее обстоятельство осложняет процесс включения приезжих в принимающую среду, поскольку выстраиваемая буферная зона ограничивает возможности освоения новых культурных навыков (включая языковые) и делает такое освоение необязательным.

Если же говорить о конкретной иерархии претензий к мигрантам, то они (по данным опросов в Москве) выглядят следующим образом [Аналитический отчет 2013]:

- 1) «Они живут по иному укладу жизни, говорят на непонятном языке» (14%).
- 2) «Они ведут себя оскорбительно по отношению к людям нашей национальности» (14%).
- 3) «Они не считаются с правилами поведения, сложившимися в Москве» (13%).
- 4) «Ими совершается большинство преступлений в Москве» (13%).

- 5) «Они способствуют развитию коррупции, стремятся все решать через своих родственников, земляков, друзей и т.п.» (13%).
- 6) «Они скупают квартиры, предназначенные для москвичей» (13%).
- 7) «Они не чувствуют благодарности за то, что живут в нашем городе» (11%).
- 8) «Они люди чуждой нам религии» (10%).

Как видно из представленных распределений, наибольшую неприязнь вызывают те особенности поведения людей иной национальности, которые обусловлены их слабой интеграцией в обыденные (часто неформальные) стандарты повседневного взаимодействия. Это в общей сложности 52% (пункты 1, 2, 3, 7), нарушение которых, как правило, вызывает у принимающего населения опасения за сохранность своей культурной среды. Практически в любом обществе, ориентированном на традиционные ценности и нормы, угроза разрушения культурного пространства (формирующего полноценного члена этого общества, под которого подстроены его основные социальные институты и само собой разумеющиеся, часто нерелексированные нормы повседневного взаимодействия), утрата чувства «хозяина» на своей культурной территории воспринимаются подчас острее, чем экологические и даже социально-экономические угрозы. Поэтому распространенность таких претензий может стать мощным мобилизационным фактором самоорганизации наиболее активных членов московского сообщества в агрессивные охранительные структуры, а само противостояние на основе несовпадения культурных стандартов поведения способно перерасти в межэтническое противостояние. Тем не менее собственно ксенофобной следует назвать лишь одну причину (пункт 8, «Они люди чуждой нам религии»), и она стоит в списке на последнем месте с весьма скромной долей упоминаний (10%).

По сути, если исключить целевую политическую деятельность, направленную на эксплуатацию случаев столкновения между отдельными людьми и группами с разными этническим происхождением, то межэтнический конфликт – это зачастую идеологически подкрепленный и оформленный в региональной информационной среде бытовой конфликт, который основан на различном истолковании сторонами, принадлежащими к разным культурам, того, что в данной региональной среде должно, допустимо и справедливо. Иными словами, это определенное расхождение в области ценностных стандартов поведения в публичной сфере.

В регионах современной России, в том числе и в Москве, весьма маловероятным представляется конфликт между традиционно контактирующими группами, у которых веками выработаны и закреплены в консенсусе местного обычного права навыки взаимодействия. В ситуации интенсивного притока инокультурных мигрантов наиболее вероятной причиной межэтнических противостояний становится различие в видении и интерпретации конфликтной ситуации местным населением (независимо от национальности) и группами вновь прибывшего населения, привыкшими к иным поведенческим стандартам (независимо от того, граждане ли они России или иностранцы). Необходимо подчеркнуть, что подобные конфликты культурных стандартов случаются и между группами одной этнической принадлежности, например, между русскими жителями мегаполиса и приезжими русскими из малого города или села, но они не имеют, как правило, резонанса в информационной среде, и поэтому остаются вне зоны внимания общественности. Следовательно, не происходит и их эскалации до уровня возможного политического столкновения, скажем, столицы и региональных центров, в отличие от наращивания подобного же по своей основе и модели развития конфликта, где противостоящими сторонами являются этнические группы.

Если реконструировать повседневный дискурс определения ситуации как конфликтной со стороны местного населения, то в упрощенном виде он сводится к следующему: фиксируется нарушение приезжими норм обычного местного пра-

ва, которое приезжие могут либо не знать, либо заведомо пренебрегать им, ориентируясь исключительно на официальные кодексы. И поскольку подобного рода нарушение зафиксировано и согласовано в общественном сознании, то возникает дискурс вокруг организации соответствующих санкций, и если власти по тем или иным причинам не поддерживают эти акции, то возникает самоорганизованная реакция (самосуд). Коротко говоря, именно потребность в восстановлении справедливости, не реализуемой в официальном властном русле, и составляет в подавляющем большинстве случаев осознанную или неосознанную подоплеку межкультурных, межэтнических столкновений.

В итоге на сегодняшний день реальным представляется мнение о широком распространении негативного отношении к определенным, прежде всего не привычным для данной принимающей среды, этническим группам. Более того, неприязненное отношение к инокультурным приезжим в национальных республиках или в других регионах России с высокими показателями этнической мозаичности служит в настоящее время своеобразным фактором, консолидирующим многонациональное принимающее население [Идентичность и консолидационный ресурс 2014].

Возвращаясь к рассматриваемым группам баланса межэтнических отношений, можно утверждать, что отношение к мигрантам среди «националистов» будет значимо хуже, чем в группе «патриотов» (таблица 12).

Таблица 12. Оценка потребности в мигрантах среди респондентов с разным балансом межнациональных установок, % ответивших

Варианты ответа	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
1. Нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться жить здесь навсегда	18	14	15	16
2. Стране нужны только те мигранты, которые приезжают только на заработки и не хотят здесь жить постоянно	14	13	11	13
3. Стране нужны и те, и другие мигранты	20	11	9	13
4. Стране не нужны ни те, ни другие мигранты	48	62	65	58
Итого	100	100	100	100

Как видно из *таблицы 12*, различия оценок разных вариантов принятия мигрантов особенно заметны по пунктам 3 и 4, т.е. там, где речь идет о безусловном принятии мигрантов и о том, что мигранты не приемлемы ни при каких условиях. В обоих случаях представители группы «националистов» демонстрируют значимо более радикальную позицию, нежели представители «патриотов». Тем не менее необходимо отметить, что «националисты» лишь более радикально выражают общую

тенденцию негативного отношения к мигрантам в обществе. Можно предположить, что этот радикализм связан с тенденцией определять любые взаимодействия, где акторами являются представители разных этнокультур, как межэтнические ситуации, независимо от их реального контекста. Так, приток дополнительной рабочей силы, необходимый экономике современной России, квалифицируется ими как вторжение чужих этнокультурных элементов в привычную для них социальную среду.

О тенденции «националистов» интерпретировать даже бытовые конфликты с участием людей разных национальностей в контексте межнационального противостояния свидетельствуют данные *таблицы 13*. Для правильного понимания полученных распределений ответов необходимо привести точную формулировку вопроса: «Представьте себе, что в Вашем населенном пункте молодые люди разных национальностей встретились на улице. Слово за слово. Повздорили. Завязалась драка. В ходе драки молодые люди иной национальности, чем Ваша, убили парня Вашей национальности. Что будете делать Вы?». Важно отметить, что из приведенного текста отнюдь не следует, что это ситуация столкновения на межэтнической почве – скорее, бытовой конфликт с участием лиц разной национальности. И лишь последний вариант (пункт 6, *таблица 13*) связан с этноконфликтным определением подобного столкновения, и именно по этому варианту частота выборов «националистов» значительно отличается от показателей в группе «патриотов». В остальных пунктах, отражающих степень участия в реагировании – от полностью пассивной реакции (пункт 1, *таблица 13*) до агрессивной (пункт 5, *таблица 13*), – ответы «националистов» и «патриотов» практически не отличаются.

Таблица 13. Характер реагирования на ситуацию конфликта с участием людей различных национальностей среди респондентов с разным балансом межнациональных установок, % согласившихся с перечисленными вариантами

Варианты реагирования	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
0. Ничего, пусть разбирается полиция, это не Ваше дело	69	69	69	69
1. Будете внимательно следить за расследованием в сообщениях средств массовой информации	66	62	66	64
2. Подпишете петицию властям с требованием объективного расследования	41	37	44	39
3. Напишете об этом в Интернете	15	16	21	16
4. Пойдете на митинг, сход, требующий наказать убийц	19	19	21	19
5. Соберетесь с друзьями, подругами, чтобы найти виновных и отомстить им	4	5	7	5
6. Примете все меры, чтобы избавить Ваш населенный пункт от людей той национальности, к которой принадлежали убийцы	9	11	17	11

Такая особенность восприятия социальных ситуаций в межэтническом ключе в целом говорит о повышенной акцентуации национальных категорий: для «националистов» национальная категоризация в повседневной жизни имеет большую значимость, чем для «патриотов». Об этом свидетельствуют и данные, представленные в *таблице 14*.

Таблица 14. Оценка важности национальной принадлежности для устройства на работу среди респондентов с разным балансом межнациональных установок, % тех, кто указал, что национальность «в целом важна»

Устройство на работу	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
Получение высокой должности в местных органах власти	40	41	45	41
Устройство на работу рядовым учителем в школу	27	30	34	29
Назначение директором, завучем в школе	40	41	48	41
Устройство на работу рядовым врачом	20	25	26	23
Назначение главврачом, заведующим отделением	34	38	43	37
Открытие своего предприятия, фирмы	12	17	16	15
Устройство рядовым сотрудником правоохранительных органов	32	38	40	35
Назначение руководителем в правоохранительных органах	47	50	55	49
Устройство на высокооплачиваемую должность в частной компании	20	27	28	24

Как видно из представленных в *таблице 14* распределений, среди «националистов» оценка важности национальной принадлежности при получении перечисленных должностей значимо выше, чем в группе «патриотов». Однако необходимо еще раз отметить, что «националисты» лишь повторяют в акцентированной форме тенденцию, характерную для сообщества в целом. Это может означать, что в российском обществе (по крайней мере, на рынке труда) национальная принадлежность является значимой национальной категорией, что в свою очередь запускает механизм капитализации этничности, создающий серьезные основания для подкрепления значимости национальной категоризации в большинстве сфер социального взаимодействия. Последнее является немаловажным фактором осложнения межнациональной ситуации в локальных сообществах: в частности, капитализация этничности во многом является и причиной, и следствием формирования этнических ниш как в экономике [Кузнецов, Мукомель 2007], так и во многих других сферах деятельности. И в этом случае конкуренция в этих сферах с большой вероятностью превращается в межэтническое соперничество.

В конечном счете прослеженная в группе «националистов» тенденция воспринимать и оценивать ситуации повседневности в национальном контексте отражается в общей оценке текущего состояния межнациональных отношений на локальном уровне (таблица 15).

Таблица 15. Оценка степени межнациональной напряженности среди респондентов с разным балансом межнациональных установок, %

Варианты оценки	Группы с разным балансом межнациональных установок			
	«Патриоты»	«Неопределившиеся»	«Националисты»	Средняя по массиву
Постоянные столкновения, конфликты	1	1	3	1
Высока вероятность конфликтов	4	5	8	5
Внешне спокойные, но ощущается внутреннее напряжение	19	25	29	23
Отношения, скорее, нормальные	33	33	28	32
Нормальные, доброжелательные отношения	43	36	32	39
Итого	100	100	100	100

Прежде всего, необходимо отметить, что респонденты, относящиеся к разным группам баланса межнациональных установок, в принципе, оценивают одну и ту же ситуацию. И значимые различия в ее аттестации («националисты» склонны ее оценивать более тревожно) связаны с тенденцией более агрессивного определения межнационального взаимодействия, чем это можно видеть в оценках двух других групп, особенно среди респондентов с превышением позитивного отношения к собственной национальной группе. Если дополнительно учесть, что подобная оценка содержит не только восприятие факта, но и определенные экспектации в отношении развития межнациональных отношений, то с большей долей вероятности можно утверждать, что тот или иной баланс межнациональных установок, существующий на текущий момент в данном социуме, является важным фактором, который может как способствовать, так и препятствовать регулированию межнациональных отношений.

Заключение

Если рассматривать баланс позитивного отношения к собственной национальной группе и негативного отношения к иным национальным группам как индикатор уровня межнациональной напряженности, то, по данным репрезентативного опроса населения России 2015 г., в нынешней ситуации можно говорить об устойчивости этого баланса, т.е. о слабой вероятности рисков возникновения серьезных межнациональных противостояний. Однако среднестатистическая оценка отнюдь не отражает ситуации в отдельных регионах России: если при средней общероссийской вы-

борке доля «националистов» составляет 11%, по региональным выборкам эта цифра колеблется от 22 до 2%⁸. Вполне ожидаемо, что в мегаполисах и крупных городах доля таких респондентов значимо выше, чем в менее урбанизированных населенных пунктах (ПГТ и селах). В то же время не подтвердилось широко распространенное в общественном сознании мнение об особой националистичности молодежи. Не полностью обоснованным оказалось и мнение о меньшей распространенности этнофобий среди более образованных слоев населения: среди людей с высшим образованием немного больше респондентов с превышением позитивного отношения к собственной национальной группе («патриотов»), но доля лиц с превышением негативного отношения к иным национальностям такая же, как и в других образовательных группах. Также было установлено, что особенностью идентификации группы «националистов» является их меньшая, чем в среднем, и значимо меньшая, чем у «патриотов», идентификации себя со всеми (предусмотренными в инструментарии) социальными общностями, не исключая общности по национальности и по вере.

Группа респондентов с превышением негативного отношения к иным национальным группам, также как и группа «патриотов», весьма последовательна в своем реагировании на ситуации, определение которых не исключает контекста межнационального взаимодействия: в этих случаях реакция «националистов» более радикальная, чем в среднем по выборке, и значимо отличается от реакции «патриотов».

Важный вывод состоит в том, что «националисты» и «патриоты» разнонаправленно отражают характерный для общества в целом профиль избирательного отношения к разным этническим группам российского общества. Но при этом ни «патриоты», ни «националисты» не формируют этот профиль. Последние в своих оценках межнациональной ситуации демонстрируют лишь более агрессивные и радикальные (по сравнению с группой «патриотов») формы выражения средних тенденций. Из этого следует, что уровень распространенности националистических диспозиций в обществе является показателем роста латентного социального запроса на решение уже назревших проблем межнационального взаимодействия в локальных сообществах.

Основной вывод состоит в том, что в российском обществе существует избирательное отношение к тем или иным этническим группам, определяемое мерой их интеграции в данное локальное сообщество. Эта избирательность характерна не только для респондентов с отчетливо националистическими установками, но и для тех, кому присущи в целом позитивные или нейтральные установки в отношении иноэтнических групп. Таким образом, усилия по нормализации межнациональной ситуации в данном локальном сообществе должны быть направлены не только на нейтрализацию националистических установок населения, но и на интеграцию инокультурных групп в стандарты взаимодействия, общепринятые в данном сообществе.

Литература

- Аналитический отчет по результатам социологического исследования на тему «Мнение москвичей о миграционной ситуации в столице и актуальных проблемах миграционных процессов» (2013) // http://dsmir.mos.ru/napravleniya_deyatelnosti/sotsiologicheskie_issledovaniya/oprosy_obshchestvennogo_mneniya_v_2013_godu/Migration.pdf
- Дробижева Л.М. (ред.) (2002) Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia.

⁸ Данные по конкретным регионам не приводятся, т.к. опросы в регионах не претендуют на локальную репрезентативность.

- Дробижева Л.М. (ред.) (2009) Российская идентичность в Москве и регионах. М.: ИС РАН, МАКС Пресс.
- Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия) (2012). М.: Институт социологии РАН // <http://www.isras.ru/publ.html?id=2461>
- Кузнецов И.М. (1988) Адаптивность этнических культур и этнокультурные типы самоопределения личности // Советская этнография. № 1. С. 15–27.
- Кузнецов И.М., Мукомель В.И. (2005) Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: ИС РАН.
- Кузнецов И.М., Мукомель В.И. (2007) Формирование этнических ниш в российской экономике // Неприкосновенный запас. № 1. С. 175–184.
- Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е. (2013) Социально–психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика // Социальная психология и общество. № 1. С. 104–113.
- Лебедева Н.М. (1997) Социально–психологические закономерности аккультурации этнических групп // Лебедева Н.М. (ред.) Этническая психология и общество. М.: Старый сад. С. 271–289.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (ред.) (2002) Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М.: РУДН.
- Московичи С. (ред.) (2007) Социальная психология. М.: Питер.
- Нужны ли иммигранты российскому обществу? (2006). М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Хухлаев О.Е. (2011) Этнонациональная установки современной Российской молодежи // Вопросы психологии. № 1. С. 46–57.
- Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Зинурова Р.И., Радина Н.К., Тудупова Т.Ц., Хакимов Э.Р. (2011) Этнонациональные установки и ценности современной молодежи // Культурно–историческая психология. № 4. С. 97–106.
- Berry J.W., Pleasants M. (1984) Ethnic Tolerance in Plural Societies, Potsdam.
- Druckman D. (1994) Nationalism, Patriotism, and Group Loyalty: a Social-psychological Perspective // *Mershon International Studies Review*, vol. 38, no 1, pp. 43–68.
- Kosterman R., Feshbach S. (1989) Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes // *Political Psychology*, vol. 10, no 2, pp. 257–274.
- Tajfel H. (1982) *Social Identity and Intergroup Relations*, Cambridge and Paris.

The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations

I. KUZNETSOV*

***Igor Kuznetsov** – Candidate of Science in Sociology, Leading Researcher, Department of Ethnic Sociology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskij St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: ingvar31@yandex.ru

Citation: Kuznetsov I. (2017) The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 58–80 (in Russian)

Abstract

This article introduces tools for measuring the balance of interethnic attitudes among Russians, which allows the identification of the risk of ethnic tensions. The diagnostic

indicators used to measure the relationship between in-group favouritism and out-group negativity. The balance between the two shows the state of inter-ethnic relationships, but also, most importantly, the identification of the potential problems which might require preventive action. The study was carried out on the basis of Wave 24 of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE).

The findings reveal a stable positive balance of interethnic attitudes, and thus a low risk of serious ethnic confrontations in Russia. However, the average country-wide measurements do not reflect the specificity of the situation in certain Russian regions. The findings also do not confirm the widely held view about the concentration of nationalistic attitudes exclusively among the youth. Neither do they completely confirm another common view that xenophobia prevails among the less educated. Different groups characterized by a similar balance of interethnic attitudes are also consistent in their reactions towards the current situation with interethnic relationships: i.e. the group with excessively negative attitudes towards other nationalities is on average characterized by more radical reactions.

The main conclusion is that in Russian society there is a selective attitude to different ethnic groups, defined by the measure of their integration into the local community. This selectivity is characteristic not only for respondents with a distinctly nationalist attitudes, but also for those who are characterized by generally positive or neutral attitudes to other ethnic groups. Efforts to normalize the inter-ethnic situation in the local community should be directed not only at neutralizing the nationalistic attitudes of the population, but also at the integration of other ethnic groups to the behavioural standards accepted in that local society.

Key words: interethnic tensions, interethnic attitudes, identity, ethno-social distance, the fear of migrants

References

- Analiticheskij otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya na temu «Mnenie moskvicej o migratsionnoj situatsii v stolitse i aktual'nykh problemakh migratsionnykh protsessov»* (2013) [The Analytical Report on the Sociological Study of the Perception of the Situation with Migrants in the Capital City by Moscow Citizens]. Available at: http://dsmir.mos.ru/napravleniya_deyatelnosti/sotsiologicheskie_issledovaniya/oprosy_obshchestvennogo_mneniya_v_2013_godu/Migration.pdf, accessed 31 October 2016.
- Berry J.W., Pleasants M. (1984) *Ethnic Tolerance in Plural Societies*, Potsdam.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'* [Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality], Moscow: Academia.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2009) *Rossiyskaya identichnost' v Moskve i regionakh* [Russian Identity in Moscow and Regions], Moscow: IS RAN, MAKS Press.
- Druckman D. (1994) Nationalism, Patriotism, and Group Loyalty: a Social-psychological Perspective. *Merston International Studies Review*, vol. 38, no 1, pp. 43–68.
- Identichnost' i konsolidatsionnyj resurs zhitelej respubliki Sakha (Yakutiya)* (2012) [The Identity and the Source of Consolidation among the People of the Republic of Sakha (Yakutia)], Moscow: IS RAN. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2461>, accessed 31 October 2016.
- Khukhlaev O.E. (2011) Etno-natsional'naya ustanovki sovremennoj Rossijskoj molodezhi [Ethno-national Attitudes of the Modern Russian Youth]. *Voprosy psikhologii*, no 1, pp. 46–57.
- Khukhlaev O.E., Buchek A.A., Zinurova R.I., Radina N.K., Tudupova T.T.S., Khakimov E.R. (2011) Etno-natsional'nye ustanovki i tsennosti sovremennoj molodezhi [Ethno-national

- Attitudes and Values of Contemporary Youth]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, no 4, pp. 97–106.
- Kosterman R., Feshbach S. (1989) Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes. *Political Psychology*, vol. 10, no 2, pp. 257–274.
- Kuznetsov I.M. (1988) Adaptivnost' etnicheskikh kul'tur i etnokul'turnye tipy samoopredeleniya lichnosti [Adaptability of Ethnic Cultures and the Types of Ethno-cultural Self-determination]. *Sovetskaya etnografiya*, no 1, pp. 15–27.
- Kuznetsov I.M., Mukomel' V.I. (2005) *Adaptatsionnye vozmozhnosti i setevye svyazi migrantskikh etnicheskikh men'shinstv* [Adaptive Capacity and Network Communications of Migrant Ethnic Minorities], Moscow: IS RAN.
- Kuznetsov I.M., Mukomel' V.I. (2007) Formirovanie etnicheskikh nish v rossijskoj ekonomike [The Formation of Ethnic Niches in the Russian Economy]. *Neprikosnovennyj Zapas*, no 1, pp. 175–184.
- Kuznetsov I.M., Khukhlaev O.E. (2013) Sotsial'no-psikhologicheskij monitoring riskov mezhnatsional'noj konfliktnosti: metodologiya i praktika [Socio-psychological Monitoring of the Risk of Ethnic Conflict: Methodology and Practice]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, no 1, pp. 104–113.
- Lebedeva N.M. (1997) Sotsial'no-psikhologicheskie zakonomernosti akkul'turatsii etnicheskikh grupp [Socio-psychological Patterns of Acculturation of Ethnic Groups]. *Etnicheskaya psikhologiya i obshchestvo* (ed. Lebedeva N.M.), Moscow: Saryj sad, pp. 271–289.
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N. (eds.) (2002) *Etnicheskaya tolerantnost' v polikul'turnykh regionakh Rossii* [Ethnic Tolerance in Multicultural Regions of Russia], Moscow: RUDN.
- Moskovichi S. (ed.) (2007) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology], Moscow: Piter.
- Nuzhny li immigranty rossijskomu obshchestvu?* (2006) [Do We Need Immigrants in Russian Society?], Moscow: Fond «Liberal'naya missiya».
- Tajfel H. (1982) *Social Identity and Intergroup Relations*, Cambridge and Paris.

Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края)¹

К.С. ГРИГОРЬЕВА *

***Ксения Сергеевна Григорьева** – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: ksenia_grig@mail.ru

Цитирование: Григорьева К.С. (2017) Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края) // Мир России. Т. 26. № 1. С. 81–102

Цель настоящей статьи состоит в анализе различных стратегий использования этничности и выявления факторов, обуславливающих выбор той или иной стратегии этническими общинами Краснодарского края. В статье рассматриваются процессы превращения этнической принадлежности в социальный барьер и ресурс, дискурсы, способствующие получению преимуществ представителями одних этнических общин перед другими, практики этнопротекционизма и этнолоббирования, а также отказ от данных практик в пользу слияния с этническим большинством, влияние политического контекста на выбор тех или иных стратегий представителями этнических общин.

Для осмысления механизмов превращения этнической принадлежности в социальный ресурс послужила предложенная Пьером Бурдьё теория капиталов. Используются понятия социального, экономического, политического, символического капитала и конвертации капиталов.

Эмпирической базой являются результаты исследования «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)». Материалы исследования в Краснодарском крае включали 9 фокус-групп с представителями армянской, адыгской, украинской, греческой, татарской, чеченской, дагестанской, таджикской и узбекской общин, а также 12 экспертных интервью. В качестве экспертов выступали авторитетные представители этнических общин: общественные, религиозные деятели и предприниматели соответствующих национальностей.

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)» (грант № 15-18-00093).

Ключевые слова: этничность, этнические меньшинства, дискурсы, социальное неравенство, социальный капитал

Вопросы влияния этничности на процессы социальной стратификации начали изучаться достаточно давно. Анализ некоторых аспектов данной проблемы можно обнаружить в работах классиков социологической мысли М. Вебера и К. Маркса. Однако всплеск интереса к этничности как фактору социальной стратификации был зафиксирован в 70-е гг. XX в., когда западными исследователями было введено понятие «новой этничности», обозначающее специфическое поведение этнических групп, направленное на получение социальных, экономических и политических преимуществ. Некоторые ученые даже озвучивали мнение, согласно которому этничность начинает играть в процессе социальной дифференциации более важную роль, чем классовая принадлежность. Так, Н. Глэзер и Д.П. Монихэн полагали, что отношения собственности отходят на второй план, тогда как «этничность предстает как более фундаментальный источник стратификации» [Glazer, Moynihan 1975, p. 17], а Ф. Паркин утверждал, что этнические группы являются «более эффективными, чем социальные классы в мобилизации своих ресурсов» [Parkin 1979, p. 33].

Эмпирические исследования (как зарубежные, так и отечественные) подтверждают взаимосвязь этнической принадлежности и социального положения индивидов. На российском материале эта взаимосвязь продемонстрирована в работах С.А. Арутюнова [Арутюнов 1990], Л.М. Дробижевой [Дробижева 2002], М.В. Саввы [Савва 1997] и др.

Если в 1990-е гг. в отечественной социологии наиболее активно анализировались процессы этнической мобилизации для достижения политических целей (прежде всего в национальных республиках), то в последнее время особую популярность получает направление исследования этнического предпринимательства. Это связано с изменением российского политического контекста – угасанием национальных движений в регионах страны и интенсификацией миграционных процессов.

Феномен этнического предпринимательства впервые был рассмотрен в работах В. Зомбарта, полагавшего, что некоторые народы имеют предрасположенность к занятию предпринимательской деятельностью. М. Вебер также обращался к теме этнического предпринимательства, выдвигая предположение, что меньшинства, сталкиваясь с дискриминацией, вынуждены использовать этнические ресурсы «своей» общины и заниматься определенными видами деятельности, в первую очередь предпринимательством. Впоследствии эти идеи получили развитие в работах представителей Чикагской социологической школы. Современные западные исследования продолжают указанную традицию, рассматривая этническое предпринимательство и обращение к ресурсам «своих» этнических общин как механизм адаптации меньшинств к жизни в инокультурной среде и преодоления социальной эксклюзии, ксенофобии и насилия.

В России проблемы этнического предпринимательства анализируются в работах О.Е. Бредниковой, И.М. Кузнецова, В.И. Мукомеля, В.В. Радаева, С.В. Рязанцева и др. Исследователи указывают на связь этнического предпринимательства с маргинальностью социального положения представителей этнических меньшинств [Радаев 1993], отмечая, что первоначальная слабость позиций заставляет их создавать социальные сети и наращивать социальные связи, что приносит социальные и экономические дивиденды [Кузнецов, Мукомель 2007].

Таким образом, в определенных обстоятельствах этническая принадлежность, с одной стороны, может выступать в качестве социального барьера, а с

другой, служить социальным ресурсом. Причем нередко эти процессы сложно отделить друг от друга: попытки ограничения социальной мобильности, предпринимаемые в отношении представителей некоторых этнических групп, вынуждают их объединять усилия для преодоления преград, что в конечном итоге приводит к росту коллективного капитала.

Для осмысления механизмов превращения этнической принадлежности в социальный ресурс в настоящей статье взаимодействия между членами этнических общин рассматриваются в категориях обмена, прибыли, затрат и накопления капитала (социального, экономического, символического). Это не означает, что социальные акторы воспринимают свои действия как сугубо прагматические, направленные исключительно на получение выгод, или что эти действия являются таковыми без ведома акторов. Тем не менее, вслед за П. Бурдьё, мы полагаем, что экономическая логика² структурирует большинство социальных взаимодействий.

Этническая принадлежность как социальный барьер

Принадлежность к этническому меньшинству может являться серьезной проблемой, влекущей за собой множество издержек и ограничений. В Краснодарском крае, по свидетельству респондентов, с этим явлением сталкиваются члены разных этнических групп, но чаще всего те, чей облик и культурные особенности далеки от облика и культурных особенностей русского большинства – представители кавказских народностей и выходцы из Средней Азии.

Полученные в ходе исследования данные позволяют выделить два уровня, на которых представители указанных этнических меньшинств могут столкнуться с дискриминационными практиками: (1) институциональный уровень, (2) уровень повседневного (бытового) взаимодействия.

На институциональном уровне, как отмечали участники фокус-групп, имеются определенные негласные ограничения по приему представителей этнических меньшинств на работу в органы власти и иные государственные структуры.

«В исполнительную власть не пускают» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

«Вообще пробиться в органы государственной и муниципальной власти невозможно практически для нерусских народов» (участник фокус-группы, представитель дагестанской общины).

«Товарищ мой претендовал на хорошую должность начальника следствия, но не подошел из-за национальности» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Принадлежность к этническому меньшинству, по словам респондентов, повышает риск привлечь внимание правоохранительных органов и стать жертвой неправомерных действий сотрудников силовых структур (вымогательства или физического насилия).

«Каждый день сюда полиция приезжает [к центру оформления миграционных документов]. Они стоят, и как только человек выходит из здания, сразу: “Давайте документы”. Если с документами все в порядке: “Давайте содержимое карманов”» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

² В смысле желания выиграть и веры в ценность «разыгрываемого», а не стремления к получению экономической прибыли.

«Проезжали ППС, остановились, начали проверять документы, забрали себе. Это незаконно, забирать документы у человека. Подошел мой друг. Начал с ними выяснять отношения: “Почему вы забрали документы, вы не имеете права”. Его избили, засунули в машину, удалили с телефона видео, где он снимал это все. Тупо забрали его в полицейский участок и еще раз избили там перед входом» (участник фокус-группы, представитель узбекской общины).

Кроме того, на институциональном уровне в отношении отдельных этнических групп время от времени устраиваются показательные репрессивные акции, санкционированные местными и/или федеральными властями.

«Случай с [российскими] летчиками, которые были задержаны в Таджикистане. [Тогда] десятки тысяч таджиков поймали и выгнали обратно, депортировали из России. У человека есть все [документы], а его взяли и выгнали. Там даже паспорт брали, рвали и говорили: “У тебя нет паспорта”» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

«В 2008 году с грузинами было так же, когда их начали [из России] выгонять» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

В бытовых ситуациях социального взаимодействия представители этнических меньшинств также сталкиваются с ограничениями. В частности, по свидетельству участников фокус-групп, проблемой может стать аренда жилья.

«Элементарно квартиру снять. Не сдают, всегда пишут: “Сдам в аренду русской семье”» (участник фокус-группы, представитель дагестанской общины).

Неудачей может обернуться попытка посещения ночного клуба.

«Пример – вход на дискотеку. Мы все были в таком возрасте, когда хотелось пойти на дискотеку. Я входил, мне говорили: “Извините, лицо кавказской национальности, Вы не заходите в клуб”. Охранник знает, сколько процентов нерусских должно быть на дискотеке» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Даже обращение в автомастерскую способно вызвать затруднения.

«Та же автомастерская: “Что ты сюда приехал машину делать? Езжай к себе домой!”» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Таким образом, этническая принадлежность может становиться социальным барьером в самых разных обстоятельствах – от устройства на работу до проведения досуга.

Этническая принадлежность как социальный ресурс

Помимо издержек, этническая принадлежность (в том числе и принадлежность к этническому меньшинству) может приносить ощутимую пользу, которая возникает прежде всего в результате налаживания связей и осуществления взаимовыгодных обменов с другими членами «своей» этнической группы.

В основе выстраивания подобных взаимодействий лежит доверие к представителям «своей» этнической общины, базирующееся на таких культурных маркерах, как язык, родство, соседские и дружеские связи, общность религиозных и ценностных представлений, а также сходство биографической ситуации, приезд из одной страны/региона. Доверие подразумевает ожидание предсказуемого и чест-

ного поведения со стороны других членов этнической общины, позволяет снизить риски, связанные с пребыванием в инокультурной среде.

Связи с представителями «своей» этнической группы могут использоваться для решения многих вопросов, в частности, при трудоустройстве.

«У нас есть национальное: если человек работает, то его поддерживают. Хотя бы своих родных, близких принимают на работу, устраивают и так далее. Даже если они бизнес здесь ставят, они будут принимать на работу своих, обеспечивать» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

«В основном приезжают целенаправленно, а не так, чтобы набум приехал и потом стал искать работу. Всегда кто-то вызывает: или родственник, или сосед» (участник фокус-группы, представитель узбекской общины).

Помощь родственников и знакомых позволяет существенно оптимизировать процесс трудоустройства: сокращает время поиска подходящей работы и минимизирует риски попасть к недобросовестному работодателю. Если работодатель все же не выполняет свои обязательства, в особенности при отсутствии официально оформленных трудовых отношений, существует возможность обратиться за защитой к авторитетным представителям этнической общины или национальным общественным объединениям, которые в подобных случаях нередко берут на себя функции профсоюза.

«Есть такие люди, которые по три года [зарплату] не получают. Вот куда им идти? Они везде ходят, а обратиться в суд он не может, потому что у него нет бумажки [трудового договора]. Я выхожу на руководителя того предприятия, приглашаю. Если он не хочет сюда идти, я не стесняюсь, сам иду к нему. Выслушиваю этих ребят, выслушиваю его и ставлю задачу такую: “Ребята, если не хотите, чтобы были проблемы, надо рассчитаться”» (представитель дагестанской общественной организации).

«Есть люди, они, например, нормально-нормально-нормально, а в конце – хоп: например, 10 тысяч не отдают или 5 тысяч не отдают. Потом придется ехать и говорить. Им надо до ума доводить, что человек работал, а ему не заплатили» (бизнесмен таджикского происхождения).

В сложной жизненной ситуации (в случае болезни, травмы, смерти близких) члены этнической общины также могут рассчитывать на поддержку.

«Допустим, не дай Бог, что случится, кто-то в беде или умер, собираются сто-двести человек и вносят свой вклад» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

«Вот где-то услышали: человек умер. И человек уже туда бежит, спрашивает: “Чем помочь?”» (участник фокус-группы, представитель дагестанской общины).

Причем необходимые средства, как правило, собираются весьма оперативно и имеют внушительные размеры.

«Вот недавно в Геленджике была ситуация: парень упал с 3-го этажа. 257 тысяч собрали, он уже в палате лежит» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

Таким образом, этническая принадлежность при определенных обстоятельствах может выступать в качестве социального капитала.

Понятие «социальный капитал» здесь и далее употребляется, в соответствии с определением П. Бурдьё, как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов,

связанных с обладанием устойчивой сетью (*durable networks*) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [Бурдые 2002, с. 66]. Коллективный капитал, которым обладает группа, дает возможность ее членам получать разнообразные кредиты. Причем эти отношения существуют только в практическом состоянии, в виде материальных и символических обменов. Объем социального капитала зависит от величины социальной сети и возможности ее эффективной мобилизации, а также от размеров экономического и символического капитала, которым располагает каждый участник сети.

Обменные операции и инвестиции в «свою» этническую группу

Превращение этнической принадлежности в социальный капитал не происходит само по себе, но требует серьезных инвестиций, которые могут носить материальный и нематериальный характер (затраты времени, оказание различного рода услуг, проявление внимания, заботы, участие в общих мероприятиях, встречах и т.д.). Инвестиции осуществляются и рядовыми представителями этнических общин, и более статусными персонами (бизнесменами, политиками, общественными деятелями), проходят как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Как правило, все затраты предполагают последующую компенсацию или прибыль. Так, помощь (материальная и нематериальная), которую получают члены этнической общины во время радостных или печальных событий (свадеб, болезней, похорон), не является безвозмездной: это разновидность кредита, который в свое время необходимо погасить. Если же человек не выполняет своих обязательств, он рано или поздно лишается тех выгод, которые приносит принадлежность к этнической общине.

«Ну, у нас это в основном связано со светлыми и с черными днями (ну, вы поняли: светлые дни – это когда свадьба; черные – это когда кто-то умер). И если ты не приходишь, то завтра к тебе тоже перестанут ходить» (представитель узбекской общественной организации).

Иными словами, условием получения дивидендов от этнической принадлежности является трудоемкая работа по поддержанию социальных связей, а также обязательное участие в материальных и нематериальных обменах с другими членами этнической группы.

Обменные операции осуществляются не только на индивидуальном уровне, но и на уровне организаций. Национальные общественные объединения нередко налаживают взаимовыгодные контакты с владельцами мелкого и среднего бизнеса, принадлежащими к соответствующей национальности. В обмен на финансирование бизнесмены получают полезные связи и поддержку влиятельных общественных организаций.

«Мелкий и средний [бизнес] ближе к народу, мы знаем их проблемы, они знают наши проблемы. Мы можем помочь друг другу. Я советом помогаю, “большим советом”» (представитель армянской общественной организации).

Крупный бизнес, как правило, в меньшей степени заинтересован в выстраивании подобных отношений, поскольку ресурсы, которыми обладают общественные объединения, для него недостаточно привлекательны.

«У нас [есть] Алишер [Усманов], не хочет с нами общаться. Хотя он как раз с Ферганской долины, наш земляк. Но когда мы обратились к нему за помощью, он как бы забыл, что мы существуем» (представитель узбекской общественной организации).

Обменные операции осуществляются не только с членами «своей» этнической группы, но и с внешними по отношению к ней социальными акторами. С представителями силовых структур взаимовыгодные связи стремятся наладить и рядовые представители этнических общин, и руководители национальных общественных объединений. Первые используют такие связи для решения проблем, возникающих с правоохранительными органами.

«Если есть знакомые в полиции, они “крышуют” его. Если его остановили, поймали, он звонит своей “крыше”. [За помощь он] платит или что-то делает» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

Руководители национальных общественных организаций, как правило, стараются обменять свои услуги на улучшение отношения силовых структур к этнической группе в целом и/или трудоустройство ее представителей в правоохранительные органы.

«Мы говорим: если человек не понимает, есть закон, мы по закону решаем. То есть если надо 15 суток, дайте ему 15 суток. Украл, еще что-то – сажайте. И если в чем можем, мы вам поможем. Найти помогаем. [...] Со своей стороны мы полностью выкладываемся. Мы хотим такого же адекватного к нам отношения [...]. Приезжали из Грозного, когда хотели устроиться сюда, их не брали. Мы тогда обращались, говорили: “Не могли бы вы его взять в структуру?”» (представитель чеченской общественной организации).

Аналогичным образом руководители национальных общественных объединений выстраивают отношения с органами власти: предоставление тех или иных услуг сопровождается просьбами о трудоустройстве членов этнической общины на те места, где существуют негласные ограничения в отношении этнических меньшинств.

«Когда нам говорят: “В этом вопросе помогите нам”. Я сразу говорю: “Я вам помогу, вы возьмите нас, пять молодых ребят, к себе. В полицию и администрацию”. Есть среди них хорошие, они там найдут себе применение. Какая мне выгода? Для меня нет разницы как человеку, а как руководителю – важно. Если он там будет сидеть, я на него надавлю, на его тонкие места, и он будет иначе относиться к этому вопросу» (представитель армянской общественной организации).

Помимо работы над получением и поддержанием полезных социальных связей, продвижением членов этнических общин в силовые структуры и органы власти, ведется работа над «имиджем» этнических групп. Как правило, она связана с позитивной самопрезентацией на культурно-массовых мероприятиях.

«Наша община здесь, они постоянно принимают участие в значимых мероприятиях, которые проводит администрация города и края» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

Кроме того, представители этнических общин ведут работу со средствами массовой информации: отслеживают материалы на тему межнациональных отношений и публикации, в которых упоминаются этнические группы; в случае некорректных высказываний корреспондентов составляют жалобы и обращения.

«Каждый раз вмешиваешься. Начинаешь чуть ли не говорить: “Мы вас закроем”. Я даже писал один раз, когда писали о наших земляках немного в негативном [ключе], в Роснадзор» (представитель дагестанской общественной организации).

Особой разновидностью работы над созданием положительного имиджа этнической группы являются благотворительные акции в адрес людей, находящихся в сложной жизненной ситуации (детей-сирот, ветеранов, инвалидов, жертв стихийных

бедствий и др.). Ярким примером здесь может служить участие этнических общин в сборе благотворительной помощи для пострадавших от наводнения в Крымске.

«Наводнение было в Крымске, в Новомихайловке. Средства брали и ехали туда. Информацию послали по общинам: “Оказываем помощь, кто чем может. Деньгами, одеждой, обувью, продуктами”» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

«Когда в Крымске наводнение было, тогда дагестанцы собрали деньги и туда отправили» (участник фокус-группы, представитель дагестанской общины).

«В Крымске когда случилось, счета нам давали и мы благотворительную помощь оказали, и многие таджики помогли» (участник фокус-группы, представитель таджикской общины).

Подводя итог, можно заключить, что формальная принадлежность к той или иной этнической группе не является достаточным основанием для получения дивидендов. Кредит доверия предоставляется не безвозмездно, а предполагает последующую компенсацию. Полезные свойства этнической принадлежности представляют собой результат интенсивной работы и постоянных взаимовыгодных обменов.

Необходимо отметить, что полезный потенциал этничности не исчерпывается возможностью использования социальной сети: иногда этническая принадлежность может служить ресурсом для повышения социального статуса ее обладателей, т.е. выступать в виде символического капитала³, который впоследствии конвертируется в политический и/или экономический капитал. Подобное использование этнической принадлежности требует целенаправленной работы с внешними по отношению к этнической общине социальными акторами (органами власти, средствами массовой информации, научно-исследовательскими учреждениями и т.д.) и сопряжено с разработкой дискурсов, позволяющих легитимировать притязания этнической группы.

В настоящей статье понятие «дискурс» трактуется (в соответствии с определением М. Фуко) как «практика, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят» [Фуко 1996, с. 49–50]. Мы также разделяем идеи Т. Ван Дейка о связи дискурсов и символического контроля, роли дискурсов в (транс)формировании идеологий, конструирующих социальную реальность, основанную на групповых интересах. Идеология в данном случае понимается как комплексная когнитивная система, состоящая «из социально релевантных норм, целей и принципов, которые отобраны, соотнесены и применены таким образом, чтобы они могли поддерживать восприятие, интерпретацию и действия в социальных практиках, направленных на защиту базовых интересов группы» [Ван Дейк 2013, с. 54].

Таким образом, генерация специфических дискурсов этническими группами рассматривается нами как целенаправленная работа по защите интересов данных групп и превращению этнической принадлежности в символический капитал.

Дискурсы, способствующие превращению этнической принадлежности в символический капитал

Публичные этнополитические дискурсы служат средством убеждения внешней аудитории в правомерности претензий этнической общины на особое положение

³ Под символическим капиталом (в соответствии с теорией П. Бурдьё) здесь понимается одна из форм капитала, которая определяется легитимным признанием, общественным авторитетом [Бурдьё 2002].

ние. При этом, как правило, используются исторические, экономические, политические и моральные аргументы, которые в той или иной степени соотносятся с общим социокультурным знанием, разделяемым аудиторией. В ходе исследования мы обнаружили два подобных дискурса, которые используют представители этнических групп, проживающие на территории Краснодарского края: дискурс об автохтонности и дискурс о численности.

Дискурс об автохтонности

Первый – дискурс об автохтонности – апеллирует к распространенному представлению об особом положении, которое должны занимать автохтонные (коренные) народы. Это представление нашло свое отражение в ряде российских и международных документов, в том числе в Декларации о правах коренных народов Генеральной Ассамблеи ООН.

В Краснодарском крае дискурс об автохтонности воспроизводится представителями разных этнических групп: греками, украинцами, армянами, в отдельных случаях татарами (позиционирующими себя в качестве потомков булгар), однако наиболее активно он используется адыгами.

«Здесь Черкесия была с Черного моря практически до Ростовской области, здесь коренными являются черкесы, в том числе адыги» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Укорененность рассматривается членами адыгской общины как важный ресурс, за который ведется идеологическая борьба с представителями других этнических групп, претендующими на автохтонность, прежде всего с греками.

«Возьмем официального историка Царской России Карамзина, его карты. Все карты там сводят территории Краснодарского края, Адыгеи, Карачаево-Черкесии. Там указано, что это территория Черкесии, это до начала Кавказской войны, до 1800–1830 года. Жили и другие народы, были купеческие поселки на территории современного Сочи. Но сегодня я удивляюсь, что находят какие-то кувшины греческие, и нам говорят, что там жили греки. Они там жили, но они жили с позволения местных народов, потому что адыги исторически не любили торговать. Они умели выращивать хлеб, воевать, но не торговали. У греков есть Греция» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Для официального признания своей автохтонности представители адыгской общины прилагают целенаправленные усилия. Одним из примеров может служить обращение по данному вопросу в Российскую академию наук.

«Делали запрос в РАН. РАН ответила, что адыги являются коренным народом Северного Кавказа» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

С признанием автохтонности на официальном уровне члены этнической общины связывают целый ряд вполне прагматических ожиданий, в том числе получение экономических и социальных преференций, предусмотренных Федеральным законом №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

«Необходимо признать адыгов коренным народом. Из этого все истекает. У нас есть закон о коренных малочисленных народах, чтобы можно было воспользоваться этими программами» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Кроме того, представители адыгской общины хотели бы иметь квоту во властных структурах.

«Стоило бы какую-то неофициальную квоту ввести или официальную. Адыги заслужили это, чтобы решать свои проблемы» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

Таким образом, официально признанная автохтонность является ресурсом, который может быть конвертирован в социальные, экономические и политические блага для всех представителей этнической общины.

Дискурс о численности

Второй дискурс опирается на представление, согласно которому политические возможности той или иной группы напрямую зависят от ее многочисленности (чем больше группа – тем больше у нее возможностей).

Дискурс о численности в Краснодарском крае воспроизводится представителями двух этнических общин: армянами и украинцами, однако наиболее активно он эксплуатируется армянами, которые являются второй по численности группой после русских. Численность воспринимается членами армянской общины как значимый ресурс, самым непосредственным образом связанный с вопросами финансирования и политического представительства.

«Чем больше национальность, тем больше должно выделяться из бюджета» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

«Сегодня мы пропорционально гораздо больше должны иметь [представителей во власти]. Почему нас там нет столько?» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

При этом, по убеждению представителей армянской общины, в данных российских переписей доля армян намеренно занижается, что, с одной стороны, служит косвенным подтверждением легитимности их притязаний, а, с другой, свидетельствует о попытке властей замолчать реальную численность армян, чтобы избежать предоставления им законных преференций.

«Данные, которые дает наша перепись, всегда искажены. У нас была перепись в 1992 году, и оказалось, что 360 тысяч было раньше, а потом через несколько лет стало 286 тысяч. Я поражаюсь, куда делись те армяне, когда каждый год мы по 15–20 тысяч регистрировали здесь. Понятное дело, власти не хотели показать, хотели держать на определенном уровне» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Таким образом, численность рассматривается членами армянской общины как ресурс, который может быть конвертирован в политические и экономические блага.

Дискурсы и этническая мобилизация

Помимо убеждения внешней аудитории в необходимости признания особого статуса этнической общины, публичные этнополитические дискурсы могут служить средством мобилизации членов той или иной этнической группы для совершения коллективных действий. Ярким примером может служить демарш адыгской общи-

ны во время Сочинской Олимпиады, который начался с требования о презентации адыгов как коренного населения во время открытия Игр, но, натолкнувшись на сопротивление Олимпийского комитета, перерос в массовое протестное движение черкесов в России и за рубежом. Вот как описывает эти события представитель одной из адыгских общественных организаций:

«Вообще, позиция черкесских организаций России состояла в том, что в этой культурной программе должен присутствовать элемент черкесской культуры, и мир должен знать, что здесь есть коренное население. Должны быть соответствующие экспозиции, элементы в культурной программе. Сначала было обращение “давайте мы представим культурную программу”. Когда ответили “нет”, произошла радикализация, которая перекинулась за рубеж [...] [Начались] колоссальные акции протеста в разных странах. Германия, США, настолько их все это возбудило. Они поехали в Лондон, нашли Русский дом, устроили там истерику, они бегали за российскими спортсменами. В Канаде какую истерику они устроили, они пошли к Русскому дому, обвесили плакатами [...] И в результате, когда градус дошел до определенного предела, особенно после Ванкувера и Лондона, в Кремле что-то переключилось, и они сказали: “Нет, нет, нет. В Олимпийской деревне у всех стран, которые принимают участие в Олимпиаде, будут свои дома, где они будут представлять свою культуру, и обязательно должен быть адыгский дом”. И он был поставлен в самом центре, и туда собрали все этнографические ансамбли. И мир увидел это все. Есть статистика, что до 1500 человек в сутки посещало адыгский дом. Там было большое количество журналистов. И еще большое количество скандалов там возникло, по всему миру к этому было приковано внимание глобальных информационных агентств, и пресса была гигантская» (представитель адыгской общественной организации).

Как видно из приведенного фрагмента, достижение желаемого результата (презентация адыгов во время Олимпийских игр в качестве коренного населения) потребовало от членов этнической общины массовой мобилизации и значительных коллективных усилий. Стоит обратить внимание, что мобилизация происходила во многом стихийно: члены российских черкесских организаций, начиная работу по продвижению идеи о необходимости презентации адыгов на открытии Олимпиады, не ожидали столь широкого международного резонанса. Однако, когда он возник, они сумели извлечь из него максимальную пользу. В итоге затраченные усилия окупились многократно: требования адыгской общины стали широко известны и были признаны легитимными не только в России, но и за ее пределами.

Инвестиции для преодоления социальных барьеров и инвестиции для получения преференций

Все инвестиции в этническую группу можно условно разделить на две категории – инвестиции для получения преференций и инвестиции для преодоления барьеров. В первом случае конечной целью инвестиции является приобретение этнической группой особого привилегированного статуса, который позволяет представителям данной национальности получать разнообразные социальные, экономические и политические преференции. Это всегда связано с разработкой идеологического

обоснования необходимости предоставления такого статуса той или иной этнической группе, которое адресовано не только ее членам, но и внешним социальным акторам – органам власти, средствам массовой информации, научно-исследовательским организациям, общественным объединениям.

Во втором случае использование этничности в качестве ресурса связано со стремлением снизить ущерб от преград, с которыми сталкиваются представители этнических меньшинств. Так, ограничение при приеме на работу в государственные структуры ведет к возникновению сложной системы практик, позволяющих его преодолеть. Эта система включает в себя налаживание контактов с представителями органов власти, оказание им различных услуг в обмен на содействие в трудоустройстве, мобилизацию экономических ресурсов этнической общины для «покупки» рабочего места в государственных структурах и т.д.

Повышенное внимание к представителям этнических меньшинств со стороны правоохранительных органов влечет за собой возникновение другого комплекса практик, направленного на преодоление данной проблемы: установление взаимовыгодных связей с сотрудниками полиции, оплата их лояльности и покровительства, продвижение представителей этнической общины в силовые структуры и проч.

Негативные стереотипы и отторжение на бытовом уровне вынуждают этнические группы вести кропотливую работу над имиджем, участвовать в благотворительных акциях, культурно-массовых мероприятиях.

Инструментальное слияние с этническим большинством

Принадлежность к этническому меньшинству чревата различными издержками, и хотя она способна приносить разнообразные выгоды, для их получения необходимы значительные усилия, вследствие чего этничность используется как ресурс далеко не всегда и не всеми социальными акторами.

Отказ от использования «своей» этнической принадлежности характерен, в частности, для украинцев, проживающих в Краснодарском крае. В отличие от представителей кавказских народов и выходцев из Средней Азии, украинцы фактически не используют ресурс этнической сети.

«Ну, все знают, что у армян на свадьбах по 800 человек, которые первый раз друг друга видят, но, тем не менее, у них все брат-сват-помощник-друг и т.д. Они друг другу помогают, и это достойно восхищения. Украинцы же, ну... прошел мимо украинец, ну, молодец, что прошел. Нет такой сплоченности как, например, у кавказских народов» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Интересно, что члены украинской общины также воспроизводят дискурсы об автохтонности и численности, утверждая, что украинцы являются коренным народом Краснодарского края и их реальная численность значительно превосходит данные переписи.

«С конца XVIII века, а именно тогда начала складываться этническая география, [коренными являются] русские, украинцы. Это в первую очередь. Причем северо-западную часть Краснодарского края заселяли долгое время исключительно украинцы» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

«Называют себя украинцами 80 000 [человек] на 2010 год. Но сколько у нас на Кубани фамилий украинских? Половина» (участница фокус-группы, представительница украинской общины).

Однако в настоящее время, в отличие от армян и адыгов, украинцы ни численность, ни автохтонность не рассматривают как значимый ресурс для получения политических, социальных или экономических преференций.

«Представитель адыгов говорил: “Мы представляем коренной народ, мы можем здесь на что-то рассчитывать”. Но на самом деле на любой аргумент можно найти контраргумент, нужно просто отследить во времена средних веков, как племена переселялись через горы, как заселялись эти места. Но это мы уже уйдем в схоластику, потому что не так это важно: 11 поколений здесь прожило или 7» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Отказываясь от использования своей этнической принадлежности в качестве социального ресурса, значительная часть членов этнической группы предпочитает использовать другую стратегию: инструментальное слияние с русским этническим большинством. Следует подчеркнуть, что речь в этом случае не идет об этнической ассимиляции. Как отмечали респонденты, украинцы, прибегающие к данной стратегии, сохраняют прежнюю этническую идентичность, а слияние с этническим большинством носит утилитарный характер, позволяя преодолеть барьеры, связанные с принадлежностью к этническому меньшинству.

«Культура – это одно, а карьера – это другое. Если он сидит, слушает украинские песни и смахивает слезу – это одно, а на работе это совсем другое» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Представители украинской общины называют эту стратегию «уходом в русские». Причем к ней прибегают как родившиеся и выросшие в Краснодарском крае украинцы, так и недавно прибывшие в Россию на заработки.

«Получается интересная вещь: если мы эмиграционную публику, армян, которые сюда приезжают, видим, то, что касается украинцев, мы как бы их и не видим. Вроде приехали, а куда они делись? Происходит “уход в русские”» (участница фокус-группы, представительница украинской общины).

Стратегия инструментального слияния с этническим большинством приносит вполне ощутимые выгоды и старожилам, и вновь прибывшим. Старожилы могут спокойно делать карьеру (в т.ч. устраиваться на работу в органы власти и силовые структуры, занимать руководящие должности в государственных учреждениях), не опасаясь того, что принадлежность к национальному меньшинству станет для них преградой.

«Вот очень простой пример: идем на прием к женщине, которая возглавляла департамент культуры, она украинского происхождения. Начинаю говорить по-украински. Она: “Нет-нет-нет, я – русская”. Если бы она сказала, что она – украинка, она бы не заняла должность» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Одновременно трудовые мигранты, прибывающие из Украины, в совершенстве владеющие русским языком и визуально неотличимые от русских, при условии отказа от использования украинского языка и акцентирования этнической принадлежности значительно реже сталкиваются с проверками со стороны российских силовых структур, чем представители кавказских народов и выходцы из Средней Азии.

«Здесь много из Центральной и Западной Украины. Люди не кричат и не бьют себя в грудь, что они с Украины. Все прекрасно владеют русским языком, поэтому они не заметны [...] Лицо кавказской национальности или таджик обратят на себя большее внимание, чем

славянин. [А] если [украинец] по-украински начнет говорить, могут потребовать документ. И вот здесь может быть вымогательство денег» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Таким образом, стратегия инструментального слияния с этническим большинством позволяет преодолеть значительную часть барьеров, являющихся следствием принадлежности к этническому меньшинству. Кроме того, данная стратегия доступна на индивидуальном уровне, дает быстрый результат и гораздо менее трудозатратна, чем кропотливая работа по превращению той или иной этнической принадлежности в социальный или символический капитал.

Использование стратегии слияния с этническим большинством славянскими и неславянскими этническими меньшинствами

По свидетельству участников фокус-групп, наиболее массово к стратегии инструментального слияния с русским этническим большинством прибегают украинцы и белорусы, хотя отдельные примеры использования этой стратегии встречаются и среди представителей неславянских народов, в т.ч. среди армян.

«Галицкий – один из крупнейших бизнесменов. Много делает для Кубани. В былые времена было не очень безопасно говорить, что он армянин: ему бы не дали развиваться дальше. Поэтому ему пришлось стать Галицким, а его отец, мать, сестра – с другой фамилией» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Очевидно, что представителям неславянских народов гораздо сложнее использовать подобную стратегию, прежде всего по причине визуального отличия от этнического большинства.

«Ну, Иван Иванович из него никак не получится из-за его внешности: как был он Адамом, так им и останется» (участник фокус-группы, представитель чеченской общины).

Внешние отличия в значительной степени девальвируют выгоды от использования стратегии слияния с этническим большинством: к примеру, таджику (даже при условии смены фамилии и самопозиционирования в качестве русского) не удастся смешаться с толпой и избежать повышенного внимания со стороны российских правоохранительных органов.

Немаловажную роль при выборе стратегии «ухода в русские» играет и величина культурной дистанции между этническими меньшинствами и большинством: так, украинец (даже недавно приехавший в Россию и не имеющий российского гражданства) будет чувствовать себя в Краснодарском крае как дома.

«Украинское население, которое прибывает сюда на работу, чувствует себя комфортно. Если мы посмотрим на украинцев, которые живут в Канаде, то увидим их сплоченность, потому что там другая среда и там они будут держаться друг за друга. А здесь зачем? [Здесь] я дома» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

Это ощущение облегчает процесс вхождения в группу этнического большинства, поскольку устраняет необходимость дополнительных усилий для адаптации к чуждым культурным нормам. В то же время самоощущение чеченца, являющегося российским гражданином и более двадцати лет живущего в Краснодарском крае, существенно другое.

«В Краснодарском крае нет мечети ни одной. И где-то подсознательно это откладывается, что нет, не позволяют и не позволят,

что нас здесь не уважают, не любят» (участник фокус-группы, представитель чеченской общины).

В данном случае культурная дистанция с высокой долей вероятности послужит дополнительным препятствием к выбору стратегии слияния с этническим большинством.

Влияние политического контекста на выбор стратегий использования этничности представителями этнических меньшинств

Национальная политика, проводимая властями Краснодарского края, весьма неоднозначна. В краевом Уставе закреплено, что регион «является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края» [Устав Краснодарского края, П. 1. Ст. 2. Раздел I 2016]. Иначе говоря, в основном законе Краснодарского края подчеркивается укорененность и преобладающая численность русских, тогда как остальные этнические группы, проживающие на территории края, не упоминаются. Это позволяет предположить, что с точки зрения местных властей русские являются не просто этническим большинством, но группой, имеющей право на определенные привилегии и особое внимание со стороны органов государственной власти. По крайней мере, именно так воспринимается позиция краевых властей представителями этнических меньшинств.

«Русский народ или казаки – это нация, которая претендует на господствующее положение. Явно проявляется отношение нынешних государственных образований Кубани к этим нациям. Понимаете, поздравляют только казаки, на параде присутствуют только казаки. Губернатор принимает в казачьей форме. Я включаю телевизор, и на дни Кубани показывают только казаков. А сто с чем-то народностей – их нет, они не существуют» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Кроме того, особое отношение, хотя и незафиксированное в официальных документах, региональные власти демонстрируют к адыгам, за которыми вплоть до недавнего времени было негласно закреплено место вице-губернатора края⁴.

«Адыги представлены двумя замами губернатора. Количество работающих во властных структурах, в административных звеньях адыгов за последние 10–15 лет, что Ткачев был здесь, реально поднялось в разы» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Официальные заявления первых лиц Краснодарского края позволяют предположить, что это особое отношение связано с признанием властями автохтонности адыгов и готовностью к диалогу по вопросам предоставления им социальных, политических и экономических преференций. Показательным здесь является заявление бывшего губернатора А.Н. Ткачева: «Я всегда понимал, что адыгский народ – это коренной народ. Это те люди, которые жили здесь сотни лет» [Ефимова 2012]. Данное заявление сопровождалось обещаниями ввести адыгейский язык в школьную программу одного из населенных пунктов и рассмотреть вопрос о возможности признания адыгов-шапсугов коренным малочисленным народом Краснодарского края.

Вместе с тем, в отношении других неславянских этнических меньшинств, проживающих на территории края, региональные власти неоднократно допускали

⁴ Эта традиция была нарушена с приходом нового губернатора Краснодарского края В.И. Кондратьева.

подчеркнуто пренебрежительные высказывания. В качестве примера приведем еще два заявления недавнего руководителя региона А.Н.Ткачева, сделанные в 2002 и 2012 гг. Во время выступления на краевом совещании в Абинске 18 марта 2002 г. А.Н. Ткачев заявил: «Определять, законный мигрант или незаконный, можно по фамилии, точнее, по ее окончанию. Фамилии, оканчивающиеся на “ян”, “дзе”, “швили”, “оглы”, незаконные, так же как и их носители» [Незаконная фамилия 2002]. На расширенной заседании коллегии ГУ МВД по Краснодарскому краю 2 августа 2012 г. А.Н. Ткачев сообщил о создании казачьей полиции, одной из целей которой должно являться недопущение переселения в регион выходцев с Северного Кавказа: «Я скажу следующее наблюдение. Есть Ставропольский край – наши соседи, наши братья, и мы видим, насколько там потеряно чувство общности, солидарности, в т.ч. культурное наследие. И эти земли очень легко завуалируют другие народы. Прежде всего кавказских национальностей. По причине того, что они – близко, они интегрируются в Ставрополье. И сегодня мы видим, что количество переселенцев (это и бизнес, и экономика, и родственные связи) переходит в качество. И, по большому счету, уже русская часть населения там чувствует себя некомфортно [...]. Таким образом, я уверен, у нас нет другого пути – мы будем выдвигать, наводить порядок» [Речь губернатора Кубани 2012].

Со сменой руководства региона националистическая риторика пошла на спад, однако в сознании населения края закрепилась определенная рамка восприятия диспозиций разных этнических групп, где доминирующее положение занимают русские, привилегированное – адыги, а другие неславянские этнические меньшинства выступают в роли вечных гостей, которым никогда не стать «своими» в регионе.

«Весь Кавказ считается гостем. Все равно это мнение заложено» (участник фокус-группы, представитель адыгской общины).

«Местный народ не считает их [узбеков] местными. Это честно» (участник фокус-группы, представитель узбекской общины).

Что касается отношения властей к славянским этническим меньшинствам, то оно практически не артикулируется. По мнению представителей украинской общины Краснодарского края, власти намеренно игнорируют славянские меньшинства, не желая акцентировать культурные различия, существующие между ними и русским этническим большинством.

«Зачем их [славянские народы] поддерживать, если есть один великий и могучий русский язык, а там все эти особенности, лучше их и не вытаскивать на свет божий [...]. Власти здесь заточены на то, чтобы фактически не развивать культурные традиции, лучше пускай уйдут в русские, растворятся в этой среде. Это политика не оказывать поддержки, вот такой вектор» (участница фокус-группы, представительница украинской общины Краснодарского края).

Конфликт на Украине привел к укреплению данной позиции.

«В сложившихся условиях, на фоне последних событий в Украине, ситуация усугубилась» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

В настоящее время любые попытки представителей украинской общины акцентировать этническую принадлежность, по свидетельству респондентов, не только не поддерживаются, но и достаточно жестко пресекаются. Неудовольствие властей могут вызывать даже украинские мотивы в художественной вышивке.

«Меня это покорило, когда наш известный мастер, который занимается вышивкой, здесь, на Кубани, выставляет свои работы, а местные власти (я имею ввиду станичные власти) и деятели куль-

туры сделали ей замечание: “В вашей вышивке слишком много украинского”» (участница фокус-группы, представительница украинской общины Краснодарского края).

Как проявление национализма расцениваются обращения представителей украинских общественных объединений с просьбами о выделении земли под строительство украинского центра или оказания финансовой поддержки для издания сборника статей, посвященных украинской культуре.

«Попытка получить землю под строительство культурного центра украинцев тоже не увенчалась успехом, при любой попытке затронуть эту проблему на нормальном уровне сразу нас начинают обвинять в национализме» (участник фокус-группы, представитель украинской общины).

«Сейчас я, например, не могу издать сборник из своего кармана, я не имею таких средств, а рассчитывать на то, что мне помогут власти или еще что-то, я не могу, только могу получить негатив: “Что Вы носитесь со своими украинцами?”» (участница фокус-группы, представительница украинской общины).

Такая позиция краевых властей не только ограничивает возможности представителей украинских общественных организаций получить бюджетное финансирование, но и препятствует налаживанию полезных контактов с бизнесменами и политиками украинского происхождения, которые опасаются возникновения неприятностей в том случае, если об этих контактах станет известно.

«Сейчас люди реально боятся вступать в украинскую тематику, боятся, что могут возникнуть проблемы с властью» (участница фокус-группы, представительница украинской общины).

Политика, проводимая краевыми властями, очевидным образом влияет на стратегии представителей этнических меньшинств, проживающих на территории Краснодарского края. Так, признание властями автохтонности адыгов (хотя и не закрепленное в официальных документах) и готовность к обсуждению социальных, экономических и политических преимуществ, которые могут быть им предоставлены, провоцируют представителей данной этнической группы мобилизовать усилия для получения большего числа преференций.

Политика, осуществляемая в отношении украинцев, напротив, способствует тому, чтобы представители данной этнической группы выбирали стратегию слияния с русским этническим большинством, поскольку она наименее затратна и в сложившихся политических обстоятельствах приносит максимальную выгоду.

Для неславянских народов выбор стратегии слияния с этническим большинством затрудняется тем, что власти видят в них гостей, не способных стать «местными», а дискриминационные практики в отношении указанных групп, латентно поддерживаемые краевой администрацией, стимулируют их к мобилизации усилий для преодоления возводимых барьеров.

Факторы, обуславливающие стратегии использования этничности

Итак, представители разных этнических групп, проживающие в Краснодарском крае, прибегают к разным стратегиям использования этничности. Проведенный анализ позволяет выделить ряд факторов, влияющих на выбор тех или иных стратегий. Первым и крайне значимым обстоятельством является наличие или отсутствие социальной эксклюзии по принципу национальной принадлежности.

При этом существование барьеров и ограничений в отношении той или иной этнической группы становится стимулом к поиску способов их преодоления.

Имеется по крайней мере два способа борьбы с практиками социального исключения: (1) инструментальный отказ от «своей» национальной принадлежности и присоединение к другой этнической группе, в отношении которой ограничения отсутствуют, и (2) мобилизация ресурсов «своей» этнической общины для преодоления существующих барьеров. Первый способ менее затратен при условии отсутствия существенных внешних и культурных отличий от представителей принимающей этнической группы. В этом случае переход легко осуществим и незаметен для внешних наблюдателей. Однако если такие отличия существуют, то выгоды, получаемые от данной стратегии, в значительной степени девальвируются. Второй способ гораздо более трудоемок и требует мобилизации усилий значительного числа представителей этнической группы. Тем не менее приносимая им польза компенсирует затраты и вынуждает членов этнических общин (для которых первый способ недостаточно эффективен) обращаться к нему как к единственной доступной стратегии преодоления барьеров.

Наличие или отсутствие возможностей для приобретения преференций по национальному признаку также имеет большое значение. Существование возможностей для получения различного рода привилегий, готовность органов власти к торгу по вопросам их предоставления способствуют мобилизации членов этнических групп на борьбу за преференции, подталкивают представителей различных национальностей к рассмотрению этнической принадлежности в качестве важного социального ресурса. С другой стороны, жесткая позиция властей, направленная на недопущение использования этнической принадлежности для получения привилегий, ориентирует этнические общины на поиск других стратегий.

Запрос на равенство

Следует отметить, что среди представителей различных этнических меньшинств, проживающих на территории Краснодарского края (кроме адыгской общины), существует запрос на институционально установленное равенство среди представителей всех национальностей. При этом, по мнению участников фокус-групп, предоставление привилегий отдельным этническим группам создает почву для межэтнических конфликтов.

«Межнациональные конфликты создаются путем, так сказать, приоритетного отношения к одним нациям по сравнению к другим» (участник фокус-группы, представитель узбекской общины).

Члены этнических общин апеллируют к необходимости использования гражданской принадлежности в качестве объединяющего начала для людей разных национальностей.

«Должна быть какая-то единая национальная идея, которая бы нас сблизила и сделала гражданами единого государства» (участник фокус-группы, представитель дагестанской общины).

«Нет системы, чтобы каждая нация, проживающая в Краснодарском крае, ощущала себя россиянами. Система, которая должна воспитывать всех людей, принадлежащих к разным национальностям, как идентичных, отсутствует» (участник фокус-группы, представитель армянской общины).

Можно предположить, что отказ от дифференцированного подхода к представителям разных национальностей и институционализация равных правил игры для всех этнических групп, с одной стороны, приведут к смягчению барьеров в отношении этнических меньшинств и устроят необходимость мобилизации коллективных ресурсов с целью их преодоления, а с другой, элиминируют стимулы к использованию этничности в качестве ресурса для получения преференций.

Выводы

Превращение этничности в социальный ресурс зачастую является обратной стороной преград, воздвигаемых перед той или иной этнической общиной, и служит способом их преодоления. При этом использование этничности в качестве социального ресурса требует значительных инвестиций, которые могут носить как материальный, так и нематериальный характер. Инвестиции осуществляются и рядовыми представителями этнических общин, и статусными персонами как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Поскольку принадлежность к этническому меньшинству влечет за собой не только преимущества, но и ограничения, а получение выгод сопряжено с необходимостью постоянной интенсивной работы, «свою» этническую принадлежность используют в качестве ресурса не все и не всегда. Альтернативной стратегией является инструментальное слияние с этническим большинством, чему способствует отсутствие значительных внешних и культурных отличий от представителей этнического большинства.

Достижение этнической группой привилегированного статуса, как правило, связано с производством специфических дискурсов, позволяющих ее представителям сформулировать и обосновать свои притязания.

Использование этнической принадлежности для получения преференций становится возможным в случае дифференцированного подхода к разным этническим группам, закрепления ситуации, при которой одни группы занимают привилегированные позиции, а другие оказываются в положении аутсайдеров.

Литература

- Арутюнов С.А. (1989) Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука.
- Бредникова О.Е., Паченков О.В. (2002) Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // *Экономическая социология*. Т. 3. № 2. С. 74–81.
- Бурдьё П. (1993) *Социология политики*. М.: Socio-Logos.
- Бурдьё П. (2002) *Формы капитала* // *Экономическая социология*. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Ван Дейк Т.А. (2013) *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Декларация Организации объединенных наций о правах коренных народов (2007) // Организация Объединенных Наций // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights
- Дробижева Л.М. (ред.) (2002) *Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность*. М.: Academia.
- Ефимова А. (2012) Адыгов-шапсугов признают коренным народом Кубани // [Kubantv.ru](http://kubantv.ru) // <http://kubantv.ru/kuban/adygov-shapsugov-priznajut-korennym-narodom-kubani/>
- Кузнецов И.М., Мукомель В.И. (2007) *Формирование этнических ниш в российской экономике: история вопроса* // *Неприкосновенный запас*. № 1. С. 175–184.

- Незаконная фамилия (2002) // Новая газета // <http://www.novayagazeta.ru/society/16250.html>
- Радаев В.В. (1993) Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. № 5. С. 79–87.
- Речь губернатора Кубани о казачьей полиции, мигрантах и судьбах Родины (полный текст и аудио) (2012) // ЮГА. Портал Южного региона // <http://www.yuga.ru/articles/society/6390.html>
- Рязанцев С.В. (2000) Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. № 5. С. 73–86.
- Савва М.В. (1997) Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар: Издательство КубГУ.
- Устав Краснодарского края (2016) // Сайт Конституции Российской Федерации // http://constitution.garant.ru/region/ustav_krasnod/
- Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999) // Сайт Конституции Российской Федерации // <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>
- Фуко М. (1996) Археология знания. Киев: Ника-Центр.
- Glazer N., Moynihan D.P. (1975) Introduction // Ethnicity. Theory and Experience (eds. Glazer N., Moynihan D.P.), Cambridge: Harvard University Press, pp. 1–26.
- Parkin F. (1979) Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique, London: Tavistock Publications.

Ethnicity as a Social Resource and a Constraint: the Case of Ethnic Communities in Krasnodar Region

K. GRIGOR'EVA*

***Kseniya Grigor'eva** – Candidate of Science in Sociology, Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhnovskij St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: ksenia.grig@mail.ru

Citation: Grigor'eva K. (2017) Ethnicity as a Social Resource and a Constraint: the Case of Ethnic Communities in Krasnodar Region. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 81–102 (in Russian)

Abstract

Depending on the social context ethnicity can be viewed both as a constraint, and a resource to gain social, economic and political benefits. This article analyses various strategies to exploit ethnic identity and reveals the factors which determine the choice of particular strategies by ethnic communities by drawing on the case of the Krasnodar region. In particular, the focus is on the discourse used by the representatives of different ethnic communities to gain advantages over others, the practices of ethnic protectionism and ethnic lobbying, the abandonment of these practices altogether in favour of assimilation with the ethnic majority, and the influence of the political context on the choice of certain practices. To understand the mechanisms that transform ethnic identity into a specific type of social resource we rely on Bourdieu's theory of capital (and particularly the notions of social, economic, political and symbolic capitals and their conversion).

The article is based on the results of the study “Forecasting modelling of interethnic relations in Russian regions (on the basis of the identification strategies used by ethnic communities residing beyond territories of respective nations)”.

The empirical study uses data from 9 focus groups with the representatives of Armenian, Adyg (Circassian), Ukrainian, Greek, Tatar, Chechen, Dagestan, Tajik and Uzbek communities as well as 12 interviews with experts.

The study reveals that the transformation of ethnicity into a resource is often the mirror of the obstacles a particular ethnic community face and serves as a way to surmount these obstacles. Using ethnicity as a resource requires substantial investments that may be material or intangible. Investments are made by rank-and-file representatives of ethnic communities and by high status persons, both at the individual and the group levels. Not everybody always uses his/her ethnicity as a resource. Integration with the ethnic majority is an alternative strategy. A lack of considerable external and cultural differences between representatives of the ethnic minority and majority promotes the selection of this strategy. Using ethnicity for getting preferences becomes possible when a differentiated approach to different ethnic groups is institutionalized and the emergence of a situation under which some groups occupy privileged positions while other groups are in the position of outsiders.

Key words: ethnicity, ethnic minorities, discourses, social inequality, social capital

References

- Arutyunov S.A. (1989) *Narody i kultury: razvitie i vzaimodejstvie* [Peoples and Cultures: Development and Interaction], Moscow: Nauka.
- Brednikova O.E., Pachekov O.V. (2002) Etnichnost' «ehtnicheskoj ekonomiki» i sotsial'nye seti migrantov [Ethnicity of the “Ethnic Economics” and Social Networks of Migrants]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 2, pp. 74–81.
- Bourdieu P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics], Moscow: Socio-Logos.
- Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 6, no 3, pp. 60–74.
- Deklaratsiya Organizatsii ob'edinennykh natsij o pravakh korennykh narodov (2007) [The United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples]. *United Nations*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights, accessed 31 October 2016.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: Predstavleniya i real'nost'* [Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality], Moscow: Academia.
- Efimova A. (2012) Adygov-shapsugov priznayut korennyim narodom Kubani [The Adyghe-Shapsugs Will Be Recognized as the Indigenous People of the Caucasus]. *Kubantv.ru*. Available at: <http://kubantv.ru/kuban/adygov-shapsugov-priznajut-korennyim-narodom-kubani/>, accessed 31 October 2016.
- Federalnyj zakon ot 30 aprelya 1999 g. N 82-FZ «O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoj Federatsii» (1999) [Federal Law No 82-FZ “On the Guarantees of Rights of Indigenous Small Peoples in the Russian Federation”, April 30, 1999]. *Sajt Konstitutsii Rossijskoj Federatsii* [Website of the Constitution of the Russian Federation]. Available at: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>, accessed 31 October 2016.
- Foucault M. (1996) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge], Kiev: Nika-Tsentr.
- Glazer N., Moynihan D.P. (1975) Introduction. *Ethnicity. Theory and Experience* (eds. Glazer N., Moynihan D.P.), Cambridge: Harvard University Press, pp. 1–26.

- Kuznetsov I.M., Mukomel V.I. (2007) Formirovaniye etnicheskikh nish v rossijskoj ekonomike: istoriya voprosa [The Formation of Ethnic Niches in the Russian Economy: the History of the Question]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 1, pp. 175–184.
- Nezakonnaya familiya (2002) [The Illegal Surname]. *Novaya gazeta*. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/society/16250.html>, accessed 31 October 2016.
- Parkin F. (1979) *Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique*, London: Tavistock Publications.
- Radaev V.V. (1993) Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoj opyt i Rossiya [Ethnic Entrepreneurship: International Experience and Russia]. *Polis*, no 5, pp. 79–87.
- Rech' gubernatora Kubani o kazach'ej politsii, migrantakh i sud'bakh Rodiny [Speech of the Governor of Kuban Region on Cossac Police, Migrants and the Destiny of the Motherland]. *YUGA*. Available at: <http://www.yuga.ru/articles/society/6390.html>, accessed 31 October 2016.
- Ryazantsev S.V. (2000) Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak forma adaptatsii migrantov [Ethnic Entrepreneurship as a Form of Adaptation of Migrants]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 73–86.
- Savva M.V. (1997) *Etnicheskij status (konfliktologicheskij analiz sotsial'nogo fenomena)* [Ethnic Status (Conflict Analysis of Social Phenomenon)], Krasnodar: Izdatel'stvo KubGU.
- Ustav Krasnodarskogo kraja [The Statute of Krasnodar Region]. *Sajt Konstitutsii Rossijskoj Federatsii* [Website of the Constitution of the Russian Federation]. Available at: http://constitution.garant.ru/region/ustav_krasnod/, accessed 31 October 2016.
- Van Deyk T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power], Moscow: LIBROKOM.

Этнические группы Санкт-Петербурга в представлении СМИ¹

П.В. ФАДЕЕВ*

***Павел Васильевич Фадеев** – младший научный сотрудник, Центр исследования межнациональных отношений, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: erving45@gmail.com

Цитирование: Фадеев П.В. (2017) Этнические группы Санкт-Петербурга в представлении СМИ // Мир России. Т. 26. № 1. С. 103–126

Исследование роли этничности в средствах массовой информации, проведенное в 2015 г., показало, что именно в Санкт-Петербурге СМИ выпускают значительное число этнически окрашенных сообщений. С целью определения, присутствуют ли в потоке медийной информации скрытые стереотипы, настраивающие население против представителей определенных этнических групп, нами использовался специальный программный продукт «Медиадиалогия». Объектом исследования стали украинцы, евреи, таджики и чеченцы, проживающие в Санкт-Петербурге. Гипотеза исследования заключалась в том, что давние, более интегрированные, этнические группы (украинцы и евреи) представлены чаще в положительном свете в медианпространстве Петербурга, чем относительно новые (таджики и чеченцы). Она отчасти подтвердилась: к петербургским евреям СМИ менее критичны, чем к чеченцам и таджикам; но на отношение к петербургским украинцам повлиял российско-украинский кризис. Также в статье показано, что численность этнической группы, длительность проживания, ее интегрированность влияют на контекст, в котором ее описывают СМИ. Преимуществом с точки зрения распространения знаний о группе и ее культуре является наличие собственных средств массовой информации. Обнаружено, что не все СМИ подвержены стереотипам: число сообщений отрицательной направленности редко превышало треть от всех сообщений.

Ключевые слова: СМИ, этнические группы, мигранты, установки, межэтническая напряженность, контент-анализ

¹ Статья написана при поддержке Российского научного фонда (грант № 15-18-00138, проект «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений»).

Современный Санкт-Петербург – это многонациональный мегаполис, духовный центр многих религий. Официальный и неофициальный статус Петербурга на протяжении истории неоднократно менялся: он носил звание «окна в Европу», столицы Российской империи, столицы Российской республики, РСФСР, а в настоящее время этот город – культурная столица Российской Федерации, Северная Пальмира. Язык большинства жителей города – русский, но на улицах можно услышать азербайджанскую, армянскую, грузинскую, польскую, таджикскую, татарскую, украинскую и чеченскую речь [Многонациональный Петербург 2012]. Это связано не только с наплывом туристов, но и с тем, что в Санкт-Петербурге с первых дней его существования проживали люди разных национальностей и конфессий.

Предыдущее исследование роли этничности в средствах массовой информации 2015 г. «Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации» показало, что именно петербургские СМИ выпускают большое количество новостей о взаимодействии представителей различных национальностей, способных повлиять на межэтнические установки жителей Петербурга и на восприятие межнациональных отношений в целом [Черныш 2015, с. 28–31]. Формулируя гипотезу настоящего исследования, автор опирался на тот факт, что в Санкт-Петербурге представлены как относительно новые, недавно образованные (в 1980–1990-х гг. и позже) этнические общности, так и населяющие город с момента его основания, давно интегрировавшиеся в городское сообщество и на сегодняшний день являющиеся его неотъемлемой частью. Автор предполагал, что давние, более интегрированные этнические группы в медиапространстве Петербурга фигурируют чаще в положительном свете.

Согласно переписи 1897 г., город, помимо представителей славянских народов (русских, украинцев, белорусов), населяли немцы, поляки, финны, эстонцы, евреи и татары [Тройницкий 1905]. Современная перепись 2010 г. свидетельствует, что со временем европейцы в большинстве своем либо покинули северную столицу, либо ассимилировались, уступив место другим народам. Что касается украинцев, то они на момент последней переписи оказались второй по численности этнической группой после русских (64446 чел., 1,32%). Также, несмотря на массовую эмиграцию в Израиль и США 70-х гг. XX в., в «пятерку» наиболее многочисленных народов Петербурга вошли евреи (24132 чел., 0,49%) [Итоги Всероссийской переписи 2010]. Выбор для исследования представителей именно этих этнических групп обусловлен тем, что они давно интегрировались в местное сообщество и по-прежнему занимают важное место среди национальностей Санкт-Петербурга. В случае с евреями требовалось установить, как и каким образом в СМИ позиционированы стереотипы о представителях этой национальности, из-за которых они с древних времен подвергались гонениям. Также важно было понять, отразился ли конфликт на востоке Украины на восприятии украинцев в Санкт-Петербурге.

Вследствие того, что новые для города этнические группы мигрантов из среднеазиатских республик и Северного Кавказа (в качестве объекта изучения были выбраны таджики² и чеченцы) начали селиться здесь относительно недавно, их представители оказывались не всегда способны интегрироваться в городское сообщество, многие не знали и до сих пор не знают языка и обычаев принимающего сообщества. Только по официальным данным, за 8 лет, прошедшие между переписями 2002 и 2010 гг., численность таджиков выросла более чем в пять раз (с 2449 до 12072 чел.) [Всероссийская перепись населения 2002; Итоги Всерос-

² По официальным данным, за 8 лет, прошедшие между переписями 2002 и 2010 гг., численность таджиков возросла более чем в пять раз (с 2449 до 12072 чел.) [Всероссийская перепись населения 2002; Итоги Всероссийской переписи 2010].

сийской переписи... 2010]. Предыдущее исследование, касающееся освещения в СМИ жизни узбеков в Петербурге, показало, что их чаще всего изображают участниками криминальных сводок: либо в качестве злоумышленников, либо в качестве жертв преступлений [Черныш 2015]. Что касается чеченцев, то, несмотря на свою немногочисленность, они также часто попадают на страницы средств массовой информации: последний громкий случай, вызвавший резкий общественный резонанс, был связан с решением топонимической комиссии Санкт-Петербурга о переименовании безымянного моста в мост им. Ахмата Кадырова [Сю 2016].

Освещению этничности в СМИ посвящены работы экспертов разных научных направлений: этнологов, социологов, обществоведов, лингвистов, юристов и др. Автор данной статьи предлагает подробно остановиться на отечественной традиции контент-анализа этнически окрашенной информации и на усилиях этносоциологов и этнологов, чьи исследования начались в советское время³. Так, еще в конце 1960-х гг. на страницах газеты «Правда» О.Р. Будина писала о быте русских рабочих [Будина 1968], роли СМИ в становлении советской идентичности посвящены были работы В.К. Мальковой [Малькова 1977; Малькова 1982; Малькова 1991]. Уже в постсоветский период она, используя метод контент-анализа, проанализировала положение русских в России, Эстонии и Литве [Малькова, Тишков 2002]. В изучение роли СМИ в современных межэтнических отношениях и конфликтах на современном этапе развития российской науки внесли свой вклад Н.Г. Деметер [Деметер 2000], М.Н. Губогло [Губогло 2003], И.Ю. Заринов [Заринов 1999], Н.А. Лопуленко [Лопуленко 2000], В.А. Тишков [Тишков 2005], Л.С. Христолюбова [Христолюбова 2005]. Также при проведении исследований в качестве дополнительного метода сбора информации контент-анализ СМИ использовали Ю.В. Арутюнян [Арутюнян 1980], В.Н. Иванов, А.П. Котов, И.В. Ладодо, М.М. Назаров [Иванов, Котов, Ладодо, Назаров 1995], М.М. Назаров [Назаров 2010], О.А. Карпенко [Карпенко 2003], В.И. Мукомель [Дробищева 2015, с. 92], Л.В. Сагитова [Сагитова 1995]. Социологическому изучению этнических меньшинств Санкт-Петербурга посвящены работы Г.В. Старовойтовой [Старовойтова 1987], З.В. Сикевич [Сикевич 1995] и ученых «школы Б. Грушина». Анализом СМИ в качестве фактора, гармонизирующего межнациональные отношения, занимаются М.Л. Ахмедов [Ахмедов 1999], В.С. Воронцов [Воронцов 2003], Н.С. Мухаметшина [Мухаметшина 2003] и Н.А. Романович [Романович 2006]. В своих работах они акцентируют внимание на местных проблемах межэтнического общения, освещаемых в прессе конкретных регионов России.

Автору настоящей статьи необходимо было определить, как средства массовой информации изображают представителей выбранных этнических групп: украинцев, евреев, таджиков и чеченцев, – а также выявить, в связи с какими событиями они упоминаются чаще. Для того чтобы ответить на вопрос, присутствуют ли в потоке медийной информации скрытые стереотипы, настраивающие население против представителей определенных национальностей, был использован специальный программный продукт «Медialogия»⁴.

³ При подготовке теоретической базы статьи использовались материалы диссертации В.К. Мальковой «Этничность и толерантность в средствах массовой информации: опыт исследования современной российской прессы» [Малькова 2006].

⁴ «Медialogия» – автоматическая система мониторинга и анализа СМИ в режиме реального времени, состоящая из базы данных СМИ и автоматизированного аналитического модуля, который позволяет проводить самостоятельный поиск и анализ по количественным и качественным характеристикам за любой заданный период. В базу данных круглосуточно поступает более 35 тыс. СМИ (информативности, газеты, журналы, радио, интернет) и 92 млн источников соцмедиа – <http://www.mlg.ru/>

Позитивные, нейтральные и негативные медиаповоды отбирались по следующей схеме:

- если представители этнических групп упоминались в качестве участников событий положительной направленности (футбольный матч, открытие кафе, культурного центра и т.д.), то медиаповоды рассматривались как позитивные;
- если изображались в индифферентном ключе или в качестве потерпевших, – как нейтральные;
- если выступали фигурантами преступлений, описывались в нелицеприятных тонах (нелегалы, засилье мигрантов и др.), вызывали протест со стороны жителей или официальных властей, – как негативные.

Исследование охватило период с мая 2015 г. по май 2016 г.

Этнические группы Санкт-Петербурга в поисковых системах и социальных сетях

Анализ результатов поисковых систем способствует пониманию стереотипов восприятия этнических групп. Очевидно, что, являясь своеобразным зеркалом поисковых запросов, стереотипы в большинстве случаев воссоздают психологические клише Интернет-пользователей. Так, было установлено, что, если в *Google* ввести запрос «три белых подростка» (*three white teenagers*), система выдаст фотографии с позитивной эмоциональной составляющей: улыбающиеся люди, юноши и девушки, занимающиеся спортом или позирующие в красивой одежде и др. В то же время недавний запрос «три черных подростка» (*three black teenagers*) стал причиной громкого скандала: *Google* предложил преимущественно иллюстрации молодых чернокожих преступников⁵. Опираясь на результаты этого эксперимента, автор посчитал необходимым проверить, какие результаты выдадут *Yandex* и *Google* по запросам: «евреи», «евреи Санкт-Петербурга», «таджики», «таджики Санкт-Петербурга», «украинцы», «украинцы Санкт-Петербурга», «чеченцы», «чеченцы Санкт-Петербурга».

Таблица 1. Данные информационного поиска этнических групп Санкт-Петербурга, ед.⁶

Запрос	Yandex	Google
«украинцы Санкт-Петербурга»	120 000 000	1 420 000
«евреи Санкт-Петербурга»	25 000 000	410 000
«чеченцы Санкт-Петербурга»	9 000 000	489 000
«таджики Санкт-Петербурга»	4 000 000	443 000

Оказалось, что в обеих поисковых системах более всего представлены петербургские украинцы: *Yandex* – 120 млн, *Google* – 1,42 млн (таблица 1). На первых страницах поиска *Yandex* и *Google* украинцы презентуются исключительно

⁵ Подробнее см. [В сети поразились расистским стереотипам 2016].

⁶ Дата обращения: 31.10.2016.

в позитивном свете: на фотографиях изображены радостные люди с украинскими флагами в национальной одежде, красивые девушки, румяные дети, усатые казаки, подтянутые военнослужащие и т.д. Интернет-энциклопедии и популярные порталы предлагают сведения об истории украинского народа, его происхождении, традициях, рассказывают, с какими трудностями сталкиваются украинцы в Москве, Санкт-Петербурге и других городах [Млеко 2014].

Данные поиска подтверждают, что украинцы давно интегрировались в городской социум, создали свои структуры и являются неотъемлемой частью мегаполисов. Хотя в «ВКонтакте» самым многочисленным является ресурс «Украинцы в Москве», там также представлены и петербургские сообщества общей численностью около 3000 чел. В этих группах происходит обсуждение повседневных нужд и потребностей: поиск жилья и работы, оформление документов, участие в праздниках и т.д. На страницах социальных сетей украинских групп автору не удалось обнаружить ксенофобских высказываний, напротив, их участники настроены на совместное сосуществование и общение как друг с другом, так и с представителями других национальностей.

Первоначальные результаты поиска иллюстраций по запросу «евреи» создают у пользователей, скорее, отталкивающее впечатление: *Yandex* и *Google* предлагают изображения ортодоксальных евреев, сфотографированных в неудачные моменты⁷. Однако ситуация меняется, если искать информацию по запросу «евреи Санкт-Петербурга»: в этом случае акцент перемещается на их культурные традиции, роль в Великой Отечественной войне, архивные фотографии, красивые здания, относящиеся к еврейскому наследию, еврейские праздники и т.д. Анализ социальных сетей (в частности, «ВКонтакте») и новостных еврейских порталов («ЕСОД», «Еврейский Петербург») показывает, что петербургские евреи ведут достаточно активную работу по привлечению соплеменников и оказанию им помощи. Однако, помимо групп созидательной направленности, существуют и другие: большой популярностью у посетителей интернет-сайтов (чаще всего неевреев) пользуются сообщества, ставящие своей целью культивирование стереотипов о евреях и открыто высмеивающих жадность, хитрость и другие неблагоприятные черты, которые приписываются этому народу. Речь в первую очередь идет о трех группах в «ВКонтакте» под общим названием «Хитрый Еврей», имеющих в совокупности около 300 тыс. подписчиков.

Если украинцы и евреи представлены в поисковых системах зачастую мирными людьми, чеченцы, напротив, показаны крепкими бойцами в полной экипировке и камуфляже, иногда с оружием. В отличие от поиска по картинкам, предлагающего стереотипную информацию негативной направленности, при текстовом поиске на первый план выходит информация об истории чеченского народа, его происхождении и выдающихся деятелях. В «ВКонтакте» самой популярной группой, посвященной чеченцам, стал паблик «Злой чеченец» (около 49 тыс. подписчиков), и, несмотря на название, это сообщество формирует положительный образ современного чеченца. Также популярны группы «Мысли чеченца», посвященная вопросам религии, истории, философии, и «Чеченцы в UFC», рассказывающая об успехах чеченцев в боях без правил. Интернет-сообщества чеченцев Санкт-Петербурга в сети «ВКонтакте» немногочисленны (примерно 500 участников) и чаще всего закрыты для стороннего пользователя.

⁷ См.: «Google поиск по картинкам» https://www.google.ru/search?q=%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B8&newwindow=1&espv=2&biw=1280&bih=899&source=lnms&tbn=isch&sa=X&ved=0ahUKEwjuppWmx8PNhVhCpoKHSk3BzMQ_AUIBigB#imgrc=-N4NSAFjqjRfwM%3A; https://www.google.ru/search?q=%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B8&newwindow=1&espv=2&biw=1280&bih=899&source=lnms&tbn=isch&sa=X&ved=0ahUKEwjuppWmx8PNhVhCpoKHSk3BzMQ_AUIBigB#imgrc=lyP70nDP1Q7IMM%3A

Поисковый запрос «таджики» по иллюстрациям указывает на стереотипность общественного восприятия: на первых местах находятся «рабочие» Равшан и Джамшуд из телепрограммы «Наша Russia». По версии пользователей поисковиков, таджики – это молодые мужчины-гастарбайтеры, работающие на стройке или в коммунальном хозяйстве, усталые, в грязной униформе и живущие в тесных общежитиях, подвалах или на съемных квартирах. При этом фотографии, касающиеся культурных традиций таджиков, в поиске находятся гораздо ниже.

У петербургских таджиков есть свои общины и сообщества в социальных сетях, но, в отличие от евреев, в «ВКонтакте» крупные сообщества дискриминационной направленности в отношении таджиков не выявлены⁸. При этом, если общественные организации исследуемых групп могут позволить себе оплату хостинга собственных сайтов, то возможности таджикской общины ограничены: петербургские объединения представлены в основном в социальных сетях, а первые страницы *Yandex* и *Google* по большей части посвящены новостным сообщениям о таджиках.

Этнические группы Санкт-Петербурга в СМИ

Украинцы

Украинская диаспора (полтавское землячество) существовала с основания Санкт-Петербурга, принимала участие в его строительстве и в дальнейшем способствовала переселению и обустройству приехавших в город украинцев. Активное формирование украинской общины началось в XIX в., достигнув к началу XX в. 10 тыс. чел. По данным переписи 2010 г., в начале XXI в. на территории города проживало уже 64446 украинцев (1,52% населения Петербурга) [Итоги Всероссийской переписи 2010]. Среди множества украинских организаций выделяются «Украинская национально-культурная автономия» и «Украинская Община Санкт-Петербурга “Славутич”», «Полтавское землячество», «Союз Донбассовцев»; издаются 3 украинские газеты, посвященные Украине и украинской диаспоре.

За изучаемый период об украинцах в совокупности вышло больше сообщений, чем о трех других этнических группах (евреях, таджиках, чеченцах) (1585 упоминаний без перепечаток). Большинство публикаций носят нейтральный характер (70%, 1109 упоминаний), а медиатексты, в которых присутствовал позитив или негатив, делятся примерно поровну (14% и 16% или 229 и 247 упоминаний соответственно) (*рисунок 1*).

Теперь подробнее остановимся на самых заметных событиях, посвященных петербургским украинцам. В СМИ широкую огласку получили несостоявшиеся дебаты В. Познера и М. Найема в Санкт-Петербурге (самое заметное событие нейтральной направленности, посвященное петербургским украинцам, индекс заметности (ИЗ) – 9,242). Организаторы встречи «Россия – Украина: что делать?» ожидали полный зал, но М. Найему отказали в участии из-за его причастности к подготовке и проведению Майдана в Киеве [Дебаты Познера и Найема 2015], при этом сам текст этой публикации не содержал негативного подтекста относительно М. Найема или украинцев.

⁸ Напротив, даже такие группы, как «Клуб Веселый Таджик» (самая популярная группа о таджиках «ВКонтакте», почти 53 тыс. подписчиков), имеют положительную юмористическую направленность: здесь таджики знакомятся, делятся веселыми историями из своей жизни, фотографиями и мемами, продают вещи и пр.

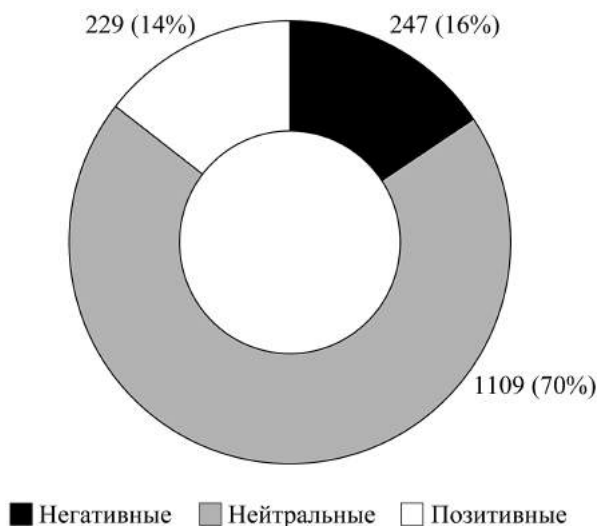

Рисунок 1. Тональность упоминания петербургских украинцев в СМИ

Наиболее резонансной новостью отрицательной тональности стала публикация «Коммерсанта» об украинцах-наркоторговцах (ИЗ – 3,822): «При досмотре ходившего под флагом Багамских Островов “банановоза” *Autumn Wind* таможенники нашли тайник, в котором было спрятано 4,5 кг кокаина, стоимость которого на черном рынке составляла \$1,5 млн. Удалось вычислить и хозяев тайника – ими оказались двое моряков-украинцев, ходивших на этом судне, Олег Манкевич и Валерий Кортунов» [Литовченко 2015].

Одной из самых примечательных статей положительной направленности (ИЗ – 3,043, 5 перепечаток) стала информация о старте футбольного Кубка Содружества, в котором принимала участие и команда Украины [Кубок Содружества 2016].

Стоит отметить активность зарубежных средств массовой информации: судя по распределению сообщений, они проявляют даже больший интерес, чем федеральные и региональные российские СМИ по отдельности (40% против 32 и 28% соответственно) (рисунок 2, см. на стр. 110). Однако если сравнивать число российских и украинских сообщений, то первых все же больше (1549 против 908, если говорить о сообщениях с перепечатками).

Как видно из рисунка 3 (см. на стр. 110), категории, на которые приходится упоминания об украинцах, весьма разнообразны, и обращает на себя внимание большое число сообщений, относящихся к рубрикам «Транспорт» и «Чрезвычайные происшествия» (ЧП).

Анализ сообщений показывает, что украинский вопрос до сих пор вызывает дискуссии. С одной стороны, петербуржцы выражают украинцам поддержку, выходя на антивоенные акции [Горбачевич 2015], посылают открытки с теплыми пожеланиями для братского народа [Накануне Дня Независимости Украины 2015], СМИ рассказывают об играх сборной Украины в Петербурге [Кубок Содружества 2016]. С другой стороны, от внимания общественности не ускользают и связанные с ними инциденты: участие украинца в секте [Секте «Аум Синрике» рубят корни 2016], обвинение граждан Украины в планировании терактов в Санкт-Петербурге [Бойко 2015], нападение пьяных украинцев на вдову ополченца [В Петербурге совершено нападение 2015].

Причем фокус средств массовой коммуникации часто перемещается с украинцев, проживающих в Санкт-Петербурге, на проблемы украинского государственного устройства, на власти Украины, революционный Майдан, войну на Донбассе и т.д. Свой вклад в обострение ситуации вносят и российские, и украинские СМИ.

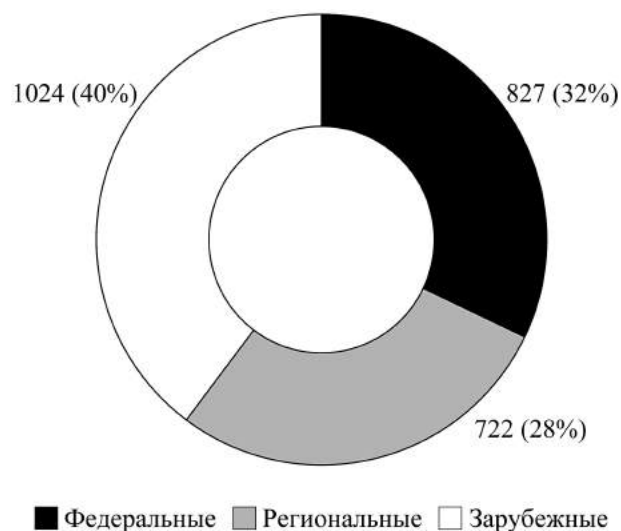

Рисунок 2. Упоминания петербургских украинцев по уровням СМИ

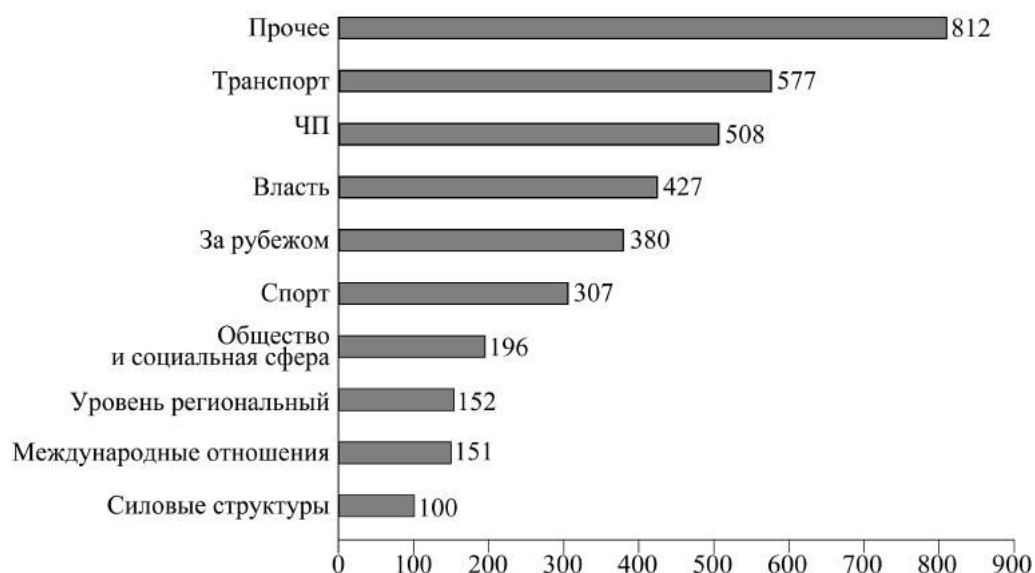

Рисунок 3. Распределение упоминаний украинцев в СМИ Санкт-Петербурга по категориям

Одним из самых заметных событий 2015 г. стало крушение над Синайским полуостровом самолета Airbus A-321, на борту которого, помимо россиян, находились и украинцы. В то время как одни российские и украинские СМИ писали об украинцах, высказывающих слова сочувствия и соболезнования, несущих цветы и игрушки к российскому посольству в Киеве, другие средства массовой информации, проанализировав активность украинских пользователей в социальных сетях, публиковали информацию об украинцах, празднующих трагедию: «Ну вот. Они дождались, наконец, крупной авиакатастрофы. И теперь реагируют, как и многие из нас предполагали. Свидомые поклонники Бандеры и Шухевича с Украины и наши либералы. Одни из них сейчас откровенно радуются в соцсетях, другие притворно соболезнуют, но не могут скрыть своего злорадства. Но ни капли искреннего сочувствия и соболезнования в их высказываниях нет» [Гришин 2015]. Такой текст с заголовком «Нелюди выползли напитать себя кровью катастрофы» вышел в «Комсомольской правде». Ответ со стороны «РИА Новости Украина» не заставил себя ждать: «В российском сегменте интернета, в комментариях к публикациям о синайской трагедии нередко априори мелькают обвинения в адрес украинцев <...>. Судя по размерам российского сегмента всемирной паутины, эта точка зрения получила достаточно серьезное распространение. О реакции адекватной части населения Украины в публикации ничего не говорилось. А несколько десятков или даже тысяч представителей Украины, тусующихся в социальных сетях и похожих на выложившего на *YouTube* пакостную запись, не представляют какой-либо значительной части граждан Украины <...>. В том же украинском сегменте интернета преобладали тексты, проникнутые глубокой скорбью и искренними соболезнованиями семьям погибших и России» [Сострадаение и ненависть 2015]. Этот обмен мнениями демонстрирует, насколько порой могут различаться взгляды на один и тот же очевидный факт.

Евреи

Во время царствования Екатерины II территория России расширилась за счет присоединения Крыма, Литвы, Польши и Волыни, и евреи этих регионов официально стали российскими подданными. Однако их дальнейшее расселение было затруднено, а порой и вовсе невозможно: за евреями закреплялась обязанность проживать на прежних местах, въезд во внутренние губернии был запрещен из-за черты оседлости. Тем не менее евреям позволялось приезжать в столицу по своим делам, и к концу 80-х гг. XVIII в. в Петербурге появилась маленькая, но уже полноценная еврейская община, выросшая в период правления Александра II. К 1920-м гг. в Петрограде проживало около 100 тыс. евреев, а к началу ленинградской блокады – уже 180 тыс. [Еврейская община Санкт-Петербурга (б/г)]. По данным переписи 2010 г., в настоящее время численность еврейской общины сократилась до 31 тыс. чел. [Итоги Всероссийской переписи 2010], хотя по некоторым оценкам, евреев все же больше, так как многие из них в графе «национальность» указывали, что они русские.

Всего за исследуемый период о петербургских евреях опубликовано 619 сообщений, большинство из которых носят нейтральный характер (59%, 365 упоминаний) (рисунок 4). Основная масса этих публикаций посвящена Холокосту и судьбе евреев, прошедших концлагеря. В нейтральные сообщения также попадают новости об антисемитской деятельности, но сам факт этого осуждается. Обычно такой подход используют серьезные новостные сайты при необходимости публикации информации о громких межнациональных скандалах. Подобный случай получил широкую огласку, когда в соцсети на странице победительницы

конкурса «Мисс Обаяние РФПЛ» обнаружили фотографии националистического содержания, а также сообщения, дискриминирующие евреев и кавказцев. На новость сразу отреагировали болельщики ЦСКА: «Ольга, как же ты могла представлять клуб, где президент – еврей, которого ты хочешь видеть горящим в печи? Зачем же так низко опускаться? ... Ольга, ты не мисс, а позор ЦСКА, так как мы никогда не забудем подвиг наших ветеранов и миллионы наших жертв» [Мисс Обаяние РФПЛ 2015].

Укорененность еврейской общины, ее интегрированность в городское пространство влияют на круг тем, в которых упоминаются петербургские евреи: на втором месте после «Прочего» расположились рубрики «Культура, искусство», «Общество и социальная сфера» и «Религия и вероисповедания (*рисунок 5*)

Сообщения, демонстрирующие нетерпимость в отношении евреев, встречаются относительно часто: «Ok-inform.ru» и другие издания писали о появлении в интернете признанного экстремистским «Курса молодого антисемита». В нем содержалось описание признаков, по которым можно идентифицировать евреев, а также были опубликованы стихотворения, изображения, высказывания, пропагандирующие неполноценность граждан по признаку принадлежности к еврейской национальности и иудейской религии [*Колокольцев 2015*].

Истории позитивного характера занимают треть всех публикаций о петербургских евреях (34%, 209 упоминаний) (*рисунок 4*), и в этом немалая заслуга еврейской общины, представленной несколькими новостными сайтами⁹. Важным информационным поводом положительной направленности стало открытие после реставрации старейшей петербургской синагоги (ИЗ – 5,105, 7 перепечаток). «Малая синагога была построена в 1886 году, на семь лет раньше Большой хоральной синагоги, частью которой она теперь является. В советские годы Малая синагога стала центром и средоточием еврейской религиозной жизни в Петербурге. Она функционировала даже в годы блокады; несмотря на холод, прихожане сохранили ее уникальную мебель. В 2011 году здание синагоги было закрыто на реставрацию. Открытие Малой синагоги Санкт-Петербурга, приуроченное к празднику Рош ха-Шана, собрало руководителей и членов петербургской еврейской общины, представителей городских властей, видных деятелей культуры, науки и бизнеса» [*Старейшая синагога 2015*].

Следует отметить, что, по данным «Левада-Центра», одну из крайних форм ксенофобии – ограничение проживания евреев на территории России – в 2015 г. выбрали только 7% граждан¹⁰ [Общественное мнение 2016]. Именно среди них были замечены самые радикально настроенные россияне, уверовавшие в теорию еврейского заговора и в то, что «миром управляют евреи» и «евреи контролируют мировые финансовые потоки». И хотя сообщений подобной тональности немного (7%, 45 упоминаний), они способны удивить как исследователей, так и обычных интернет-пользователей своей враждебной одержимостью евреями. Один из интернет-авторов, «Поручик», даже написал статью о Достоевском-пророке, якобы предсказывавшем еврейскую революцию: «Евреям надо низложить ту веру, ту религию, из которой вышли нравственные основания, сделавшие Россию и святой, и великой <...>. На протяжении 40-вековой истории евреев ими двигала всегда одна лишь к нам безжалостность... безжалостность ко всему, что не есть еврей... и одна только жажда напиться нашим потом и кровью» [Федор Михайлович Достоевский – Пророк 2016]. Хотя этот текст не единичен, тем не менее, как показывают

⁹ См.: www.jeps.ru, www.esod.spb.ru/history/community.htm и т.д.

¹⁰ Причем в 2004 г. эта цифра составляла 15%.

данные «Медиалогии», круг читателей аналогичных сочинений весьма ограничен. Схожие произведения по заметности располагаются в конце списка, так как выкладываются на непопулярных сайтах.

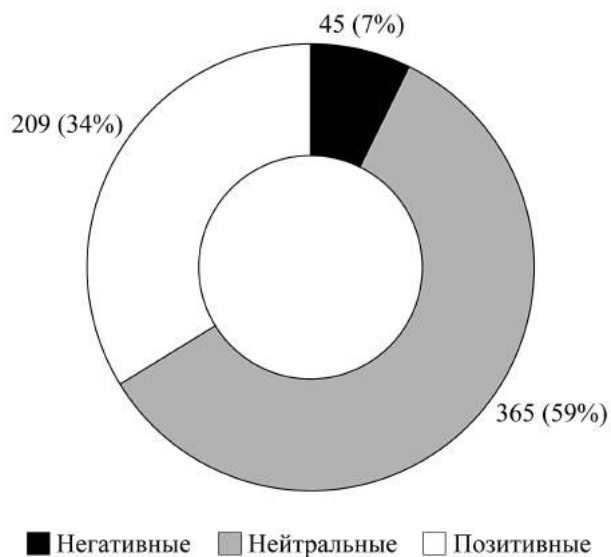

Рисунок 4. Тональность упоминания петербургских евреев в СМИ

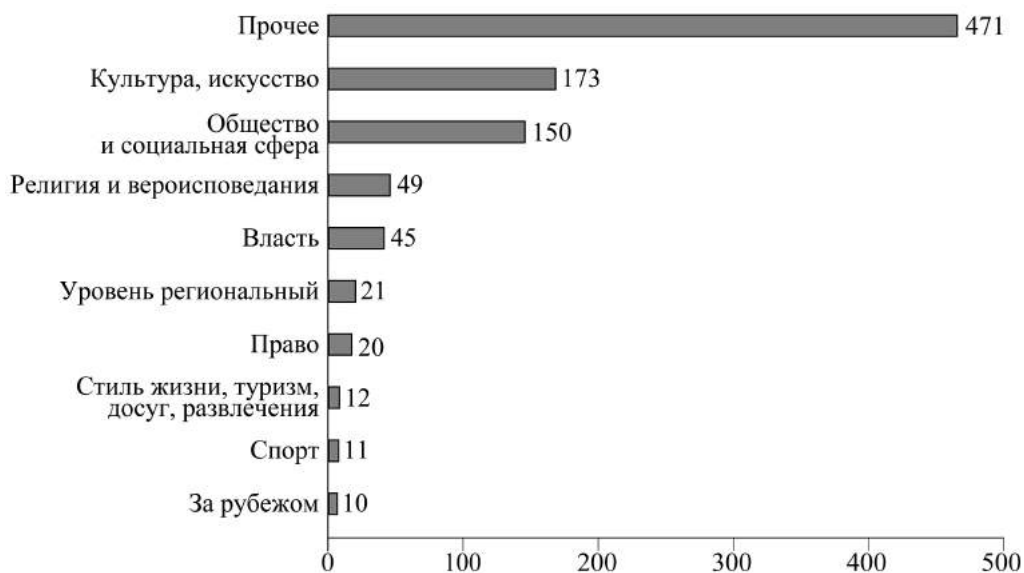

Рисунок 5. Распределение упоминаний евреев в СМИ Санкт-Петербурга по категориям

Самым заметным текстом (ИЗ – 2,00), в котором содержалась отрицательная оценка евреев, стала публикация «Русской службы новостей» о нападении ортодоксального еврея с ножом на участников акции секс-меньшинств в Израиле, в результате чего пострадали 6 чел. [ЛГБТ-активист не откажется 2015].

Таджики

По некоторым оценкам, на данный момент численность петербургских таджиков (наравне с узбеками) является одной из самых больших (примерно 1 млн), хотя, по официальным данным, в городе проживают лишь 12 тыс. таджиков [Итоги Всероссийской переписи 2010]. Рост таджикского населения начался с 1989 г. и продолжился после распада СССР (таблица 2). На данный момент в городе действуют «Санкт-Петербургское общество дружбы российского и таджикского народов “Сомониён”» и «Санкт-Петербургское общественное объединение таджикистанцев “Аджам”»; на таджикском языке издаются газеты «Хуросон и «Туран» [Таджики в Санкт-Петербурге (б/г)].

Таблица 2. Динамика численности таджикского населения в Санкт-Петербурге, чел.

1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
–	61	–	361	473	1917	2449	12072

Несмотря на их многочисленность, СМИ пишут о таджиках достаточно редко (342 упоминания): половина сообщений носит нейтральный характер (53%, 181 упоминание), отрицательные медиаповоды составляют треть сообщений (33%, 112 упоминаний), при этом положительных – меньше всего (14%, 49 упоминаний) (рисунок 6).

Самым заметным позитивным медиаповодом (ИЗ – 8,001) стала премьера спектакля «Сван» Центра им. Всеволода Мейерхольда. История повествует о тяжелой судьбе мигрантов в будущем: «Дело происходит в стране Лебеядни (отсюда и название, *swan* по-английски “лебедь”). Ее жители говорят высоким слогом, а потому особенно непросто приходится мигрантам» [Бугулова 2016].

Обращает на себя внимание, что если в исследовании петербургских узбеков [Черныш 2015] на первом месте в списке категорий находились сообщения из рубрики «Криминал», то у таджиков этот пункт оказался четвертым (рисунок 7). Хотя по сравнению с более интегрированными евреями и украинцами Санкт-Петербурга этот показатель находится все же на достаточно высоком уровне (у украинцев и евреев эта категория не попала даже в первую десятку рубрик). Стереотип об этнической преступности, провоцируемой таджиками, продолжает влиять на СМИ: практически половина всех сообщений связана с эпизодами, где таджики выступают либо в роли злоумышленников, либо в роли жертв преступлений. Причем в погоне за рейтингом интернет-порталы и информационные агентства пытаются поразить читателей яркими и шокирующими заголовками. В случае с таджиками выделяется сайт «Piter.tv»: «Мигрант Сафар жестоко изнасиловал петербурженку во дворе детского сада в Комарово», «На Уткином проспекте таджик порезал сирьюца из-за шавермы», «Пара бездушных петербуржцев и их друг-таджик избивали

пенсионерок огнетушителем и грабили», «Бездушная мамаша-гастарбайтер оставила новорожденного сына во дворе на улице Есенина», «Мигрант-головорез из Таджикистана задержан в Петербурге по подозрению в терроризме»¹¹.

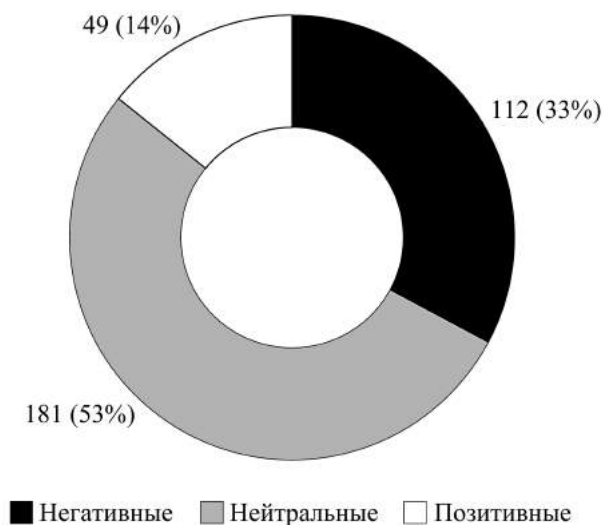

Рисунок 6. Тональность упоминания петербургских таджиков в СМИ

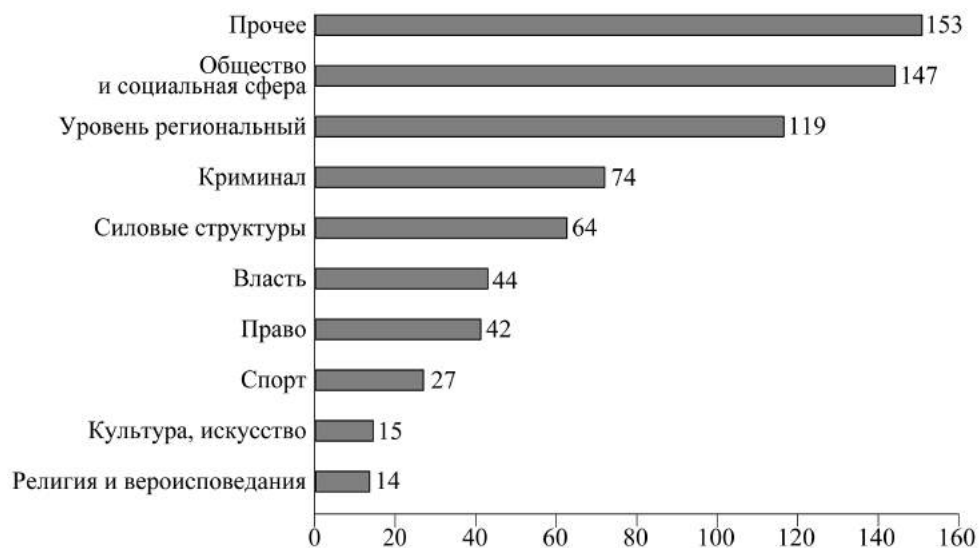

Рисунок 7. Распределение упоминаний таджиков в СМИ Санкт-Петербурга по категориям

¹¹ См.: www.piter.tv

В топе медиаповодов отрицательного характера оказались сообщения «Ленты.ру», в которых тем не менее прослеживается определенная юмористическая направленность. Первый случай (ИЗ – 4,831) произошел с 27-летним выходцем из Таджикистана, задержанного сотрудниками МВД за ношение футболки с символикой, запрещенной в России террористической организации «Исламское государство». Пока мужчина отбывал наказание, он сгрыз участок футболки с надписями на арабском языке [Задержанный в Петербурге таджик 2015]. Вторым эпизодом (ИЗ – 2,442) также произошел с таджиком, который, находясь в состоянии алкогольного опьянения, «публично оскорбил грубой нецензурной бранью» инспектора УФМС. «Своими преступными действиями злоумышленник унижил честь и достоинство инспектора миграционной службы как представителя власти», — заключили в прокуратуре [В Петербурге таджика оштрафовали 2015].

За изучаемый период самой обсуждаемой в СМИ Санкт-Петербурга стала история пятимесячного таджикского младенца Умарали Назарова (63 сообщения без учета перепечаток, ИЗ – 7,155). Причем она вызвала протест не только среди петербургских таджиков и жителей Таджикистана, но и у представителей других национальностей, живущих в Санкт-Петербурге. По данным газеты «Коммерсант», ребенок скончался в течение суток после того, как его забрали у матери, гражданки Таджикистана, у которой истек срок временного пребывания в России. «13 октября сотрудники регионального УФМС обнаружили в одном из расселенных домов в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга семью нелегальных мигрантов. 21-летнюю Зарину Юнусову вместе с сыном доставили в I отдел полиции. Бабушка приехала сразу после того, как мать и ребенок были доставлены в отделение. Ребенка ей не отдали, смесь взять отказались. Скорая помощь доставила ребенка в медицинский центр имени Цимбалына, где он через несколько часов скончался» [Мишина, Чесноков, Алленова, Литовченко, Карпенко 2015].

Чеченцы

Заселение северной столицы чеченцы начали относительно недавно: согласно переписи 1979 г., их численность на тот период составляла 384 чел. (0,01% населения Петербурга), в 2010 г. – 1482 чел. [Всероссийская перепись населения 1979 года 2016; Итоги Всероссийской переписи 2010]. Социальный состав чеченской диаспоры очень разнообразен, практически все знают родной язык, чтут традиции народа, отмечают национальные и религиозные праздники. Каждый год представители чеченской диаспоры собираются в День памяти жертв депортации 23 февраля 1944 г., когда весь народ был выслан в Казахстан и Киргизию [Переятевец 2015].

Сообщений о петербургских чеченцах значительно меньше, чем о других изучаемых этнических группах (166 упоминаний без перепечаток), среди которых нейтральные (60) и негативные (61) медиаповоды распределились практически равномерно (рисунки 8), в то время как позитивные публикации встречаются в полтора раза реже.

Малочисленность медийной информации, по всей видимости, связана с незначительным представительством чеченцев в северной столице. Тем не менее в СМИ все же появляются сообщения об участии чеченцев в жизни города: во время празднования годовщины освобождения Ленинграда, в вечерах памяти жертв депортации, в «Фестивале народов Кавказа» и т.д. С другой стороны, информация о чеченцах проскальзывает и в сводках этнопреступности: им инкриминируются применение насилия, похищение людей, нападение на сотрудников полиции. При этом стоит

отметить, что, когда речь заходит о чеченцах (всего 18 сообщений с перепечатками), в распределении упоминаний по категориям рубрика «Криминал» находится далеко не на первом месте, следуя за разделами «Прочее», «Общество и социальная сфера», «Уровень региональный», «Власть» и «Культура, искусство» (рисунк 9).

Рисунок 8. Тональность упоминания петербургских чеченцев в СМИ

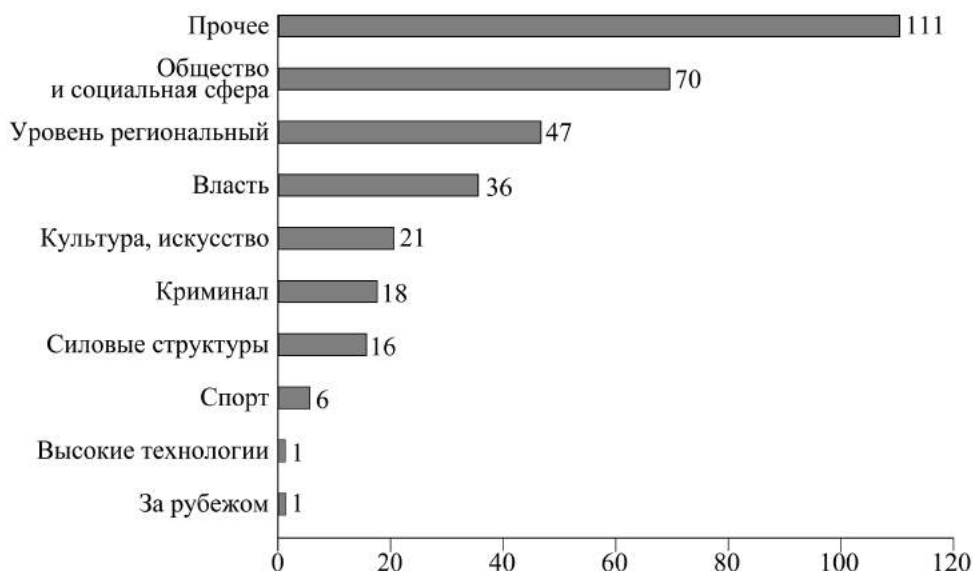

Рисунок 9. Распределение упоминаний чеченцев в СМИ Санкт-Петербурга по категориям

К заметным сообщениям положительного характера следует отнести статью «Чеченцы и ингуши в Петербурге почтили память погибших во время депортации» о возложении цветов к Соловецкому камню (ИЗ – 4,501). Корреспондент «Росбалта» свидетельствует: «Возложение цветов произошло после того, как чеченцы и ингуши совершили намаз в Соборной мечети Петербурга <...> На церемонию пришли не только чеченцы и ингуши, но и балкарцы, калмыки, крымские татары и представители других народов, которые также стали жертвами сталинских репрессий <...>. Собравшиеся считают, что такие акции сплачивают людей и помогают сохранить память о событиях февраля 1944 года» [Чеченцы и ингуши в Петербурге 2016].

Важным событием культурной жизни северной столицы стала презентация фильма «Чечен» Беаты Бубенец, на который «Коммерсант» откликнулся публикацией «Общее частное» (ИЗ – 5,263). В фильме, действия которого разворачиваются во время украинских событий на Майдане, в Крыму и на Донбассе, рассказывается история чеченца, отправившегося воевать на Украину в составе ВСУ [Общее частное 2015]. Средства массовой информации освещали этот фильм по-разному: в одном случае главный герой Руслан был представлен «преинтересной личностью, хранящей в подвале гранаты, цитирующей Шекспира, почтительно отзывающейся о Торе и Вальгалле, любящей Россию и активно не любящей режим» [Лебедев 2015]. В других СМИ его изображали одиозной личностью: «Чеченец Руслан едет на Украину воевать против России» [Визгалова 2015], «чеченец, по его собственному признанию, всю жизнь занимался тем, что воевал с русскими» [Артдокфест. Чечен 2015].

Помимо фильма «Чечен», еще одним неоднозначным событием стал митинг 21 января 2016 г. в поддержку Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова. По данным «Грозный-информ», на предложение представительства Главы Чеченской Республики в Северо-Западном федеральном округе поддержать Р. Кадырова откликнулись сотни петербуржцев: среди собравшихся были уроженцы Чеченской Республики, чиновники и студенты, поддерживающие главу Чечни [В Санкт-Петербурге прошел митинг 2016]. Но вскоре на это сообщение поступило опровержение со стороны «Новой газеты», усомнившейся в проведении митинга: «Сообщение о митинге, якобы прошедшем в Петербурге, появилось вечером 21 января на сайте Министерства Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации. Только его почему-то никто не заметил» [Петлянова 2016]. Помимо «Новой газеты», попытки отыскать следы массового мероприятия предприняли и другие издания (например, «Фонтанка» [Ермаков 2016], сообщение которой стало самым заметным медиаповодом отрицательной направленности – 2,965), но их усилия оказались тщетными, что в определенном смысле бросает тень на представителей Чечни в Санкт-Петербурге.

Среди сообщений нейтральной направленности выделяется транскрипт радиопрограммы Сергея Медведева, опубликованный на сайте «Радио Свобода» и посвященный проблемам европейской миграции (ИЗ – 4,772) [Медведев 2016]. В нем чеченцы упоминаются в контексте переселения народов во времена СССР, и данная публикация не несет в себе ни позитивной, ни негативной оценки представителей этой этнической группы.

Заключение

Как показал анализ, численность этнической группы, длительность проживания, ее интегрированность влияют на контекст, в котором ее описывают СМИ. Преиму-

ществом с точки зрения распространения знаний о группе и ее культуре является наличие собственных средств массовой информации. У каждой из исследуемых этнических групп есть свои СМИ, однако таджикские и чеченские средства массовой информации на русском языке не столь многочисленны, как еврейские и особенно украинские, что повлияло на их представленность в информационном медиапространстве и поисковых системах. Также исследование показало, что не все средства массовой информации подвержены стереотипам (число сообщений отрицательной направленности редко превышало треть всех сообщений) и что о евреях и чеченцах чаще писали в связи с праздниками и важными культурными событиями.

Наша гипотеза, что наиболее интегрированные этнические группы (евреи, украинцы) представляются петербургскими СМИ в большей степени в положительном свете, подтвердилась частично, поскольку на отношение к украинцам, проживающим в Санкт-Петербурге, повлиял кризис в российско-украинских отношениях. При этом к менее интегрированным петербургским чеченцам и таджикам СМИ ожидаемо относятся более критично (в процентном соотношении они в два раза чаще упоминаются в сообщениях негативной направленности).

Литература

- Артдокфест. Чечен (2015) // «Meduza» // <https://meduza.io/feature/2015/10/03/artdokfest-chechen>
- Арутюнян Ю.В. (1980) Опыт этносоциологического исследования образа жизни: по материалам МССР. М.: Наука.
- Ахмедов М.Л. (1999) СМИ как фактор стабилизации межнациональных и федеративных отношений (на материалах России 1990–1998 гг.). М.: Автореферат канд. политических наук.
- Бойко А. (2015) Бандеровцы планировали теракты в Москве и Санкт-Петербурге // Комсомольская правда // <http://www.kp.ru/daily/26448/3321734/>
- Бугулова И. (2016) Далеко до Лебедяни? // Российская газета // <https://rg.ru/2016/03/23/reg-szfo/na-scene-aleksandrinskogo-teatra-pokazali-spektakl-o-migrantah.html>
- Будина О.Р. (1968) Вопросы культуры и быта русских рабочих на страницах большевистской печати (По материалам газеты «Правда» за 1912, 1914, 1917 гг.) // Крупянская В.Ю. (ред.) Этнографическое изучение быта рабочих отдельных промышленных районов СССР. М.: Наука. С. 151–174.
- В Петербурге прошел митинг в память об Умарали Назарове (2015) // Радио «Свобода» // <http://www.svoboda.org/content/article/27365670.html>
- В Петербурге совершено нападение на вдову ополченца пьяными украинцами, воевавшими в ВСУ (2015) // Информмагентство «Новороссия» // <http://www.novorosinform.org/news/id/30641>
- В Петербурге таджика оштрафовали за нецензурную брань в адрес сотрудника ФМС (2015) // Lenta.ru // <http://lenta.ru/news/2015/12/21/piter/>
- В Санкт-Петербурге прошел митинг в поддержку Главы Чеченской Республики, Героя России Р.А. Кадырова (2016) // «Грозный-информ» // <http://www.grozny-inform.ru/news/society/68021/>
- В сети поразилась расистским стереотипам в поисковых результатах Google (2016) // Lenta.ru // https://lenta.ru/news/2016/06/08/three_teenagers/
- Визгалова Е. (2015) Артдокфест-2015. Путеводитель. // Кино-театр.ру // <http://www.kino-teatr.ru/kino/art/festival/4215/>
- Воронцов В.С. (2003) Этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии: По данным этносоциологических опросов. Ижевск: Автореферат канд. исторических наук.
- Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. г. Ленинград (2016) // Демоскоп Weekly // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=9
- Всероссийская перепись населения 2002 (2002) // Федеральная служба государственной статистики // <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

- Горбачевич А. (2015) В Петербурге движение «Весна» провело акцию в поддержку Украины // Радио «Свобода» // <http://www.svoboda.org/content/article/27204494.html>
- Гришин А. (2015) Нелюди выползли напитать себя кровью катастрофы // Комсомольская правда // <http://www.kp.ru/daily/26453.7/3323050/>
- Губогло М.Н. (2003) Русский язык и толерантность. М.: Старый сад.
- Дебаты Познера и Найема в Петербурге могут не состояться (2015) // Life.ru // <http://rusnovosti.ru/posts/374706>
- Деметер Н.Г. (2000) Цыгане и пресса или образ цыган в московских СМИ // Малькова В.К. (ред.) Пресса и этническая толерантность. Пособие для журналистов. М.: НИП.
- Дробижева Л.М. (ред.) (2015) ИНАБ № 2. Межнациональное согласие в региональном контексте. М.: Институт социологии РАН // http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf
- Еврейская община Санкт-Петербурга // ЕСОД – «дом еврейской культуры» // <http://esod.spb.ru/history/community.html>
- Еврейская община Санкт-Петербурга // Свободная энциклопедия «Википедия» // https://ru.wikipedia.org/wiki/Еврейская_община_Санкт-Петербурга
- Ермаков А. (2016) Петербург незримо поддержал Кадырова Фонтанка // Фонтанка.ру // <http://www.fontanka.ru/2016/01/21/214/>
- Задержанный в Петербурге таджик сгрыз символику ИГ с футболки (2015) // Lenta.ru // <http://lenta.ru/news/2015/10/20/futbolka/>
- Заринов И.Ю. (1999) «Чеченский узел» в этнополитике постсоветской России (анализ центральной и региональной прессы России и стран ближнего зарубежья). М.: Старый сад.
- Иванов В.Н., Котов А.П., Ладодо И.В., Назаров М.М. (1995) Этнополитическая ситуация в регионах Российской Федерации // Социологические исследования. № 6. С. 51–60.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей (2010) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html
- Карпенко О.А. (2003) Некоторые речевые приемы сайтов ненависти // Дубровский Д.В., Карпенко О.В. (ред.) Язык вражды в русскоязычном Интернете. Материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб.: изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 41–66.
- Колокольцев М. (2015) Суд Петербурга признал экстремистским «Курс молодого антисемита» о том, как вычислить еврея // «Общественный контроль» // <http://ok-inform.ru/obshchestvo/43768-sud-peterburga-priznal-ekstremistskim-kurs-molodogo-antisemita-otom-kak-vychislit-evreya.html>
- Кубок Содружества среди молодежных футбольных сборных стартует в Санкт-Петербурге (2016) // ТАСС // <http://tass.ru/sport/2592630>
- ЛГБТ-активист не откажется от пикета в Петербурге после событий в Израиле (2015) // Life.ru // <http://rusnovosti.ru/posts/381580>
- Лебедев А. (2015) Не спи, замерзнешь: Артдокфест 2015 // Russmodamag.ru // <http://www.russmodamag.ru/31165>
- Лопуленко Н.А. (2000) Народы Крайнего Севера России во второй половине 90-х годов XX века. Экономика. Культура. Политика. М.: Старый сад.
- Малькова В.К. (1977) Применение контент-анализа для изучения материалов о сотрудничестве советских народов // Советская этнография. № 5. С. 71–80.
- Малькова В.К. (1982) Роль периодической печати в интернациональном воспитании советских людей. М.: Автореферат кандидатской диссертации.
- Малькова В.К. (1991) Образы этносов в республиканских газетах. Опыт этносоциологического изучения. М.: ИЭ АН СССР.
- Малькова В.К. (2006) Этничность и толерантность в средствах массовой информации: опыт исследования современной российской прессы. М.: Диссертация.
- Малькова В.К., Тишков В.А. (2002) Этничность и толерантность в СМИ. М.: ИЭА РАН.
- Медведев С. (2016) Новое переселение народов // Радио «Свобода» // <http://www.svoboda.org/content/transcript/27333371.html>

- Мисс Обаяние РФПЛ уличили в симпатии к нацизму (2015) // Проект «Медуза» // <https://meduza.io/shapito/2015/07/20/miss-obayanie-rfpl-ulichili-v-simpatii-k-natsizmu>
- Мишина В., Чесноков И., Алленова О., Литовченко В., Карпенко М. (2015) Нет такого закона, чтобы изымать ребенка, потому что он мигрант // Коммерсант.ру // <http://www.kommersant.ru/doc/2841291>
- Млеко А. (2014) С какими трудностями сейчас сталкиваются украинцы в Москве // The Village.ru // <http://www.the-village.ru/village/people/people/141053-make-borsh-not-war>
- Многонациональный Петербург (2012) // Исторический литературный клуб «Исткнига» // <http://istkniga.ru/club/forum/forum34/topic108/>
- Мухаметшина Н.С. (2003) Трансформации национализма и «символьная элита»: Российский опыт. Самара: Изд-во «Самарский университет».
- Назаров М.М. (2010) Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследование. М.: УРСС.
- Накануне Дня Независимости Украины петербуржцы подписали открытки дружбы для украинцев (2015) // Городской портал. Санкт-Петербург // <http://gorodskoportal.ru/peterburg/news/news/17399156/>
- Общее частное. Завершается «Артдокфест» (2015) // Коммерсант.ру // <http://www.kommersant.ru/doc/2877271>
- Общественное мнение-2015 (2016) // Левада-Центр // <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf>
- Переятец И. (2015) Традиции чеченской диаспоры в Санкт-Петербурге // Газета «Гумс» // <http://gums-41.ru/news/84399/>
- Петлянова Н. (2016) Начавшийся с рассветом митинг закончился многими часами после заката // Новая газета // <http://www.novayagazeta.ru/politics/71551.html>
- Романович Н. А. (2006) Региональные СМИ: возможности и проблемы // Социологические исследования. № 4. С. 77–84.
- Сагитова Л.В. (1995) Республиканская пресса как фактор формирования национального самосознания в Татарстане в современных условиях // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М. С. 78–89.
- Секте «Аум Синрикэ» рубят корни в Москве, Петербурге и Черногории (2016) // Вести.ру // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2739554>
- Сикевич З.В. (ред.) (1995) Петербуржцы. Этнонациональные аспекты массового сознания. Социологические очерки. СПб: НИИКСИ.
- Старейшая синагога Петербурга откроется после реставрации (2015) // РИАНовости // <https://ria.ru/religion/20150917/1256508761.html>
- Старовойтова Г.В. (1987) Этническая группа в современном советском городе. Л.: Наука.
- Сю М. (2016) Мост Ахмата Кадырова: Почему он появился в Санкт-Петербурге // Комсомольская Правда // <http://www.kp.ru/daily/26543/3559903/>
- Таджики в Санкт-Петербурге (б/г) // Свободная энциклопедия «Википедия» // https://ru.wikipedia.org/wiki/Таджики_в_Санкт-Петербурге
- Тишков В.А. (2005) СМИ и ксенофобия // Народы России // <http://www.narodru.ru/articles1520.html>
- Тройницкий Н.А. (ред.) (1905) Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.т. II. С.-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Украинцы в Санкт-Петербурге // Свободная энциклопедия «Википедия» // https://ru.wikipedia.org/wiki/Украинцы_в_Санкт-Петербурге
- Христолюбова Л.С. (2005) О национальных проблемах в прессе Удмуртии (тезисы VI Международного конгресса этнологов и антропологов). СПб.
- Федор Михайлович Достоевский – Пророк (или нострадамусы и ванги нервно курят и отдыхают в сторонке...) (2016) // Cont.ws // <https://cont.ws/post/176575>
- Чеченцы и ингуши в Петербурге почтили память погибших во время депортации (2016) // Росбалт Санкт-Петербург // <http://www.rosbalt.ru/piter/2016/02/24/1492568.html>
- Черныш М.Ф. (ред.) (2015) ИНАБ № 3. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации. М.: ИС РАН.
- Штраус О. (2016) Сказка за колочей проволокой // Российская газета // <https://rg.ru/2016/02/01/opera.html>

The Perception of Different Ethnic Groups in the Mass Media of Saint Petersburg

P. FADEEV*

*Pavel Fadeev – Junior Research Fellow, Department of Studying International Relations, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskij St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: erving45@gmail.com

Citation: Fadeev P. (2017) The Perception of Different Ethnic Groups in the Mass Media of Saint Petersburg. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 103–126 (in Russian)

Abstract

Previous research on the place of ethnicity issues in the mass media of Saint Petersburg speculates that the mass media in this city aids the formation of specific attitudes towards migrants. To determine whether this is the case, we analyse the media content by means of the Medialogia software package. We identify the following ethnic groups living in Saint Petersburg and study their representation in mass media: Jews, Ukrainians, Tajiks and Chechens. Our primary hypothesis was that older, more integrated ethnic groups (Jews and Ukrainians) are more positively represented in the city's mass media compared to more recent groups (Tajiks and Chechens). The hypothesis was partly confirmed: the city's media produces less critical information about Jews, compared to Chechens and Tajiks. The attitude towards Ukrainians was affected by the current crisis in Russian-Ukrainian relations. Moreover, we found that the media representation of an ethnic group is affected by its size and level of integration. A positive factor in affecting the spread of information about an ethnic group and the formation of public stereotypes about it is whether it controls its own mass media. We also found that not all mass media heavily exploit existing ethnic stereotypes: the share of negatively coloured messages accounts roughly for one third of all the messages containing reference to ethnic issues.

Key words: mass media, ethnic groups, migrants, attitudes, interethnic intensity, content-analysis

References

- Akhmedov M.L. (1999) *SMI kak faktor stabilizatsii mezhnatsional'nykh i federativnykh otnoshenij (na materialakh Rossii 1990–1998 gg.)* [Media as a Factor of Stabilizing Interethnic and Federal Relations (Russian Data 1990–1998)], Moscow.
- Artdokfest. Chechen (2015) [Artdokfest. Chechen]. *Proekt "Meduza"*. Available at: <https://meduza.io/feature/2015/10/03/artdokfest-chechen>, accessed 31 October 2016.
- Arutjunjan Yu.V. (1980) *Opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniya obraza zhizni: po materialam MSSR* [Experience in Ethno-sociological Lifestyle Research: MSSR Materials], Moscow: Nauka.
- Bojko A. (2015) Banderovtsy planirovali terakty v Moskve i Sankt-Peterburge [Bandera Followers Planning Terrorist Attacks in Moscow and St. Petersburg]. *Komsomol'skaya pravda*. Available at: <http://www.kp.ru/daily/26448/3321734/>, accessed 31 October 2016.

- Budina O.R. (1968) Voprosy kul'tury i byta russkikh rabochikh na stranitsakh bol'shevistskoj pechati. Po materialam gazety «Pravda» za 1912, 1914, 1917 gg. [The Culture and Everyday Life of Russian Workers According to the Bolshevik Press. Based on Newspaper 'Pravda' Publications in 1912, 1914, 1917]. *Etnograficheskoe izuchenie byta rabochikh otdel'nykh promyshlennykh rajonov SSSR* [An Ethnographic Study of the Life of Workers in Several Industrial Regions of the USSR] (ed. Krupyanskaya V.Yu.), Moscow: Nauka, pp. 151–174.
- Bugulova I. (2016) Daleko do Lebedyani? [How Far is Lebedyan?]. *Rossijskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2016/03/23/reg-szfo/na-scene-aleksandrinskogo-teatra-pokazali-spektakl-o-migrantah.html>, accessed 31 October 2016.
- Chechency i ingushi v Peterburge pochtili pamyat' pogibshikh vo vremena deportatsii (2016) [The Chechens and the Ingush Gave Tribute to People Died During the Deportations in Saint Petersburg]. *Rosbalt Sankt-Peterburg*. Available at: <http://www.rosbalt.ru/piter/2016/02/24/1492568.html>, accessed 31 October 2016.
- Chernysh M.F. (ed.) (2015) *INAB № 3. Sotsial'no-ekonomicheskie faktory mezhetnicheskoy napryazhennosti v regionakh Rossijskoj Federatsii* [Socio-economic Factors of Ethnic Tensions in the Regions of the Russian Federation], Moscow: IS RAN.
- Gorbatshevich A. (2015) V Peterburge dvizhenie «Vesna» provelo aktsiyu v podderzhku Ukrainy [The 'Spring' Movement in Saint Petersburg Rallied to Support Ukraine]. *Radio "Svoboda"*. Available at: <http://www.svoboda.org/content/article/27204494.html>, accessed 31 October 2016.
- Grishin A. (2015) Nelyudi vpolzli napitat' sebya krov'yu katastrofy [Monsters Feeding from the Blood of Disaster]. *Komsomol'skaya pravda*. Available at: <http://www.kp.ru/daily/26453.7/3323050/>, accessed 31 October 2016.
- Guboglo M.N. (2003) *Russkij yazyk i tolerantnost'* [Russian Language and Tolerance], Moscow: Staryj sad.
- Debaty Poznera i Najema v Peterburge mogut ne sostoyat'sya (2015) [The Debate Between Posner and Nayem in Saint Petersburg Risks Cancellation]. *Life.ru*. Available at: <http://rusnovosti.ru/posts/374706>, accessed 31 October 2016.
- Demeter N.G. (2000) Tsygane i pressa ili obraz tsygan v moskovskikh SMI [The Gipsies and the Press in Moscow Media]. *Pressa i etnicheskaya tolerantnost'. Posobie dya zhurnalystov* [Press and Ethnic Tolerance. Handbook for Journalists] (ed. Mal'kova V.K.), Moscow: NIP.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2015) *INAB № 2. Mezhnatsional'noe soglasie v regional'nom kontekste* [Interethnic Consent in the Regional Context], Moscow: IS RAN.
- Evrejskaya obshchina Sankt-Peterburga [The Jewish Community of St. Petersburg]. *ESOD – «Dom evrejskoj kul'tury»*. Available at: <http://esod.spb.ru/history/community.html>, accessed 31 October 2016.
- Evrejskaya obshchina Sankt-Peterburga [The Jewish Community of St. Petersburg]. *Svobodnaya entsiklopediya «Vikipediya»*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Evrejskaja_obshhina_Sankt-Peterburga, accessed 31 October 2016.
- Ermakov A. (2016) Peterburg nezrimo podderzhal Kadyrova [Petersburg Tacitly Supported Kadyrov]. *Fontanka.ru*. Available at: <http://www.fontanka.ru/2016/01/21/214/>, accessed 31 October 2016.
- Fedor Mihajlovich Dostoevskij – Prorok (Ili nostradamusy i vangi nervno kuryat i otdykhayut v storonke...) (2016) [Fyodor Dostoevsky – The Prophet (Or Vanga and Nostradamus Nervously Smoking and Have a Rest Aside...)]. *Cont.ws*. Available at: <https://cont.ws/post/176575>, accessed 31 October 2016.
- Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda v otnoshenii demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh kharakteristik otdel'nykh natsional'nostej (2010) [The Results of the National Population Census 2010 Regarding the Demographic and Socio-economic Characteristics of Individual Nationalities]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html, accessed 31 October 2016.
- Ivanov V.N., Kotov A.P., Ladodo I.V., Nazarov M.M. (1995) Etnopoliticheskaya situatsiya v regionakh Rossijskoj Federatsii [Ethnopolitical Situation in Russian Regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 51–60.
- Karpenko O.A. (2003) Nekotorye rechevye priemy sajtov nenavisti [The Uses of On-Line Hate Speech]. *Yazyk vrazhdy v russko-yazychnom Internetе. Materialy issledovaniya*

- po opoznavaniyu tekstov nenavisti [Hate Speech in the Russian-speaking Internet. Research Materials Regarding Text Recognition with the Purpose of Tracking Hate Speech] (eds. Dubrovskij D.V., Karpenko O.V.), SPb.: izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 31–66.
- Khristolyubova L.S. (2005) *O natsional'nykh problemakh v presse Udmurtii (tezisy VI Mezhdunarodnogo kongressa etnologov i antropologov)* [National Issues in the Press of Udmurtia (Theses of the VI International Congress on Ethnology and Anthropology)], SPb.
- Kolokol'tsev M. (2015) Sud Peterburga priznal ekstremistskim «Kurs mladogo antisemita» o tom, kak vychislit' evreya [The 'Young Anti-Semite Course' for Recognizing the Jews Declared Extremist by the Court of St. Petersburg]. *Obshchestvennyj kontrol'*. Available at: <http://ok-inform.ru/obshchestvo/43768-sud-peterburga-priznal-ekstremistskim-kurs-molodogo-antisemita-o-tom-kak-vychislit-evreya.html>, accessed 31 October 2016.
- Kubok Sodruzhestva sredi mlodezhnykh futbol'nykh sbornykh startuet v Sankt-Peterburge (2016) [The Commonwealth Youth Football Cup Starts in St. Petersburg]. *TASS*. Available at: <http://tass.ru/sport/2592630>, accessed 31 October 2016.
- Lebedev A. (2015) Ne spi, zamerzesh': Artdokfest [Don't Sleep, or You'll Freeze: Artdokfest]. *Russmodamag.ru*. Available at: <http://www.russmodamag.ru/31165>, accessed 31 October 2016.
- LGBT-aktivist ne otkazhetsya ot piketa v Peterburge posle sobytij v Izraile (2015) [An LGBT Activist Refusing to Abandon the Picket in St. Petersburg after Israel Events]. *Life.ru*. Available at: <http://rusnovosti.ru/posts/381580>, accessed 31 October 2016.
- Lopulenko H.A. (2000) *Narody Krajnego Severa Rossii vo vtoroj polovine 90-kh godov XX veka. Ekonomika. Kul'tura. Politika* [The Peoples of the Far North of Russia in the Second Half of the 90-s of the XX Century. Economy. Culture. Policy], Moscow: Staryj sad.
- Mal'kova V.K. (1977) Primenenie kontent-analiza dlya izucheniya materialov o sotrudnichestve sovetskikh narodov [The Use of Content Analysis in Studies of Cooperation Among the Soviet Peoples]. *Sovetskaya Etnografiya*, no 5, pp. 71–80.
- Mal'kova V.K. (1982) *Rol' periodicheskoy pechati v internatsional'nom vospitanii sovetskikh lyudej* [The Role of Mass Media in the International Education of the Soviet People], Moscow.
- Mal'kova V.K. (1991) *Obrazy etnosov v respublikanskikh gazetakh. Opyt etnosotsiologicheskogo izucheniya* [Images of Ethnic Groups in the National Newspapers. Findings from an Ethno-sociological Study], Moscow: ANSSSR.
- Mal'kova V.K. (2006) *Etnichnost' i tolerantnost' v sredstvakh massovoj informatsii: opyt issledovaniya sovremennoj rossijskoj pressy* [Ethnicity and Tolerance in the Media: the Findings from the Study of Modern Russian Press], Moscow.
- Mal'kova V.K., Tishkov V.A. (2002) *Etnichnost' i tolerantnost' v SMI* [Ethnicity and Tolerance in the Media], Moscow: IEA RAN.
- Medvedev S. (2016) Novoe pereselenie narodov [New Migration]. *Radio «Svoboda»*. Available at: <http://www.svoboda.org/content/transcript/27333371.html>, accessed 31 October 2016.
- Mishina V., Chesnokov I., Allenova O., Litovchenko V., Karpenko M. (2015) Net takogo zakona, chtoby izymat' rebenka, potomu chto on migrant [On the Illegality of Withdrawing Children from Migrants]. *Kommersant.ru*. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2841291>, accessed 31 October 2016.
- Miss Obayanie RFPL ulichili v simpatii k natsizmu (2015) [Miss Charm of Premier League Accused in Sympathies Towards Nazism]. *Proekt «Meduza»*. Available at: <https://meduza.io/shapito/2015/07/20/miss-obayanie-rfpl-ulichili-v-simpatii-k-natsizmu>, accessed 31 October 2016.
- Mleko A. (2014) S kakimi trudnostyami sejchas stalkivayutsya ukraintsy v Moskve [The Difficulties Faced by Ukrainians in Moscow]. *The Village.ru*. Available at: <http://www.the-village.ru/village/people/people/141053-make-borsh-not-war>, accessed 31 October 2016.
- Mnogonatsional'nyj Peterburg (2012) [Multinational Petersburg]. *Istoricheskij literaturnyj klub «Istkniga»*. Available at: <http://istkniga.ru/club/forum/forum34/topic108/>, accessed 31 October 2016.
- Mukhametshina N. S. (2003) *Transformatsii natsionalizma i «simvol'naya elita»: Rossijskij opyt*. [Transformations of Nationalism and 'Symbolic Elite': Russian Experience], Samara: Samarskij universitet.
- Na mezhdunarodnom festivale dokumental'nogo kino pokazhut tri fil'ma o Chechne (2015) [Three Films about Chechnya to Be Shown at the International Documentary Film Festival]. *«Eto Kavkaz»*. Available at: <http://etokavkaz.ru/news/2136>, accessed 31 October 2016.

- Nazarov M.M. (2010) *Massovaya kommunikatsiya i obshchestvo. Vvedenie v teoriyu i issledovaniya* [Mass Communication and Society. Introduction to the Theory and Research], Moscow: URSS.
- Nakanune Dnya Nezavisimosti Ukrainy peterburzhtsy podpisali otkrytki druzhby dlya ukrainsev (2015) [Friendship Cards for the Ukrainians Signed by the Citizens of St. Petersburg Prior to Ukraine's Independence Day]. *Gorodskoj portal. Sankt Peterburg*. Available at: <http://gorodskoyportal.ru/peterburg/news/news/17399156/>, accessed 31 October 2016.
- Petlyanova N. (2016) Nachavshijsya s rassvetom miting zakonchilsya mnogimi chasami posle zakata [The Rally Started Before the Dawn Ends Late at Night]. *Novaya gazeta*. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/politics/71551.html>, accessed 31 October 2016.
- Obshchee chastnoe. Zavershaetsya «Artdokfest» (2015) [The Common and the Specific. Artdokfest Coming to an End]. *Kommersant.ru*. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2877271>, accessed 31 October 2016.
- Obshchestvennoe mnenie-2015 (2016) [Public Opinion-2015]. *Levada-Center*. Available at: <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf>, accessed 31 October 2016.
- Pereyatenets I. (2015) Traditsii chechenskoj diaspory v Sankt-Peterburge [The Traditions of the Chechen Diaspora in St. Petersburg]. *Newspaper «Gums»*. Available at: <http://gums-41.ru/news/84399/>, accessed 31 October 2016.
- Romanovich N.A. (2006) Regional'nye SMI: vozmozhnosti i problemy [Regional Media: Opportunities and Challenges]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 77–84.
- Sagitova L.V. (1995) Respublikanskaya pressa kak faktor formirovaniya natsional'nogo samosoznaniya v Tatarstane v sovremennykh usloviyakh [The Republican Press as the Factor of Formation of National Identity in Tatarstan]. *Suverenitet i etnicheskoe samosoznanie: ideologiya i praktika* [Sovereignty and Ethnic Identity: Ideology and Practice], Moscow, pp. 78–89.
- Shtraus O. (2016) Skazka za kolyuchej provolokoj [A Fairy Tale From Behind the Barbed Wire]. *Rossijskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2016/02/01/opera.html>, accessed 31 October 2016.
- Sekte «Aum Sinrikyo» rubyat korni v Moskve, Peterburge i Chernogorii (2016) [The Sect 'Aum Shinrikyo' Chased in Moscow, St. Petersburg and Montenegro]. *Vesti.ru*. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2739554>, accessed 31 October 2016.
- Sikevich Z.V. (ed.) (1995) *Peterburzhtsy. Etnonatsional'nye aspekty massovogo soznaniya. Sotsiologicheskie ocherki* [The Citizens of St. Petersburg. Ethno-national Aspects of Mass Consciousness], SpB: NIIKSI.
- Starejshaya sinagoga Peterburga otkroetsya posle restavratsii (2015) [The Oldest Synagogue in St. Petersburg Opens after Restoration]. *RIANovosti*. Available at: <https://ria.ru/religion/20150917/1256508761.html>, accessed 31 October 2016.
- Starovojtova G.V. (1987) *Etnicheskaya gruppa v sovremennom sovetskom gorode* [Ethnic Group in the Modern Soviet City], Leningrad: Nauka.
- Syu M. (2016) Most Akhmata Kadyrova: Pochemu on poyavilsya v Sankt-Peterburge. [Akmat Kadyrov Bridge: Why it Appeared in St. Petersburg]. *Komsomol'skaya Pravda*. Available at: <http://www.kp.ru/daily/26543/3559903/>, accessed 31 October 2016.
- Tadzhiki v Sankt-Peterburge [Tajiks in St. Petersburg]. *Svobodnaya entsiklopediya «Vikipediya»*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Tadzhiki_v_Sankt-Peterburge, accessed 31 October 2016.
- Tishkov V.A. (2005) SMI i ksenofobiya [Media and Xenophobia]. *Narody Rossii*. Available at: <http://www.narodru.ru/articles1520.html>, accessed 31 October 2016.
- Trojnitskij N.A. (ed.) (1905) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897 g.* [The First National Census in the Russian Empire in 1897]. Vol. II, S.-Peterburg: izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del.
- Ukraintsy v Sankt-Peterburge [Ukrainians in St. Petersburg]. *Svobodnaya entsiklopediya «Vikipediya»*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ukraincy_v_Sankt-Peterburge, accessed 31 October 2016.
- V Peterburge proshel miting v pamyat' ob Umarali Nazarove (2015) [Rally in the Memory of Umarali Nazarov Held in Saint Petersburg]. *Radio "Svoboda"*. Available at: <http://www.svoboda.org/content/article/27365670.html>, accessed 31 October 2016.

- V Peterburge soversheno napadenie na vdovu opolchentsa p'yanyimi ukrainsami, voevavshimi v VSU (2015) [Pro-Russian Fighter's Widow Attacked by Drunk Former Ukrainian Militaries in Saint Petersburg]. *Informagentstvo «Novorossiya»*. Available at: <http://www.novorosinform.org/news/id/30641>, accessed 31 October 2016.
- V Peterburge tadhika oshtrafovali za netsenzurnuyu bran' v adres sotrudnika FMS (2015) [Tajik Fined for Insulting Migration Officer with Obscene Language in Saint Petersburg]. *Lenta.ru*. Available at: <http://lenta.ru/news/2015/12/21/piter/>, accessed 31 October 2016.
- V Sankt-Peterburge proshel miting v podderzhku Glavy Chechenskoj Respubliki, Geroya Rossii R.A. Kadyrova (2016) [A Rally Supporting the Head of the Chechen Republic, Hero of Russia RA Kadyrov, Took Place in St. Petersburg]. *Groznyj-inform.ru*. Available at: <http://www.grozny-inform.ru/news/society/68021/>, accessed 31 October 2016.
- V seti porazilis' rasistskim stereotipam v poiskovykh rezul'tatakh Google (2016) [Web-Surfers Amazed by Racist Stereotypes in Google Search Results]. *Lenta.ru*. Available at: https://lenta.ru/news/2016/06/08/three_teenagers/, accessed 31 October 2016.
- Vizgalova E. (2015) Artdokfest-2015. Putevoditel' [A Guide to Artdokfest-2015]. *Kino-teatr.ru*. Available at: <http://www.kino-teatr.ru/kino/art/festival/4215/>, accessed 31 October 2016.
- Vorontsov V.S. (2003) *Etnicheskoe samosoznanie uchashchejsya molodezhi Udmurtii: Po dannym etnosotsiologicheskikh oprosov* [Ethnic Consciousness of Students in Udmurtia: Findings from Ethno-sociological Surveys], Izhevsk.
- Vserossijskaya perepis' naseleniya-2002 (2002) [National Population Census 2002]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki*. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>, accessed 31 October 2016.
- Vsesojuznaya perepis' naseleniya 1979 goda. Natsional'nyj sostav naseleniya po regionam Rossii. g. Leningrad (2016) [All-Union Census, 1979. National Structure of Population in Russian Regions. Leningrad]. *Demoscope Weekly*. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=9, accessed 31 October 2016.
- Zaderzhannyj v Peterburge tadhik sgrыз simvoliku IG s futbolki (2015) [Tajik Arrested in St. Petersburg Chews the ISIS Symbols on His T-shirt]. *Lenta.ru*. Available at: <http://lenta.ru/news/2015/10/20/futbolka/>, accessed 31 October 2016.
- Zarinov I.Yu. (1999) «Chechenskij uzел» v etnopolitike postsovetskoj Rossii (analiz tsentral'noj i regional'noj pressy Rossii i stran blizhnego zarubezh'ya) [The 'Chechen Knot' in the Ethnic Policy of Post-Soviet Russia (an Analysis of Central and Regional Press in Russia and CIS countries)], Moscow: Staryj sad.

РЕЛИГИИ МИРА

The War Against Modernity: The Theology and Politics of Contemporary Muslim Extremism

D. CHIROT*

***Daniel Chirot** – Herbert J. Ellison Professor of Russian and Eurasian Studies, University of Washington, Seattle. Address: box 353650, Seattle, WA 98195, USA. E-mail: chirot@u.washington.edu

Citation: Chirot D. (2017) The War Against Modernity: The Theology and Politics of Contemporary Muslim Extremism. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 127–151

This article explores the social history of fundamental Islam in the Middle East and beyond. The rise of fundamentalism is regarded as a conflict against the global forces that inadvertently promoted the evolution of radical ideas in Islam. Salafism or the original trend in fundamental Islam is rooted in the failure of secular trends of development in the Islamic world. Once a glorious Caliphate that challenged the power and influence of other states, the world of Islam ended as a conglomerate of states deeply mired in backwardness and dependent on others. The weakness of the Islamic states led to their colonial subjugation at the hands of Western powers. Awareness of the Islamic states' inferior status led to conflicting trends in Islamic thought. In the 20th century it gave rise to a nationalism that brought to power modernizing regimes in Turkey, Iraq, Egypt and other states with a mainly Islamic population. However, in most cases secular modernization and anti-colonialism failed, giving birth to corrupt and inefficient forms of government and a lack of visible success in economic policy. The obvious failure of secular nationalism provided grounds for the renaissance of Islamic fundamentalism that sought to explain the failure of nationalism and modernization by the obvious departure of the Islamic societies from the so-called true and pure Islam that had led it to success in the times of Caliphates. Islamic theologians such as Sayiid Q'tub called on Muslims to return to pure Islam and rid themselves of Western domination. Fundamentalist ideas increased their influence in the urban areas where social despair increased social pressure. The political factor also played a role in the spread of fundamentalist ideas. The Saudi regime struck a compromise with Wahhabism and secured its own power by funding the fundamentalists' drive to proselytize beyond what became Saudi Arabia. Islamic thinkers gradually evolved an even more violent set of ideas that came to fully reject modernity, and a reliance on a military confrontation that would put an end to the domination of the West and result in the final battle when Islam would restore its past glory. The inept policies of Western powers including the war in Iraq and Afghanistan poured oil on the fire of local frustrations. These ideas formed a basis for the creation of ISIS that has now spread its influence to many countries where

Muslims are in the majority. The rise of Islamic fundamentalism emerges as a concurrence of historic trends when historic memories, the resentment of modernity, social desperation, failed hopes of nationalism and a game of global contradictions form the basis of violent extremism.

Key words: modernity, nationalism, development, fundamentalism, Salafism, conflict

Religious extremists, whatever their particular faiths, share several core traits. These are the insistence on their exclusive possession of divinely decreed truth, contempt for those outsiders who deny this, and the refusal of the right of individuals within the group to question those truths. Some extremists may be proselytizers, others not. Some are more violent in enforcing or imposing their beliefs, others much less so, or not at all. Some base their orthodoxy on long traditions of textual analysis and highly intellectual commentary. Others rely more on new doctrines, raw emotion, or some combination of all of these to energize their followers.

Extremist versions of many religions have arisen in recent decades and some have gained political influence [*Juergensmeyer 2008*]. This has come as a surprise to social analysts who had predicted in the mid-20th century that the role of religion was on a downward slope as modernization caught on. There are Christian, Muslim, Hindu, Buddhist, and Jewish examples of this revival of intolerant extremisms that claim to be returning to the fundamental, that is the original, pure versions of their religions despite the fact that much of that claim is based largely on mythology. All have some violent versions, but in the past three decades it has been several Islamic varieties that have been responsible for more widespread killing and terrorism than any of the others.

This is not to say that negative stereotypes that label all Muslims as terrorists have the slightest merit or that the founding holy texts of Islam are unambiguously extremist. There are many different kinds of Muslims and interpretations of the religion that share only a general acceptance of the guidance to be found in the Qur'an as it was delivered to the divinely appointed prophet Muhammad. However, within that absolute truth and the elaborations to be found in the Hadith, texts about what Muhammad did and said that were written after his death, there is a vast area open to different interpretations. Therefore, most scholars of Islam say, it is a serious error to think that all of Islam is in any sense bound to be violent and lead to terrorism¹.

The same might be said of Christianity, or any other religion. Not all believers are fundamentalist believing that some absolute, infallible truth can be discerned in the original religious texts. Even among fundamentalists or evangelicals, for example among those American Christians who call themselves that, there are different interpretations of what this means [*Montgomery, Chirot 2016*, pp. 336–378].

Nevertheless, there is no denying that when it comes to Islam a violent strain of fundamentalism has gained millions of adherents. Only a small minority have been involved in terrorism, but many more condone it. A 2015 survey of public opinion by the Pew Research Center found that the large majority of Muslims reject the Islamic Caliphate that was set up in Syria and Iraq. (This is the Islamic State in Syria and Iraq, or ISIS, called Daesh in Arabic.) But a significant minority approves and accepts the notion that their religion needs to be purified of polluting elements and to fight internal as well as non-Muslim opponents in order to return to Islamic roots and regain the world altering power of the first generations of Muslims. These are what should properly be called violent Salafists.

¹ For example, the writing of C. Kurzman [*Kurzman 2011*].

What is at the heart of all Salafism? It is a belief that the Salaf—the several generations of immediate followers of the Prophet—were so extraordinarily successful in conquering an enormous empire because they practiced a pure form of Islam. Therefore, if Muslims were to return to the level of unsullied faith and practice that existed in the seventh century, they would recover Islam’s greatness and power.

Because ISIS is the most visible and successful ultra-violent Islamic political movement to have appeared in recent times, approval or rejection of its behavior and program is a good proxy for attitude toward violent Salafism. At the extreme, 9% of Pakistanis have a favorable opinion about ISIS, 28% an unfavorable view, and 62% are unsure. Even in generally moderate Indonesia, the world’s largest Muslim society, 4% have a favorable view, 79% an unfavorable one, and the rest are unsure. Malaysia, also considered a moderate Islamic society, has an 11% favorable rate for ISIS. In Turkey 8% approve of ISIS, and among West African Muslims the approval rate varies from 8% in Burkina Faso to a high of 14% in Nigeria despite the vast majority who despise Boko Haram, an exceedingly brutal ISIS ally in Northern Nigeria. In all these countries disapproval rates are anywhere from 60% to 73%. Therefore, large majorities disapprove, but significant minorities do not [In Nations with Significant Muslim Populations 2015].

A 2007 Pew survey of Muslims living in Western countries found that 16% of those living in France believed that suicide bombing of civilian targets was often or sometimes justified. The number was similar, 15% to 16% among Muslims living in Britain and Spain, but only 7% of those in Germany. In Egypt 28% believed suicide bombing of civilian targets was justified often or sometimes, in Turkey 17%, in Pakistan 14%, and in Indonesia 10%. Among younger Muslims living in Western countries, the numbers were higher. In Britain 19% of those between the ages of 18 and 29 answered that suicide bombing was often or sometimes justified. The percentage in that age group in France saying that was also 19%, in Germany 13%, in Spain 17%, and in United States 15% said so, though among older Muslims those in America are more moderate than those in Europe [Muslim Americans: Middle Class and Mostly Mainstream 2007, pp. 49–55].

However we interpret those numbers, it is safe to say that if there are about 1.6 billion Muslims in the world, and over half are old and aware enough to have opinions about such matters, there are somewhere on the order of 80 to 100 million who have some sympathy with this kind of extremism. Of course only a small minority of these will ever commit terrorist acts, but being able to find a sympathetic audience among their fellow co-religionists plays a role in sustaining those who do decide, for whatever personal reason, to act.

Without some theological grounding in Salafism, even the most frustrated or disturbed youths who engage in terrorism would not turn to their religion to channel their activities. Criminal gangs, various secular politically extreme movements similar to what anarchism spawned in the late 19th and early 20th century, or any number of other organizations, movements, or ideologies would receive them. There are many explanations for the rise of violent Salafism, but it would be a serious mistake to think that it has no connection to a deep theological tradition that has been present as a minority ideology in Islam almost from its origins. That minority version of the religion has flourished particularly in moments of crisis.

Today we are experiencing one of those critical times. The desire to purify Islam is bringing this extreme tradition back into prominence. Given that this is the case, it is worth looking at its theological origins and at the role played by the modern ideologues who have popularized violent Salafism. It has to be noted that there are also different kinds of Salafists, and some are far less politically active. Many do not condone violence, but these are not the ones being discussed here.

No influential 20th century Muslim ideologue expressed the need to violently purify Islam to return it to its Salafist roots more clearly than Sayyid Qutb, the Egyptian school

teacher and member of the Muslim Brotherhood whose writings have inspired so many Salafists since his execution by Egypt's dictator, Gamal 'Abd al-Nasser (usually written as Gamal Abdul Nasser), in 1966. In his most famous text, *Milestones*, Qutb wrote in 1964 about the Salaf, the original followers of Muhammad this way:

This generation, then, drank solely from this spring and thus attained a unique distinction in history. In later times it happened that other sources mingled with it. Other sources used by later generations included Greek philosophy and logic, ancient Persian legends and their ideas, Jewish scriptures and traditions, Christian theology, and, in addition to these, fragments of other religions and civilizations. These mingled with the commentaries on the Holy Qur'an and with scholastic theology, as they were mingled with jurisprudence and its principles. Later generations after this generation obtained their training from this mixed [some translations say "corrupted" instead of "mixed"] source, and hence the likes of this generation never arose again [Qutb 2006].

What Qutb rejected as polluting was, first of all, the influence of classical Greek philosophy. But that infusion of classical Greek into Muslim thought played a key role in the golden age of Islamic science and philosophy in the Middle Ages. In fact, a substantial portion of the Greek philosophy that was transmitted to the West and contributed to the Renaissance came from Arab translations of the Greeks. Jewish and Christian theology was also deeply absorbed by Muhammad himself and is evident in the Qur'an. Persian institutions, literature, art, and even aspects of its pre-Islamic religion played an important role in shaping the early, great Muslim Empires, especially that of the Abbasids. It was the enrichment of all of these traditions that made it possible for Islamic civilization to reach the heights it attained from Spain to Central Asia, so rejecting them is a way turning one's back on all of that².

This rejection goes beyond a denunciation of the past. It also demands that Muslims reject the Western Enlightenment that has been the intellectual basis of modernization from the push for greater individual freedom to the creation of liberal democracy to the industrial revolution. How did this happen, and why, after at least two centuries, in some cases longer, in which various Muslim societies tried to catch up to the West by adopting some of that modernization, is such rejectionism catching on and actually going far beyond just the minorities who believe in violent Salafism?

The Historical Background

To answer this question we need to go back to some basic history. Some parts of Western Europe, including the United States, were transformed by the liberating ideas of the Enlightenment, its scientific revolution, and eventually the economic growth it engendered. They became the richest, ultimately the freest, and most powerful societies on earth [Mokyr 2004; Mokyr 2012]. Yet, even there, resistance was always present, at least since the time of the French Revolution. In some cases it took the form of a rejection of modern science, and even more widely, hostility to the rise of individual freedom and democracy [Montgomery, Chirot 2016, pp. 281–417]. Still, despite the need to constantly struggle, Enlightenment ideas took root and spread through much of the world.

² For a classical history of the flowering of Muslim high culture, see [Hodgson 1974, Volume I, pp. 410-472]. For the Abbasid period, see the more current book by A.K. Bennison [Bennison 2009, pp. 158–202].

The Enlightenment, however, has had a far harder time in the Muslim world, even if much of the opposition has not been as extreme as that of the violent Salafists who have been so much in the news since the late 20th century. Partly this can be explained by the fact that the Enlightenment was a Western, European invention, and so remains somewhat tainted everywhere else as a foreign imposition that often arrived as a companion of colonialism. That is not, however, a sufficient explanation because at least parts of the Enlightenment, and in some cases quite a bit of it have gained successful entry into some Asian societies, but also because a century ago, at the height of colonial European power, it seemed quite likely that this could happen among Muslim societies as well. There were distinguished Muslim thinkers who tried to work out a compromise that accepted modern, even partly liberal ideas and tried to blend them with religious faith [Kurzman 2002]. There were also secularist intellectuals who were even more eager to westernize their societies by adopting much of the liberal Enlightenment agenda. Yet, today such thinking appears less likely than ever to succeed in Muslim societies.

Given the much earlier flowering of Islamic high culture and science in Umayyad and even more in Abbasid times, why has there been so much resistance to the Enlightenment in modern Islam? There are several explanations for why this “golden age” of Islamic scholarship and science failed to continue and, in fact, had declined to a small rivulet by the 14th century. One account blames the enormous destruction brought by the Mongol invasions, in particular the siege of Baghdad in 1258, that led to a terrible sacking of the city, with many of its scholars massacred and its magnificent libraries and the famed House of Wisdom utterly destroyed. Modern historians, however, emphasize that other thriving portions of Islamic culture, such as Spain, were not affected [Huff 1995; Lewis 2001; Lewis 2002].

Another explanation focuses on the enormous influence of the Persian-Arab philosopher Abu-Hamid al-Ghazali (1058–1111). His exceptionally learned writing concluded that ultimately most of the Greek-inspired high Arab philosophy was unworthy except in very limited ways, since it could not be used to confirm the truth of Islam or to instill faith, but instead raised too many doubts. Hasan Hanafi, a noted contemporary Egyptian professor of philosophy has summarized his influence by writing: “...al-Ghazali launched a conservative revolution that stifled this (prior) pluralism and transformed Islamic culture and society according to an absolute and state-enforced doctrine” [Hanafi 2012, p. 72].

Still another idea for the decline of Islam’s “golden age” was the lack of social space for more neutral inquiry into nature, there being very few patrons and no corporate-type entities, such as universities, available to support any such extra-religious investigation. Finally, there was also the problem of translation, another key influence. The rise of scholarship and science in early Islam was directly fed by the great period of translation, drawing from Greek, Syriac, and, to a lesser extent, Indian sources. By the 15th century, this process was long over and the number of Muslims who knew both Arabic and Latin or any European vernacular was extremely small. To deal with the West they used refugees from the West, or minorities living in Muslims lands like the Greeks [Huff 1995, pp. 47–84; Lewis 2002, pp. 45–47]. There were almost no translations of western books until the 19th century so that Islam had essentially no knowledge of the European Renaissance or Scientific Revolution.

Though Islamic philosophy and even questioning the traditional religious orthodoxy did not stop entirely after the early 12th century, especially in the western part of Islam, which had developed a somewhat separate intellectual culture from that of Baghdad and Persia, it did slow to a trickle. The Spanish-Arab philosopher Ibn Rushd (1126–1198), known in Europe as Averroes, produced exceptional summaries and commentaries on the works of Aristotle, as well as Plato’s *Republic*. He further began what Spinoza and

others would later do in Europe by writing that some of the Qur'an was allegory, and not to be taken literally if it contradicted the truths arrived at by philosophical inquiry. Even a century later, there could still be great thinkers in the sciences, such as the polymath Nasir al-Din al-Tusi (1201–1274), who wrote a number of important works on mathematics and astronomy and even improved the Ptolemaic model of the solar system (without, however, placing the Sun at the center). But, overall, Ibn Rushd and al-Tusi came at the end of the great era of scholarship and science. In particular, Ibn Rushd's was a daring step that is strongly rejected by important Salafist thinkers to our own day, notably Sayyid Qutb. Ironically, his influence was limited in his own society in direct contrast to the enormous impact it had in Europe, where it helped revive scholarly interest in Greek philosophy and science [Hourani 2002, pp. 172–175].

The politics of the Islamic world in the early second millennium turned ever more against the kind of open intellectual speculation that had characterized the high point of Arab civilization. This happened as successive waves of tribal nomads conquered its centers and sought to legitimize themselves by allying with conservative urban *ulama* (literally, “people of knowledge,” learned legal scholars who are often influential leaders). These less educated, nomads, most importantly Turkic or in North Africa and Spain, Berber tribesmen, therefore imposed more puritanical, restrictive, and closed versions of Islam to show that they were good Muslims. There were, of course, periodic attempts to recapture the former openness. But typically, political authorities backed unquestioning faith against such speculation, as did the religious urban masses in the main cities [Gellner 1981, pp. 77–81].

Over the next centuries, as a great transformation took place in Europe with the Renaissance, the Reformation, and the Enlightenment, Islamic learning stagnated and ceased to innovate or absorb much outside learning. Even as original a thinker as Ibn Khaldun (1332–1406), the Tunisian-Arab statesman, philosopher, economist, and historian had no lasting influence. Like the great 15th century Renaissance Italian, Nicolo Machiavelli, Ibn-Khaldun broke away from explaining history in terms of divine influence, instead explaining it in terms of changing, human driven social structures. He also perceived that in his time the Europeans on the other side of the Mediterranean were making admirable and important advances in philosophy, whereas for most of the Muslim world until the 19th century there was very little interest in what Europeans were thinking and writing [Gellner 1981, pp. 86–90; *Ibn Khaldun* 1967, pp. vii–xiv; *Kuran* 2004, pp. 134, 137–138].

In the Ottoman Empire, which at its height in the 16th and 17th centuries ruled the entire Middle East, North Africa, and southeastern Europe, elites began to notice the growing disparity between their military technology and that of the more advanced Europeans. By the end of the 17th century the Ottomans, having suffered serious military reverses, were worried. They even turned to Ibn Khaldun's theories about why sedentary empires once built by vigorous nomads tended to get soft and decay to explain their problems, but they drew the wrong conclusion, thinking they should go back to their original vigorous ways instead of becoming more accepting of Western knowledge [Kasaba 2009, p. 65]. An awareness of this falling behind did not lead the Ottomans to an understanding that it was a gradual shift toward greater tolerance and open inquiry in a few western societies that was providing the impetus for greater innovation; it was not until the 19th century that attempts at reform would go beyond “... a search for the old forms that had been the underpinning of earlier Ottoman centuries.” Until then there lacked the will at the center to push for reforms that displeased the religious authorities and might be unpopular with most elites [Faroghi, McGowan, Quataert, Pamuk 1997, p. 640].

In general Islamic societies relied too much on stultified traditional schooling that discouraged original thought. Social customs were too strongly communal so that they

discouraged the individualism that could produce innovative entrepreneurial activity as opposed to more established ways of making money. Merchants in even the most commercial cities never gained the kind of political strength that they established in the leading Italian, Dutch, and later other Western cities. The guilds that used their political clout to restrict innovation and competition were able to prevent change [Kuran 2004, pp. 139–147].

Of course pressures against change existed in Western Europe, and in the agrarian kingdoms and empires throughout the world. What happened in Europe was that the combination of greater individualism, urban merchant independence, and a few openings for greater tolerance and intellectual speculation broke through such restrictions [Chirot 1985, pp. 181–195].

Islamic Modernism

By the start of the 19th century it had become clear to many Muslim thinkers that something had to be done to catch up to the West, and in the hundred years that followed this became ever more obvious as European powers took control of almost all of the Muslim world. Russia conquered Central Asia and the Muslim Caucasus. The British extended their rule over all of greater India, including its very large Muslim population, as well as taking over vast Muslim parts of sub-Saharan Africa, of Malaya, of the Persian Gulf emirates, and they gained effective control over Egypt and the Sudan. The Dutch extended their East Indies empire to include all of what is today Indonesia; the French conquered North Africa and those African Muslim territories not taken by the British. Italy seized Libya and parts of Somalia. After World War I the French and British divided up most of what had been left of the Arab portions of the Ottoman Empire. Only Turkey, Saudi Arabia, Iran, and Afghanistan remained independent, though the latter two, like theoretically independent Egypt, were actually dominated by Britain. This was such a humiliating, complete reversal of history, when Muslim power had rivaled the West, that it obviously required a reconsideration of the validity of traditional religious beliefs.

The most prominent Muslim scholar to attempt to modernize Islam was Jamal al-Din al-Afghani (1838–1898) who took the name al-Afghani to conceal the fact that he had been born as an Iranian Shi'i. In the Sunni part of Islam, which was some 90% of all Muslims, the writing of a Shi'i would have been less acceptable. Al-Afghani spent most of his career advising Sunni governments about reforming education, and trying to demonstrate that Western science and education were compatible with Islam. He was most active in India, Afghanistan, the Ottoman Empire, and Egypt, but he also spent time in Paris where he learned more about the West, wrote, and lectured. He tried to convince Muslims that the scientific, philosophical advances of earlier centuries were something to be proud of, and to which they needed to return. Also, he insisted that the West was a source of new knowledge that had to be accepted [Kurzman 2002, pp. 103–110]. In a speech he gave in Calcutta, India, in 1882, he said:

Philosophy is the science that deals with the state of external beings, and their causes, reasons, needs, and requisites. It is strange that our ulama read... [Afghani now cites a couple of orthodox, conservative Muslim scholars from the 16th and 17th century who were still being used to justify traditional rejection of 'philosophy'] ...and vaingloriously call themselves sages, and despite this they cannot distinguish between their left hand from their right hand, and they do not ask: Who are we and what is right and proper for us? They never ask the causes of electricity, the steamboat, and railroads [Kurzman 2002, pp. 105–106].

In 1883 Ernest Renan suggested in a public lecture that in the golden age of Muslim science it was Greek and Persian influence that had made the key contributions, and not the Arab tradition, and this had only succeeded because Islam as a religion was still relatively unsure of itself and weak [Renan 1883]. Once it felt more secure and strong, it rejected this cosmopolitan influence. Al-Afghani was then living in Paris and responded by agreeing with Renan that Muslim societies had indeed become scientifically backward, but countered that, after all, Christian societies had once been as well, and that it was entirely possible for Muslims to modernize. Al-Afghani wrote:

If it is true that the Muslim religion is an obstacle to the development of sciences, can one affirm that this obstacle will not disappear someday? How does the Muslim religion differ on this point from other religions? All religions are intolerant, each one in its own way. The Christian religion [...] has emerged from the first period to which I have just alluded; thenceforth free and independent, it seems to advance rapidly on the road to progress and science [...]. I cannot keep from hoping that Muhammadan [a term no longer used but acceptable until not so long ago] society will succeed someday in breaking its bonds and marching resolutely...after the manner of Western society [Kurzman 2002, p. 108].

It is not entirely surprising that al-Afghani was repeatedly expelled from the Muslim countries where he was serving as an advisor. However much he was renown, and some Muslim elites agreed with him, he sometimes sounded more like David Hume than like a pious Muslim. He claimed to be a true Muslim, but it is quite obvious why a later fundamentalist like Sayyid Qutb insisted on utterly rejecting the polluting influence of Greek and Persian influence and to condemn the long gone age of Islamic cultural ascendancy.

Al-Afghani was hardly unique. Charles Kurzman's collection of what he calls "modernist Islamists" from 1840 to 1940 includes a large number of intellectuals from throughout the Muslim world. Some were more religious, some less so, but all knew that something had to be changed if Muslims were to meet the competition from, and counter the aggressive colonialism of the West. All of them agreed that the point was not to reject Islam or religion, but to allow it to adapt. So why did the modernizing project fail?

By the 1930s, a bifurcation was occurring. The modernizing tendencies in Muslim societies were being captured by openly secular ideologies: nationalism, fascism, and socialism. On the other hand, there was a strong reaffirmation of conservative religiosity that rejected the need to imitate the West [Kurzman 2002, p. 26]. The Muslim Brotherhood was founded in Egypt in 1928 to promote conservative Islamic values and mobilize them to fight British colonialism. At the same time a very conservative brand of Wahhabi Islam consolidated its hold on Saudi Arabia with the unification of that kingdom by Ibn Saud in the 1920s and 1930s. After World War II, as it became rich from its oil, Saudi Arabia was able to send out missionaries and influence the growth of its own brand of Islam. Modernizing Islam did not die a sudden death. It survived and gained ground in Indonesia, where it allied itself to the anti-colonial nationalist cause, and it exists elsewhere [Hefner 2005]. But in its Middle Eastern heartland, the religious reformers lost ground.

After World War II Islam continued to lose more of its potential supporters to secular ideologies. Fascism was less openly admired, but various brands of socialism and communism combined with nationalism were on the ascendant. From the late 1940s to the late 1960s it seemed that the secular modernizers would triumph over religious conservatism, but they did not. Most of the secular modernizing projects, not only on the left but also more conservative ones, especially in the Arab Middle East, Iran, and Pakistan failed to honor their promises. Instead they delivered public evils — inequality,

corruption, oppression, poverty, and weakness in the face of Israel's own potent successes both economic and military. All of which opened the way for the rise of conservative Islam, including the rise of extremist Salafism which began to seem a viable option.

The Rise and Fall of Secular Nationalist Modernization

It is a tragedy for the Middle East's Muslim societies that secular modernization in most ways failed, except to a considerable extent in Turkey. This is most obviously the case for Arab societies, but could be extended to Iran and South Asia as well. In Southeast Asia and Turkey modernization and some form of secular reform did succeed to an extent, although even there the issue is not yet fully settled by any means and seems far less sure today than it did in the early 2000s.

As far as the Arab lands are concerned, modern nationalism was a reaction to British and French colonialism. After World War I, and into the 1940s, proponents of nationalism, most prominently Sati al-Husri (1882–1968), developed a pan-Arabic philosophy that proclaimed the need for all Arabs to unite into an anti-colonial, independent single nation. First in Iraq and then in Syria Husri, from the 1920s to the 1940s, was appointed to create school systems that taught its students to be pan-Arab nationalists and to reject European domination. Husri was inspired by German theories of nationalism that emphasized the unity of those with shared blood and language, and the need, first propounded by the German philosopher Herder in the late 18th century that each such nation deserved its own unified state. He also felt that even if most Arabs were Muslims, there were different kinds of Muslims, and also Christians who were Arab, and that common blood and language were more important than religion in the modern world [Dawisha 2003, pp. 49–74].

In Egypt and across North Africa as well, the Arab nationalism that stressed the need for some sort of unity and modernization in order to overcome the colonial power came from intellectuals trained in British and French ways, who were aware of European nationalism and eager to enlist their own people in their cause. Because the colonial period also saw the rapid growth of cities and an uprooted migrant population who could be mobilized in those cities, it was inevitable that anti-colonialism would ultimately unite a sufficient number of Arabs to throw out the Europeans. But this was only a first step. Liberated nations had to be made more prosperous and stronger. There was always tension between the pan-Arab ideologues and the more localized, particularly Egyptian forms of nationalism. Yet everywhere, new school systems, broader education, and anti-Western passions prevailed. After World War II, the rise of a Jewish Israeli state provided a further unifying pan-Arab common cause [Dawisha 2003, pp. 75–134].

In 1947 the Arab Socialist Ba'ath (Renaissance) Party was founded by three men: Michel Aflaq, a Damascus born, French educated Christian intellectual; his friend, Salah al-Din al-Bitar, a Sunni Muslim from Damascus, who had also been to the Sorbonne; and Zaki Arsuzi, a Syrian Alawite and one time Sorbonne student [Makiya 1989, pp. 185–189]. The Party was secular, multi-confessional, pan-Arab, and socialist (Alawites are an offshoot of Shi'ite Islam but combine elements of Islam, Christianity, and their own practices). Within a few decades, Ba'athists took power in Syria and Iraq. In Syria, an Alawite family, the Assads, assumed control in the name of this party in 1970. This family continues to hold on to power (albeit tenuously) in 2016. In Iraq, the Ba'ath first took over the government in 1963, and one of its members, Saddam Hussein, inspired by the writings of Aflaq, ruled from 1968 until he was overthrown by an American invasion in 2003.

Ba'athism was not alone. Gamal 'Abd al-Nasser, who led the overthrow of the corrupt Egyptian monarchy in 1952, and became Egypt's dictator from 1954 until he

died in 1970, espoused a similar socialist, nationalist philosophy and became a key rival of the Ba'ath for Arab allegiance. Sadly for Egypt, his ideas contained the same fatal flaws. The Ba'ath admired the Soviet Union, while rejecting Arab communist parties as not being loyal nationalists or sufficiently respectful of Islam. Nasser did the same, and differed from the Ba'ath chiefly because they both claimed to be the leaders of the Arab world, not because of significant ideological disagreements [*Makiya* 1989, pp. 250–253].

It was not just in Egypt, Syria, and Iraq that socialism became an ideal. The entire Third Worldist movement in Africa, Asia, and Latin America was enraptured by its promise. This was true whether the light shone on Maoist China, the Soviet Union, or the more nuanced version practiced by Tito in Yugoslavia. But in practice, what Third World regimes did was to nationalize some of the more efficient parts of their economies against the will of many of their people, turning over state enterprises and purchasing boards to inept, corrupt bureaucracies. The results typically were economic stagnation and falling legitimacy, which necessitated greater repression to keep the regimes in power. If Iraq could temporarily escape this problem because of its oil wealth, Syria, Egypt, and most other Third World cases could not. From the start all these movements believed that a revolutionary elite deserved to run affairs, and it was counterproductive to have real elections. Nasser once said that the Egyptian masses were “a caravan lost on a wrong path” so that “it is our duty to lead the convoy back on the correct road [...to] allow it to keep on its way” [*Malley* 1996, pp. 102–103].

The ultranationalist side to the new philosophy, at least in Egypt and the Ba'athist countries, led to militarization and an aggressive posture toward Israel, which could be used as a rallying cry. This encouraged a series of wars with Israel, most dramatically the 1967 war that humiliated Nasser after his braggadocio about how well he had prepared Egypt for this confrontation was exposed as a fraud. The problem was that Arab armed forces were run by the same corrupt and inept political allies of the dictators as the ones who were in charge of economic matters. They were good at suppressing internal dissent by mostly unarmed civilians, but not up to the task of facing a modern army and air force [*Ajami* 1981].

Failures made all these regimes increasingly brutal and repressive, as this was the only way to stay in power. That opened the gate to something very different from what the secularizing modernizers had wanted. It became clear, in short, that these modernizers failed to appreciate the religiosity of their masses, and did not have a way to satisfy their people's material aspirations either. They could mobilize their nationalism, but even that yielded poor results. It did not take long for Islamic religious fervor to grow and expand in rejection of the corrupt, oppressive, and religiously impure dictatorships [*Malley* 1996, pp. 204–249].

It needs to be emphasized that Iran's explicitly anti-socialist and increasingly anti-Islamic modernization efforts led by its authoritarian Shah (“King”, though he called himself the “King of Kings”) was no more of a success. On the contrary, the Shah's modernization from above that benefitted a relatively small elite and infuriated the larger part of his population who remained devout also proved to be a disaster. In a sense, as it began to bear fruit in producing a modernizing middle class, the Shah's boastful, expensively wasteful, repressively militaristic regime and nasty secret police that persecuted those who wanted more democracy alienated that very middle class that should have been his natural supporter. When the Shah was overthrown, it was the religious Shi'ite establishment, led by the noted Muslim conservative scholar and theologian, Ayatollah Ruholla Khomeini (1902–1989) who took power [*McDaniel* 2014; *Keddie, Richard* 2006].

Other similar failures led to the rise of extremist Muslim political forces as well, even where they were unable to seize power. In Algeria, the 1990s saw a terrible civil

war between the corrupt military establishment and radical Islamists who had gained strength from the failures of the regime. In Pakistan, repeated bouts of inept military rule, defeat in wars against India, failing government services, huge inequality, and massive corruption, also fed religious extremism among those who felt that the promise of modernizing nationalism had failed [Malley 1996; Talbot 2012]. Even in relatively successful Tunisia, an authoritarian and increasingly corrupt secular dictator wound up being overthrown, and in the most secular, most advanced Middle Eastern Muslim nation, Turkey, the flood of new rural and devout immigrants into the cities set the stage for the electoral victory of an Islamist party that began as moderate but has turned ever more authoritarian and religiously conservative [Owen 2014; White 2014].

The rise of religious extremism, therefore, has many causes. But at the heart of it all is the fact that after more than a century and a half of attempted religious reforms, various experiments in modernization, the rise and fall of secular nationalism (socialist or not), and boastful claims that success was at hand, the main goals had not been achieved. Few of the Muslim economies have been able to find employment for their huge number of youth. None could claim to have come close to catching up to the more advanced West, or in the case of Middle Eastern Arabs, to the hated Jewish Israel. Even in the most successful Muslim societies, notably Turkey and Malaysia, conflict between secularism and Islam is very far from resolved, and the trend is toward more conservative Islamism.

The wealthy Arab oil states on the Persian Gulf have only managed a very superficial modernization. Their oil wealth allows them to hire enough foreigners to build modern infrastructures and cities, but their economies are fragile and their power ultimately depends too much on support by the United States. Saudi Arabia, the only real power in that region, has used its wealth to spread its own form of Salafism throughout the Muslim world, thereby greatly increasing the attraction of extremist fundamentalism [Jones 2010].

The Rise of the New Salafism: From Modernism to Qutb and al-Qaeda

A pre-modern starting point for twentieth century Salafism is the writing of Ahmad Ibn Taymiyya (1263–1328), who lived in Damascus at a particularly troubled time. Islam had suffered the biggest defeat in its history at the hands of the Mongols, who, even after converting to Islam, were still viewed as foreigners and outsiders. They had conquered Muslim Persia and destroyed the last of the Abbasid Caliphate in Baghdad. Egypt and Syria had been taken over by the Mamluks, slave soldiers used by the Arabs consisting mostly of Turkic mercenaries from Central Asia and others mercenaries from around the Black Sea. Seeking religious legitimacy, they enlisted the urban populations, whose Islam was conservative and relatively purer than that of the rural peasants. They were also the first Muslims to defeat the continuing Mongol expansion, and eventually they drove out the remnants of the Christian Crusaders who were still clinging to the coasts of Palestine. Ibn Taymiyya reacted to all this by insisting that only a very pure, original form of Islam should be practiced in order to restore Muslim greatness, and that anyone, including rulers, who did not adhere to this prescription was not a true Muslim, and therefore evil. By the 20th century neither the Mongols nor the Mamluks were much of an issue, but the Crusaders in the form of the intervening European (and later American) powers, were very much around. Ibn Taymiyya's texts were therefore found to be of great use by the modern Salafists, chief among them Sayyid Qutb, and an Indian-Pakistani Muslim admired by him, Sayyid Abul A'la Mawdudi (1903–1979) [Toth, Qutb 2013, pp. 64, 70, 195–96, 306 (note 32); Euben, Qasim Zaman 2009, pp. 79–85].

It is not, however, possible to draw a straight line from Ibn Taymiyya to modern times, even if his writings were an inspiration. It took the 20th century record of repeated failures by secular modernizers to give greater visibility to the Muslim thinkers who had never accepted modernism. Their calls to return to the purifying theology of the past could then sound promising to younger Muslims seeking a way out of their societies' weaknesses and domination by the West.

The Increasing Importance of Urban Islam

Ernest Gellner's analysis of modern Algeria offers a sociological explanation of the changes that have occurred in Islamic societies [Gellner 1981, pp. 149–173]. For a very long time the heart of the more learned, purer form of orthodox Islam has been urban. Rural societies, including both nomadic and peasant ones, tended to be follow the leadership of various local saints and preachers whose religious leadership was often unorthodox, or based on local beliefs and practices that overlapped with tribal allegiances and held communities together, but were not more widely acceptable. As noted above it was common for conquering tribal federations of nomadic origin or slave mercenaries with no inherent legitimacy of their own to become rigorously orthodox in order to buttress their appeal to a wider constituency, including the urban centers they needed to control. Islam has always had great respect for scholars, so that exceptionally persuasive learned men could sway even illiterate rural tribesmen. In fact, many of the most successful religious brotherhoods were started by men who had studied in leading urban centers of knowledge, and then gone back to rally more rural tribesmen to their cause while also converting them to greater orthodoxy. This pattern created a permanent tension in the Islamic world between the more and the less orthodox practices as well as between the purer versions of urban centers and more parochial, tribal forms.

Since the start of the 20th century, a basic demographic change has occurred to alter this ancient dichotomy. What were once mostly rural societies have become far more urban as rural migrants have been drawn in by the greater job and mobility opportunities available in cities. And what was once widespread nomadism has drastically shrunk as it is a way of life no longer viable in the modern world. Thus, as Islamic societies have urbanized, the more rigorous, orthodox kind of Islam has become more dominant than ever. This has occurred at the very time that secular modernization in most Muslim societies seems to have failed. It has come when the West, first Europe, then America and its perceived client state of Israel, have risen to be far richer and more powerful than Muslim states. The closer we get to the present, the more the hallmarks of these states, from sub-Saharan Africa to Pakistan, came to include widespread urban youth unemployment, economic frustration, and a kind of stifling stagnation.

The Wahhabi Anomaly

After the attacks of September 11, 2001, it came to the attention of the world that 15 of the 19 terrorists involved were from Saudi Arabia. This was where the prevailing Muslim doctrine was inspired by an 18th century Arab scholar and politically active, puritanical Salafist preacher, Muhammad Abd al-Wahhab (1703–1792). At the time, the royal family of Saudi Arabia were local chieftains, whose leader, Muhammad

bin Saud, formed a pact with al-Wahhab to take control of most of Arabia and establish the first Saudi state, which would bend to the spiritual zeal of Wahhabist teachings. Despite future struggles, a close relationship with Wahhabist beliefs and practices has since persisted to the present day. Saudi leadership was contested during the 19th century by Egyptian and Ottoman rulers and lost some of its influence. Yet, under the leadership of Abdulaziz Ibn Saud (1876–1953), the family fortunes revived and most of Arabia was reconquered, leading to the establishment of the present Saudi kingdom in 1932, with Wahhabism as its official religious doctrine. Given that this doctrine has ruled Saudi spiritual life ever since, while the country has remained a dynastic kingdom (since Ibn Saud's death in 1953, rule has passed to several of his sons in succession), the association of Islamic terrorism with Wahhabism remains plausible [Jones 2010].

The reality, however, is more complicated. Some analysts, for example Natana DeLong-Bas 2004 have pointed out that Wahhab's actual writings are not nearly so bloodthirsty as the version of Islam that guided Osama bin Laden and his al-Qaeda terrorists, and that, in any case, the 18th century puritanical call for a return to the fundamental practices of early Islam had little or nothing to do with the West. Wahhab himself railed against Ottoman corruption and laxness (with more than a little justification), not against Europeans. Indeed, the aim that most energized the original Saudi campaign was to drive Ottoman influence from the holy cities of Mecca and Medina. Wahhab's reformism was in fact part of a whole set of similar Reformation-type movements across the Muslim world, from West Africa to Java in the East Indies, in the late 18th and early 19th centuries that came in response to a perception that Islam was drifting away from its original purity [DeLong-Bas 2004; Robinson 1982, pp. 118–119].

This reformist wave was not the first in Islamic history. There had been others in the past. The 9th and 10th centuries had seen the rise of the Hanbali legal tradition that established the most severe of Islam's jurist schools and to which Wahhab himself belonged. There were many other cases, as well, ranging from the Almohad Caliphate in Morocco and southern Spain in the 12th century, to the Mughal Emperor Awrangzeb, who turned to the Naqshbandi order emphasizing greater purity of Islam in 17th century India [Hodgson 1974, Volume II, pp. 269–271 and Volume III, pp. 93–98]. In almost all cases, as with Wahhabism, fundamentalist scholars and preachers sought to lead puritanical reform movements, denouncing Muslims who had become lax or had absorbed more tolerant non-Islamic traditions. None of these particular examples were modern responses to the rise of the West. But by the early 19th century, the larger situation was rapidly changing.

At this point, Wahhabism was already somewhat out of touch. Still focusing on less pious Muslims, its leaders had failed to realize that the major challenge to Islam was now European expansion, which could, and did lead to the colonization of almost the entire Muslim world. Indeed, some of the more sophisticated reform movements of the time were much more aware of this new development. By the early 20th century, Wahhabism was even more of an anachronism, especially as it was practiced in the Saudi kingdom [Hourani 2002, p. 349]. Had it not been for the subsequent discovery of oil in the kingdom, and the enormous amount of money that it provided the royal family, it is likely that a version of Wahhabism would never have become a global phenomenon influencing Muslims everywhere.

Yet, though current Wahhabi religious leaders may claim they are pure traditionalists, what they practice is no longer the original version. It is something much newer and modern, dating from the second half of the 20th century and grafted on to traditional Saudi Wahhabism in a most curious way. In this transformation, the writings of Sayyid Qutb and other extreme Salafist texts have been influential. How Qutb, and other modern

versions of Salafism have come to exercise so much power over the minds of so many Muslims is the real story of how violent anti-Westernism and anti-modernism have flourished. Before we turn to this subject, however, a bit more needs to be said about the contemporary form of Wahhabism. For this, Gilles Kepel's analysis is exceptionally enlightening [*Kepel* 2004, pp. 152–196].

When Ibn Saud conquered most of Arabia after World War I, his kingdom was a heterogeneous collection of many tribes and diverse versions of Islam. To western eyes, this diversity may seem unexpected, even striking; it shows, however, the degree of variability in Islam as interpreted by different social groups up to modern times. In Saudi Arabia, it ranged from more open, cosmopolitan and tolerant forms in the Hijaz (along the Red Sea Coast and including the holy cities of Mecca and Medina), to the severe orthodoxy of the Najd (the center of Arabia and the home of the Saudis), to the Shi'ite northeast (considered heretical by Wahhabis), and finally to the less strict and, especially with respect to women, less restrictive forms practiced by many Bedouin nomadic tribes. For the sake of national unity, the Saudis imposed their own strict orthodoxy throughout the kingdom, giving free reign to the Wahhabi *ulama*, at least up to a point. Ibn Saud did have to repress an uprising by the most extreme Wahhabis who objected to his relations with the British helping to finance his conquests. But he regained favor by giving the *ulama* control over education and higher learning in the kingdom and imposing most of the puritanical rules they insisted on. After World War II, British influence was replaced by America and its oil companies that opened up the huge Saudi fields. As oil money started pouring in, the royal family gave ever more funding to the *ulama* in order to maintain their own legitimacy that was increasingly tainted by their ever more lavish life style and dependence on American support. The Saudi state encouraged Wahhabi missionary activity throughout the Muslim world, partly in order to keep its most activist Islamists busy outside the Kingdom, but also to support more conservative religiosity throughout Islam. Saudi Arabia also allowed the entry of Salafist Muslim scholars who were fleeing repression in the secularizing Arab states, particularly those ruled by Egypt's Nasser and the Ba'ath. This included Muhammad Qutb, the brother of Sayyid Qutb who became a respected and influential professor of Islamic theology after his brother's execution. This also suited the Saudi rulers whose greatest fear from the 1950s to the late 1970s was that their monarchy would be overthrown by Third Worldist revolutionaries who had taken power in other Arab countries. Devotion to strict Islam was seen as the best counter strategy.

The result was a new form of Wahhabism, stricter still, far more anti-modern, and now deeply anti-Western. In 1979, when radical Islamists briefly took over the Grand Mosque in Mecca, the main site for the holy annual pilgrimage, killing many worshippers and security forces, they had to be crushed in an extended, bloody confrontation that lasted two weeks and ended in the beheading of 63 surviving militants. This finally woke up the Saudis to the danger they had created. But by then, the situation was no longer what it had been in the earlier days of the Kingdom. A rapidly rising urban population, youth unemployment, and growing inequality, combined with the power conservative clerics held over Saudi education all contributed to creating a radicalized reactionary Islamist constituency. Even now, almost forty years later, a portion of the Saudi elite has not come to terms with what these policies have fostered and subsidized, nor quite how precarious they have helped make their entire monarchical system [*Jones* 2010, pp. 236–244]. Be that as it may, the many missionaries, the subsidized mosques, and the financing of Salafist converts throughout much of the world, including in certain Western countries with Muslim immigrants, have done their work implanting the neo-Wahhabi, anti-Western synthesis throughout a great many Muslim communities.

From Puritanical Reform to Rejection of Modernity

Third World anti-imperialism and anti-Westernism was a growing movement that became the basis for nationalist, socialist, and frequently anti-Israeli sentiment throughout much of post-colonial Africa, Asia, and parts of Latin America. The puritanical, violent version of Salafism became a religious version of the same sentiments, though it naturally completely rejected secular ideologies. Again it is worth looking at Sayyid Qutb's writings because they expressed the essence of this neo-traditional Salafism after he became associated with the Muslim Brotherhood at the start of the 1950s.

The Muslim Brotherhood, founded in 1928 had grown beyond Egypt, especially after World War II when branches were established throughout the Arab world. The founder, Al-Bana, was murdered by Egyptian government agents in 1949, but his program to use Islam as a source of unity against Western colonialism continued to spread. Qutb took this farther by saying that not only supposedly Muslim Egypt but all existing Islamic societies were steeped in *jahiliyya* (a term originally used to describe Arabs before Muhammad who were ignorant of the true faith). Therefore, Muslim societies were no longer following the correct way because they ignored the true faith. They had to be reconverted. While Qutb became a leading promoter of the Brotherhood's ideas, he moved ever more toward its most radical segments, as opposed to the more moderate side that preferred compromise with the authorities [Calvert 2010].

Israel, since its victory against combined Arab armies in 1948 now occupied an important place in Qutb's thinking. In order to justify his increasingly visceral hatred of Jews, Qutb turned to a part of the Qur'an that told the story of how Muhammad, after his flight to Medina, had become an ally of prominent Jewish tribes there, but then turned against them when they betrayed his trust. These Jews were therefore condemned as hypocrites and traitors whose men had to be exterminated. This was part of what some analysts have called Qutb's ever more "paranoid" thinking [Calvert 2010, pp. 165–171].

In his most widely disseminated work, written near the end of his life, Qutb insisted that modern science and technology were acceptable, even if invented by the impure West, but not if taken to the point of trying to explain the origins of life and the universe, and certainly not if science were to be used as philosophy to expound on morality and the meaning of culture. To do so would deny God's role and inject materialist thinking into what ought to remain the proper domain of Islamic worship. Attempts to use Western science to impinge on religious faith and Islamic culture were a deception meant to weaken Islam. He wrote:

...this statement about culture is one of the tricks played by world Jewry. Whose purpose is to eliminate all limitations, especially the limitations imposed by faith and religion, so that Jews may penetrate into body politic of the whole world and then may be free to perpetuate their evil designs. At the top of the lists of these activities is usury, the aim of which is that all the wealth of mankind end up in the hands of Jewish financial institutions which run on interest [Qutb (n.d.), p. 111]³.

It was not just Jews who were to blame, but all of Western thinking. Here, Qutb's mistrust of what was an essential part of the Western Enlightenment, particularly the cultural liberalism that allowed free thinking about the origins and meaning of life and the universe, not to mention skeptical examination of religious dogma, was not

³ This is a different edition than [Qutb 2006]. There are many versions that are almost identical but have some slightly different choice of English words in the translations from Arabic.

particularly unique. As Paul Berman's examination of anti-liberalism in the modern world has suggested, Qutb's views were consistent with all of the totalitarian, violent movements, religious or not, that existed in the 20th century. Qutb's version rejected atheistic communism, but also Western democracy because, "[It] restricts God's domain to the heavens [...]. Freedom in a liberal society seemed to Qutb to be no freedom at all. That kind of freedom was merely one more expression of the hideous schizophrenia – the giant error that places the material world over here, and God over there" [Berman 2004, pp. 80–81]. In that sense, Qutb's dissatisfaction with the liberal separation of church and state was not very different from that of a good many religiously conservative Christians and Jews who have viewed such separation as contrary to scripture; however, by phrasing his hatred of the West, of Jews, and of Enlightenment liberalism in pious Muslim, Qur'anic terms, Qutb's writings appealed directly only to discontented Muslims and portrayed Jews and Christians as enemies.

In *Milestones* and the much longer, multi-volume textual analysis of the holy book, *Under the Shade of the Qur'an*, Qutb ascribed Islam's failures to an improper or insufficiently careful reading of the Qur'an. Thus, not only the West, but also existing Muslim state institutions, including Egypt under Nasser, had to be combatted. Muslims had to return to the pure faith of the founder and his immediate followers. There should be freedom to choose the proper faith, he wrote, and if illegitimate restrictions were removed, all would naturally do so. In other words, he advocated freedom of choice only if the right choices were made. Therefore, it was right to destroy those who stood in the way, which turned out to be those who disagreed with pure Islam. Nor was it necessary to use centuries of scholarly accretions to the faith, especially those parts influenced by impure outside sources such as Greek or more recent Western philosophy. Return to the basic text, he wrote, and every Muslim, not just an educated elite, would understand what needed to be done. No political system or material power should hinder the way of preaching Islam, and any that do should be destroyed. Enemies of Islam have to be either killed or else submit and relinquish power of any kind. This, Qutb said, was the true meaning of *jihad*, not the weak version that claims it should only be "defensive war," much less the mere struggle by individuals to attain a higher level of faith and morality [Qutb (n.d.), pp. 40–41, 57].

Why did this become so appealing to so many? Because, for a true believer, the rightful order of the world had been overturned. "Crusaders" and "Zionists" had taken over. The Qur'an, while it certainly has anti-Jewish and anti-Christian passages, also prescribes tolerance for those who pay a special tax and submit. Qutb did not disagree, and insisted that Islam should not be forced on others as long as they were free to convert, or if not, agreed to submit. For most of Islam's history, the majority of Christians and Jews under its various empires and kingdoms were indeed tolerated, but only as long as they remained submissive [Cohen 1994]. Since the 19th century, however, Christians had ruled Muslims and dominated them, and the once subservient Jews had created a powerful state in the middle of the Arab world. This should not have happened; it was nothing less than a violation of what the Qur'an had called for. Seeking an explanation from within his ever more radicalized faith, Qutb could only assume that what had gone wrong was part of a gigantic world plot that God had allowed to play out because His true believers had lost their way.

Had the more secular Third Worldism of Nasser and the Ba'ath worked, Salafism would have continued to exist, but not as such a widespread phenomenon, and Qutb's influence would never have become so widespread. But secular modernization did fail, and even among the Muslim majorities that reject the most violent forms of Salafism, there is widespread acceptance of the notion that a return to original Islamic based on interpretations of the Qur'an is required to recover righteous government.

A 2016 Pew Research Center survey found that 78% of Pakistanis believed that their laws should strictly follow the Qur'an's teachings and 16% believed that they should somewhat follow these teachings. In Jordan 54% believed in strictly following the Qur'an in determining Jordanian law and 38% somewhat. In Indonesia these numbers were lower with 22% wanting a strict adherence to the Qur'an and 52% only somewhat. In Turkey those numbers were 13% and 38%, but in Senegal 49% wanted their law to be strictly Qur'anic and 33% somewhat. One of the findings of this survey was that on the whole the more educated people were in these countries, the less likely they were to think that the Qur'an should determine the legal system [The Divide Over Islam 2016]. Needless to say, this does not mean that all those who think the Qur'an should guide their legal systems support violent jihad, but it does suggest that there is a deep skepticism about relying on secular law, one of the fundamental building blocks of the liberating power of the Western Enlightenment. This shows up as well in the growing trend in Muslim societies to reject the idea that biological evolution has shaped life on earth [Hameed 2008, pp. 1637–1638].

Of course we should remember that two-thirds of white American Evangelical Protestants (but only 15% of other white Protestants and 50% of African-American Protestants) believe that God put humans on earth as they are now and that evolution had nothing to do with it. 43% of American who call themselves Republicans also believe this [Public's Views on Human Evolution 2013]. Not surprisingly, many of those evangelicals and Republicans reject a good bit of modern science and many of the liberal positions of the Enlightenment too.

When Sayyid Qutb was hanged on Nasser's orders because his writings had inspired Muslim Brotherhood rebellion against the dictator in 1966 he became a holy martyr to his cause. An extraordinary video of a serene Sayyid Qutb, looking calm and almost saintly, being led to his execution is available on YouTube. He was a small, quiet, sickly man dressed in a western suit and tie, with large ideas that have gained a huge following. That Egypt's army was utterly defeated a year later by Israel must have come as no surprise to those convinced that Qutb was correct in labeling Nasser a *jahili*, a corrupted, ignorant, and inauthentic Muslim who was more like the evil biblical pharaoh portrayed in Exodus than a righteous leader of an Islamic people [Kepel 1993].

When Qutb was executed the news deeply affected a 15 year old Egyptian middle class boy named Ayman al-Zawahiri. This boy became a medical doctor and one of the leaders of a very radical Egyptian Islamist group dedicated to the violent overthrow of the secular regime in power. Eventually he joined Osama bin Laden in Afghanistan to help in the war against the Soviet Union's occupation force and its Afghan communist allies. Together, they ultimately founded al-Qaeda ("the base") and, after a series of other bombings and killings, plotted and organized the dramatic attacks against the United States on September 11, 2001. In all this, Zawahiri, the more scholarly and intellectual of the two, continued to be inspired by Qutb, except that the repeated failure of domestic plots in Egypt and Saudi Arabia convinced him that the war had to be carried abroad to weaken the Western defenders of corrupt Muslim political elites who would fall if not supported by the Americans. The intent was to frighten the United States into abandoning the Middle East after which these corrupt regimes would more easily be destroyed [Kepel 1993, pp. 70–107].

After Osama bin Laden was killed by American military action in 2011 while he was being hidden in Pakistan, Zawahiri, who is still securely in Pakistan, became the leader of al-Qaeda. Despite massive American intervention in wars in Iraq and Afghanistan, and continuing pursuit of al-Qaeda supporters in Pakistan, Yemen, Somalia, Libya, and other places, the organization has survived and been skillfully guided into spreading its influence throughout much of the Muslim world. It seeks alliances, and provides

doctrinal and some logistical guidance for radical Islamists in West, North and East Africa, in the civil war in Syria, for Sunni extremists in Iraq and Yemen and elsewhere in the Middle East, in Pakistan and Afghanistan, and to a lesser but still important degree in Muslim Southeast Asia. It also has served to inspire alienated radicalized Muslim immigrants in Europe [Pargeter 2013].

Qutb was not the only major intellectual Salafist figure, and despite his increasing posthumous visibility, most of his ideas have been contested. Many Islamists decry the extremism he advocated, and there have been other influential theorists. But the clarity, powerful simplicity, and sincerity of his credo captured the essence of the resentment, anger, and need for action people felt. His justification of violent jihadism remains as relevant and inspirational as ever. Nor should we forget that Qutb led what can be celebrated as an exemplary, clean life unencumbered by any hint of self-seeking or devious political maneuvering. The way he was martyred for his writings further contributed to his becoming the most cited of all Islamist theoreticians by radical Salafists worldwide [Filiu 2011, pp. 70, 136].

The Desperation of Apocalyptic Salafism and the Future of Islamic Extremism

Even a casual traveler who has been visiting Muslim societies ranging from West African countries such as Niger or Senegal, to Egypt or Turkey in the Middle East, or further east to Bangladesh and Malaysia will observe that an increasing number of women are veiled, reversing the mid-20th century trend in the other direction. More dramatic is the notable increase of extremist assaults in many Muslims societies on religious minorities and also on Muslims who are not strict followers of their version of Sunni Salafism. All too frequently now governments are afraid to crack down, and in some instances, they willingly join in persecuting both religious minorities and Muslim voices of moderation by accusing them of blasphemy⁴.

The spread of violent Salafist extremism does not, however, help with the problems they face. They remain a distinct minority among Muslims no matter how many adherents and sympathizers they attract. Even more seriously they cannot solve, or even begin to solve, the problems of either majority Muslim societies or of large diasporas living in the West. When the Taliban took over Afghanistan, their puritanical fanaticism made life unbearable for many Afghans, not only women but also those who enjoyed a more modern way of life in cities or among rural populations that wanted peace and security, not endless puritanical fanaticism. Taliban rule doomed Afghanistan to continued backwardness and poverty [Rashid 2010, pp. 211–216]. Despite this, as we all know, the Taliban have recovered from the defeat inflicted on them by America's invasion in 2001. They continue to be a credible force in Afghanistan because of Pakistani support, but mostly because of the corruption and incompetence of the American supported governments that replaced them after the invasion. Nor have the Americans helped the situation with what amounts to a bungled occupation [Chayes 2015, pp. 3–66]. If the Taliban regain control of Afghanistan, or any other area, it will not be possible for them to do much better because their ideology is deeply at odds with progress. Unfortunately this does not prevent them from remaining effective in the fight against infidel outsiders and inept, corrupt domestic government forces. The disarray and failures of the struggle

⁴ A sample of examples can be found in the following *New York Times* (NYT) articles: [Roger 2012; Anam 2015; Searcy 2015; Youseff, Walsh 2016; Gall 2016; Manik, Najjar 2016; Shane 2016; Masood 2016; Sweis, Baker 2016]. Many more examples can be found at the NYT and many other news sources.

against violent Salafist jihadists in Afghanistan, and also in Iraq, has only intensified the widespread sense among many Muslims that some sort of religious extremism may be the only way to escape growing chaos, insecurity and to fight off foreign intervention.

What happened after the American intervention in Afghanistan, and much more so after the invasion of Iraq in 2003 was that many Muslims became convinced that the West, led by America, was waging war against their faith. The rage of those most affected by America's blundering and murderous occupation of Iraq, its large Sunni minority that was suddenly stripped of its previously dominant role, fed directly into the rise of what has come to be called ISIS.

Led by Abu Mus'ab al-Zarqawi, who hated the Shi'ite Muslim majority in Iraq as much as he loathed the Americans, an offshoot of Al-Qaeda began a campaign of murder and mayhem. Zarqawi himself was killed by the Americans in 2006, but his movement survived [*McCants* 2015, pp. 7–15].

The ideology of Zarqawi's followers developed in a distinctly new way that departed from both al-Qaeda and the theories of Sayyid Qutb. They tapped into an apocalyptic tradition in Islam that had been present for a long time, but until fairly recently was not widespread. This saw the catastrophes befalling Islam as a prelude to the end of days that would be marked by a great, final battle and the return of a savior who would usher in the end of the world. This apocalyptic vision will be familiar to many Christian evangelicals who believe exactly the same thing, and in fact the Muslim version also has Jesus Christ returning to earth. According to the Islamic variation Jesus has been completely misinterpreted by Christians and will actually come back to destroy Christianity as well as the evil Jews who are the source of the greatest evil on earth. This apocalyptic vision, however, has hardly been limited to Iraq but has now spread widely in the Middle East as disorder, continuing economic failure, division, and violence seemed indeed to presage the coming end of days [*Filiu* 2011; *Akyol* 2016].

A Pew Research Center survey in 2012 found that 68% of Turks, 62% of Muslim Malays, 83% of Afghans, 72% of Iraqis, 67% of Tunisians, and 51% of Moroccans believe that the Mahdi (the messianic 'divinely guided one') will return soon to usher in the end of days. In other Muslims countries lower, but still very significant numbers believe this. 41% of Jordanians, 40% of Egyptians, 29% of Bangladeshis, and 23% of Indonesians think the same thing. A similar pattern exists in Central Asia, and it is interesting to note that among Russian Muslims 27% share this apocalyptic belief. The proportions are lower in Muslim parts of the Balkans, but still include between 10% and 20% of those populations [*The World's Muslims* 2012, pp. 8–9].

The failure of the Arab Spring that began in 2011 and collapsed into new dictatorships and civil wars except in Tunisia increased this sense that the end was nigh. This pervasive belief became the basis for the establishment of the Islamic State in Syria and Iraq as Zarqawi's followers launched the project to establish a new Caliphate that would inherit the world and bring about the necessary conditions for the final battle to be waged, as it happens, near Aleppo in Syria. The chaos in Iraq and Syria allowed them to establish exactly such a state, which is generally called the Islamic State in Syria and Iraq, or ISIS. While its extraordinary viciousness and incapacity to provide anything close to a decent life for those under its control doom ISIS to defeat on the ground, the idea behind it, and its metastasizing branches from Northern Nigeria, Libya, Afghanistan, Pakistan, to Muslim diasporas in Europe suggest that the phenomenon is not going to go away. What may seem to many Western observers to be mindless violence is actually a well thought out program to hasten to arrival of the apocalypse [*Wood* 2015]. As ISIS loses ground in its Caliphate in Syria and Iraq it is successfully recruiting new supporters through the internet who will use violence and skillful propaganda to remain very dangerous for a long time [*Schmitt* (1) 2016; *Schmitt* (2) 2016].

Unfortunately, the social basis of this disaster has no obvious immediate cure. Muslim societies have made adaptation to the modern world all the more unlikely because of their turn to more radical forms of Islam. Post-colonial secular modernization failed. Moderate Islam reformism promises no solutions and is a weak, divided ideological force. Obviously most Muslims do not welcome the violence, repression, and continuing misery imposed by the radicals, but the underlying frustrations that have led to the rise of extremism are farther away from being solved than ever. So significant minorities will condone the extremists, and some proportion among these will join the ranks of the most active participants in a fruitless quest to impose their ideas of religious war on the world. American and other Western intervention may kill many, but only at the cost of perpetuating the notion that the West is waging a war against Islam that can only be fought by the most violent jihadists.

The trend from reform minded Islam in the early 20th century, to the Muslim Brotherhood, and then to its more extreme version preferred by Sayyid Qutb, to al-Qaeda's terrorism, and most recently to ISIS's apocalyptic bloody mass cruelty suggest that it will get worse before it ever gets better.

References

- Ajami F. (1981) *The Arab Predicament: Arab Political Thought and Practice since 1967*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Akyol M. (2016) The Problem with the Islamic Apocalypse. *New York Times*. October 3, 2016. Available at: <http://mobile.nytimes.com/2016/10/04/opinion/the-problem-with-the-islamic-apocalypse.html>, accessed 31 October.
- Anam T. (2015) Bangladesh on the Brink. *New York Times*. November 4, 2015. Available at: http://www.nytimes.com/2015/11/05/opinion/bangladesh-on-the-brink.html?rref=collection%2Fcolumn%2Ftahnima-anam&action=click&contentCollection=opinion®ion=stream&module=stream_unit&version=latest&contentPlacement=6&pgtype=collection, accessed 31 October 2016.
- Bennison A.K. (2009) *The Great Caliphs: The Golden Age of the 'Abbasid Empire*, New Haven: Yale University Press.
- Berman P. (2004) *Terror and Liberalism*, New York: W.W. Norton.
- Calvert J. (2010) *Sayyid Qutb and the Origins of Radical Islam*, New York: Columbia University Press.
- Chayes S. (2015) *Thieves of State: Why Corruption Threatens Global Security*, New York: W.W. Norton.
- Chirot D. (1985) The Rise of the West. *American Sociological Review*, vol. 50, no 2, pp. 181–195.
- Cohen M.R. (1994) *Under Crescent and Cross: the Jews in the Middle Ages*, Princeton: Princeton University Press.
- Dawisha A. (2003) *Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair*, Princeton: Princeton University Press.
- DeLong-Bas N.J. (2004) *Wahhabi Islam: From Revival and Reform to Global Jihad*, New York: Oxford University Press.
- Euben R.L., Qasim Zaman M. (2009) *Princeton Readings in Islamist Thought: Texts and Contexts from al-Banna to Bin Laden*, Princeton: Princeton University Press.
- Faroqhi S., McGowan B., Quataert D., Pamuk S. (1997) *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, Vol. 2: 1600–1914*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Filiu J.-P. (2011) *Apocalypse in Islam*, Berkeley: University of California Press.
- Gall C. (2016) How Kosovo Was Turned Into Fertile Ground for ISIS. *New York Times*. May 21, 2016. Available at: <http://www.nytimes.com/2016/05/22/world/europe/how-the-saudis-turned-kosovo-into-fertile-ground-for-isis.html>, accessed 31 October 2016.

- Gellner E. (1981) *Muslim Society*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Hameed S. (2008) Bracing for Islamic Creationism. *Science*, vol. 322, no 5908, pp. 1637–1638.
- Hanafi H. (2012) Alternative Conceptions of Civil Society: A Reflective Islamic Approach. *Just Wars, Holy Wars, and Jihads: Christian, Jewish, and Muslim Encounters and Exchanges* (ed. Hashmi S.H.), New York: Oxford University Press.
- Hefner R.W. (2005) *Remaking Muslim Politics: Pluralism, Contestation, Democratization*, Princeton: Princeton University Press.
- Hodgson M. (1974) *The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization*. Volume I, Chicago: University of Chicago Press.
- Hourani A. (2002) *A History of the Arab Peoples*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Huff T.E. (1995) *The Rise of Early Modern Science: Islam, China and the West*, Cambridge UK: Cambridge University Press.
- Ibn Khaldun (1967) *The Muqaddimah: An Introduction to History*, New York: Pantheon.
- In Nations with Significant Muslim Populations, Much Disdain for ISIS (2015). *Pew Research Center*. November 17, 2015. Available at: www.pewresearch.org/fact-tank/2015/11/17/in-nations-with-significant-muslim-populations-much-disdain-for-isis/, accessed 31 October 2016.
- Jones T.C. (2010) *Desert Kingdom: How Oil and Money Forged Modern Saudi Arabia*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Juergensmeyer M. (2008) *Global Rebellion: Religious Challenges to the Secular State, from Christian Militias to Al Qaeda*, Berkeley: University of California Press.
- Kasaba R. (2009) *A Moveable Empire: Ottoman Nomads, Migrants, and Refugees*, Seattle: University of Washington Press.
- Keddie N.R., Richard Y. (2006) *Modern Iran: Roots and Results of Revolution*, New Haven: Yale University Press.
- Kepel G. (1993) *Muslim Extremism in Egypt: The Prophet and the Pharaoh*, Berkeley: University of California Press.
- Kepel G. (2004) *The War for Muslim Minds: Islam and the West*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kuran T. (2004) *Islam and Mammon: The Economic Predicaments of Islamism*, Princeton: Princeton University Press.
- Kurzman C. (ed.) (2002) *Modernist Islam, 1840–1940: A Sourcebook*, Oxford: Oxford University Press.
- Lewis B. (2001) *The Muslim Discovery of Europe*, New York: W.W. Norton.
- Lewis B. (2002) *What Went Wrong? The Clash Between Islam and Modernity in the Middle East*, New York: Oxford University Press.
- Makiya K. (writing as Samir al-Khalil) (1989) *Republic of Fear: Inside Saddam's Iraq*, New York: Pantheon.
- Malley R. (1996) *The Call From Algeria: Third Worldism, Revolution, and the Turn to Islam*, Berkeley: University of California Press.
- Manik J.A., Najar N. (2016) Militant Islamists Are Suspected of Slaying Hindu Priest in Bangladesh. *New York Times*. June 7, 2016. Available at: <http://www.nytimes.com/2016/06/08/world/asia/bangladesh-hindu-priest-killed.html>, accessed 31 October 2016.
- Masood S. (2016) Suicide Bomber Kills Dozens at Pakistani Hospital in Quetta. *New York Times*. August 28, 2016. Available at: <http://www.nytimes.com/2016/08/09/world/asia/quetta-pakistan-blast-hospital.html?mtrref=query.nytimes.com&gwh=F0AC1C9422A645F76517C83A7FEFD669&gwt=pay>, accessed 31 October 2016.
- McCants W. (2015) *The ISIS Apocalypse: The History, Strategy, and Domsday Visions of the Islamic State*, New York: St. Martin's Press.
- McDaniel T. (2014) *Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran*, Princeton: Princeton University Library.
- Mokyr J. (2004) *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*, Princeton: Princeton University Press.
- Mokyr J. (2012) *The Enlightened Economy: An Economic History of Britain 1700–1850*, New Haven: Yale University Press
- Montgomery S.L., Chirot D. (2016) *The Shape of the New: Four Big Ideas and How They Made the Modern World*. 2nd edition, Princeton: Princeton University Press.

- Muslim Americans: Middle Class and Mostly Mainstream (2007). *Pew Research Center*. May 22, 2007. Available at: www.pewresearch.org/files/old-assets/pdf/muslim-americans.pdf, accessed 31 October 2016, pp. 49–55.
- Owen R. (2014) *The Rise and Fall of Arab Presidents for Life*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Public's Views on Human Evolution (2013). *Pew Research Center*. December 30, 2013. Available at: <http://www.pewforum.org/2013/12/30/publics-views-on-human-evolution/>, accessed 31 October 2016.
- Pargeter A. (2013) *The New Frontier of Jihad: Radical Islam in Europe*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Qutb S. (n.d.) *Milestones* (Cedar Rapids edition).
- Qutb S. (2006) *Milestones* (ed. al-Mehri A.B.), Birmingham, UK: Maktabah Booksellers and Publishers. Available at www.kalamullah.com/Books/Milestones%20Special%20Edition.pdf, accessed 31 October 2016.
- Rashid A. (2010) *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Renan E. (1883) *L'Islam et la Science*, Montpellier: L'Archange Minotaur. Available at: www.disons.fr/?p=31807, accessed 31 October 2016.
- Roger B. (2012) Indonesia's Rising Religious Intolerance. *New York Times*. May 21, 2012. Available at: <http://www.nytimes.com/2012/05/22/opinion/indonesias-rising-religious-intolerance.html>, accessed 31 October 2016.
- Robinson F. (1982) *Atlas of the Islamic World Since 1500*, New York: Facts on File.
- Schmitt E. (1) (2016) As Isis Loses Land, It Gains Ground in Overseas Terror. *New York Times*. July 3, 2016. Available at: www.nytimes.com/2016/07/04/world/middleeast/isis-terrorism.html?_r=0, accessed 31 October 2016.
- Schmitt E. (2) (2016) Caliphate in Peril, ISIS May Take Mayhem to Europe. *New York Times*. September 17, 2016. Available at: www.nytimes.com/2016/09/18/us/politics/caliphate-in-peril-more-isis-fighters-may-take-mayhem-to-europe.html?, accessed 31 October 2016.
- Searcy D. (2015) Senegal, a Peaceful Islamic Democracy, is Jarred by Fears of Militancy. *New York Times*. December 15, 2015. Available at: http://www.nytimes.com/2015/12/13/world/africa/senegal-islam-extremism-boko-haram.html?rref=collection%2Fbyline%2Fdionne-searcey&action=click&contentCollection=undefined®ion=stream&module=stream_unit&version=search&contentPlacement=1&pgtype=collection, accessed 31 October 2016.
- Shane S. (2016) Saudis and Extremism. *New York Times*. August 25, 2016. Available at: <http://www.nytimes.com/2016/08/26/world/middleeast/saudi-arabia-islam.html>, accessed 31 October 2016.
- Sweis R.F., Baker P. (2016) Writer Charged With Insulting Islam is Killed as Extremism Boils Over in Jordan. *New York Times*. September 25, 2016. Available at: <http://www.nytimes.com/2016/09/26/world/middleeast/nahed-hattar-jordanian-writer-killed.html>, accessed 31 October 2016.
- Talbot I. (2012) *Pakistan: A New History*, New York: Columbia University Press.
- The Divide Over Islam and National Laws in the Muslim World (2016). *Pew Research Center*. April 4, 2016. Available at: <http://www.pewglobal.org/2016/04/27/the-divide-over-islam-and-national-laws-in-the-muslim-world/>, accessed 31 October 2016.
- The World's Muslims: Unity and Diversity, Chapter 3 "Articles of Faith" (2012). *Pew Research Center*. Available at: www.pewforum.org/2012/08/09/the-worlds-muslims-unity-and-diversity-3-articles-of-faith/, accessed 31 October.
- Toth J., Qutb S. (2013) *The Life and Legacy of a Radical Islamic Intellectual*, New York: Oxford University Press.
- White J. (2014) *Muslim Nationalism and the New Turks*, Princeton: Princeton University Press.
- Wood G. (2015) What ISIS Really Wants. *The Atlantic*, March 2015. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980/>, accessed 31 October 2016.
- Youseff N., Walsh D. (2016) Egypt Sentences Coptic Teenagers to Prison for Insulting Islam. *New York Times*. February 25, 2016. Available at: <http://www.nytimes.com/2016/02/26/world/middleeast/coptic-teenagers-sentenced-egypt.html>, accessed 31 October 2016.

Война против идей и практик модерна: теология и политика современного исламского экстремизма

Д. ШИРО*

***Дэниел Широ** – Herbert J. Ellison Professor of Russian and Eurasian Studies, University of Washington, Seattle. Address: box 353650, Seattle, WA 98195, USA. E-mail: chirotd@u.washington.edu

Цитирование: Chirotd D. (2017) The War Against Modernity: The Theology and Politics of Contemporary Muslim Extremism // Мир России. Т. 26. № 1. С. 127–151

В статье исследуются причины, приведшие к возрождению и усилению фундаменталистских идей в исламе. В любой системе религиозных идей существуют течения экстремистского характера, призывающие вернуться к изначальным, «чистым» от внешних влияний верованиям, однако, как правило, число их сторонников невелико. Большинство мусульман отвергают необходимость и возможность насилия против иноверцев, но нельзя отрицать, что в современных государствах с исламским населением идеи фундаментализма получают поддержку миллионов сторонников.

По данным исследования, проведенного центром Пью в 2015 г., большинство мусульман отрицают необходимость исламского халифата в Ираке и Сирии, именуемого на арабском языке ДАИШ⁵, но при этом значительная доля опрошенных полагает, что ислам должен быть очищен от «вредных примесей» и вести борьбу против внутренних врагов и иноверцев для того, чтобы вернуться к своим корням и восстановить влияние, позволявшее первым поколениям мусульман изменять мир.

Поскольку ИГИЛ – это наиболее очевидное и в некотором смысле успешное политическое движение, исповедующее крайние формы насилия, поддержка его программы и практик является хорошим индикатором отношения в салафизму. Около 9% пакистанцев имеют положительное мнение об ИГИЛ, 28% оценивают его программу и действия отрицательно, 62% заявляют, что не имеют определенной точки зрения. Даже в такой умеренной стране, как Индонезия с наибольшей концентрацией мусульман в мире, 4% относятся к ИГИЛ положительно, 79% – отрицательно, остальные затрудняются с ответом. Малайзия также считается страной, где руководство стремится избегать политические крайности, но и в ней ИГИЛ поддерживают 11%. В Турции, еще недавно проводившей светскую политику, за ИГИЛ высказываются 8%. В Нигерии эта организация имеет поддержку 14% населения, несмотря даже на то, что большинство нигерийцев презирают и ненавидят Боко Харам – жестокого союзника ИГИЛ в Северной Нигерии.

Опросы, проводимые центром Пью, показали, что 16% мусульман, живущих во Франции, считают, что террористические акты, направленные против гражданских лиц, часто или иногда оправданы. В Великобритании и Испании доля тех, кто поддерживает террор, примерно такая же – 15–16%. В Германии сторонников террора меньше – 7%. В Египте 28% полагают, что теракты оправданы часто или иногда, в Турции – 17%, в Пакистане – 14%, а в Индонезии – 10%. Также следует подчеркнуть, что среди молодых мусульман доля тех, кто выступает за теракты, выше,

⁵ «ад-Дауля аль-Исламия фи-ль-Ирак уа-аш-Шам».

чем в группах старшего возраста. С учетом того, что в мире живет 1,6 млрд мусульман, есть все основания утверждать, что от 80 до 100 млн чел. поддерживают экстремизм. Разумеется, было бы неверно предполагать, что все они готовы совершать террористические акты, но именно в этой среде экстремисты ищут и находят сочувствующих их целям.

Объяснение этого явления следует искать в истории государств с преобладающим исламским населением. Изначально ислам развивался как любая другая религия, впитывая в себя достижения нескольких цивилизаций, их идеи и опыт развития. Греческая философия, персидская идея, касающаяся институтов управления, литература и искусство Ближнего Востока доисламского периода внесли свой вклад в развитие идей ислама, сделали его привлекательным для народов Востока. Молодая религия стала базой новой цивилизации, границы которой простирались от Центральной Азии до Испании, однако впоследствии влияние исламских государств пошло на спад. Исламские теологи объясняли этот упадок тем, что исламские страны отошли от идей истинной веры и попали под влияние чуждых им идей европейской цивилизации. Эти идеи оставались маргинальными до XX в., т.е. до того времени, когда страны Ближнего Востока и Центральной Азии сделали попытку войти в тренд развития. При этом следует отметить, что идеи Просвещения в мусульманском мире прививались с трудом. По всей видимости, это можно объяснить тем, что Просвещение было западной, европейской, идеологией, часто отождествляемой с колониальным владычеством западных стран. Но тем не менее были все основания полагать, что мусульмане не останутся в стороне от идей прогресса. Выдающиеся исламские мыслители пытались выработать компромисс между идеей модерны, окрашенной отчасти в либеральные цвета, и религиозной верой. В мусульманских странах появлялись интеллектуалы, стремящиеся вестернизировать общество, принимая на вооружение значительную часть либеральной программы Просвещения. Однако в настоящее время подобные попытки вряд ли увенчались бы успехом.

Принимая во внимание расцвет высокой культуры и науки в исламских обществах во времена Омейядов и даже Аббасидов, невозможно понять природу сопротивления Просвещению в современном исламе. Существует несколько объяснений причин, по которым прервался «золотой век» исламской мудрости и науки. Согласно первому объяснению, огромный ущерб исламским обществам нанесло монгольское вторжение, в особенности осада Багдада в 1258 г., завершившаяся разгромом города, чудовищными разрушениями, смертью выдающихся ученых, уничтожение великолепных библиотек и знаменитого Дома Мудрости. Второе объяснение коренится в получившем распространение в исламских обществах учении Абу Хамида Аль Газали (1058–1111 гг.). В его текстах прослеживалась мысль о том, что арабская философия, впитавшая греческую мудрость, не имела настоящей ценности для мусульман, потому что не стала основой истинной веры. Третье объяснение связывает закат «золотого века» с отсутствием социального запроса на научные исследования: в отличие от обществ на Западе, где они концентрировались в университетах, наука на Востоке не получала поддержки в обществе ни на институциональном, ни на корпоративном уровне. Четвертое объяснение фокусируется на соотнесенности упадка науки в исламских странах с последовавшим за этим сокращением числа переводов и уменьшением образованной прослойки, владевшей несколькими языками. Изменения политической ситуации в исламском мире привели к истощению сил, которые питали интеллектуальную полемику «золотого века».

Тем не менее идеи модернизации продолжали циркулировать в исламских обществах. Одним из исламских ученых, пытавшихся модернизировать ислам,

стал Джамаль аль Дин Аль Афгани (1836–1897 гг.). На протяжении всей жизни он работал советником при правительствах в исламских странах, занимался развитием науки и образования в соответствии с идеями ислама.

В новейшей истории идеи модернизации, сыгравшие определенную роль в подъеме национализма и исламского социализма, были использованы в политических программах преобразований, и в частности в программе партии Баас (баасистские режимы пришли к власти в Ираке и Сирии). В большинстве случаев националистические режимы оказались неэффективными агентами модернизации, породив коррупцию и застой в экономике и социальной сфере. Крах идей модернизации на фоне увеличивающегося отставания от стран Запада и успеха Израиля, нарастающей экономической и военной мощи в самом сердце арабского мира, создал социальные предпосылки для подъема оппозиционных движений фундаменталистской ориентации. Разочарование населения стало базой поддержки идей исламских мыслителей, выступающих за возрождение исламских государств на новой идейной основе и предлагающих очистить ислам от тех влияний, которые обогащали его на этапе становления, и прежде всего от идей модерна. На этой волне возникло учение Сеййда Кутба, подхваченное экстремистами из «Братьев-мусульман» в Египте, лидерами ваххабитского движения в Саудовской Аравии и исламистами Талибан в Афганистане. Военное вмешательство западных стран (и прежде всего США в Ираке и Афганистане) только ускорило ферментацию идей фундаментализма, стимулировало возникновение Аль-Каиды, а затем и запрещенной в Российской Федерации ИГИЛ.

Деконструкция идеи фундаментального ислама в исторической перспективе дает возможность разглядеть в его основании социальные причины, включая неудачи модернизации и глобализации, влияние международной политики и мобилизующую роль идей, проникающих из области смыслов в область реальной политики.

Ключевые слова: современность, национализм, развитие, фундаментализм, конфликт

ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК

Культурный капитал, пространство вкусов и статусные границы среди российских студентов

М.М. СОКОЛОВ*, М.А. САФОНОВА**, Г.А. ЧЕРНЕЦКАЯ***

***Михаил Михайлович Соколов** – кандидат социологических наук, профессор, факультет политических наук и социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3а. E-mail: msokolov@eu.spb.ru

****Мария Андреевна Сафонова** – кандидат социологических наук, доцент, департамент социологии, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). Адрес: 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. E-mail: msafonova@hse.ru

*****Галина Александровна Чернецкая** – магистр социологии, выпускник факультета политических наук и социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3а. E-mail: gaaalka@gmail.com

Цитирование: Соколов М.М., Сафонова М.А., Чернецкая Г.А. (2017) Культурный капитал, пространство вкусов и статусные границы среди российских студентов // Мир России. Т. 26. № 1. С. 152–179

В статье предпринимается попытка систематического сравнения теорий Пьера Бурдьё и Ричарда Петерсона («культурная всеядность») на данных о культурном потреблении, осведомленности и художественных вкусах студентов трех факультетов престижного университета. Хотя выборка заведомо не является репрезентативной для страны в целом, именно в отношении этой категории из двух теорий следуют наиболее отчетливо конкурирующие гипотезы. Помимо того, что наше исследование является первым подобным в России, мы вносим в существующую литературу методическую инновацию, предлагая сравнивать не классовые или профессиональные характеристики носителей разных вкусов, а конфигурации пространства вкусов, какими они предстают при многомерном статистическом анализе.

Гипотезы, базирующиеся на работах П. Бурдьё, Р. Петерсона и П. ДиМаджио, касаются: (1) общей конфигурации пространства вкусов (наличие элитарно-массовой поляризации vs ядро-периферийная структура), (2) существования гомологии между формами высокого искусства или сегментарных делений по родам, (3) использования вкусов для создания дистанций или селективной инклюзии. Было установлено, что теория «культурной всеядности» значительно больше соответствует данным: в статье рассматриваются следствия этих наблюдений для оценки релевантности других элементов теории П. Бурдьё (в частности, теории полей) российскому случаю и для представлений об организации статусных границ в России.

В заключении статьи оценивается применение апробированных исследовательских стратегий для анализа big data.

Ключевые слова: культурный капитал, культурное потребление, социальное пространство (картография), статусные границы, Пьер Бурдьё, теория «культурной всеядности»

В этой статье мы попробуем решить две взаимосвязанные задачи. Первая из них, менее оригинальная, состоит в систематическом сравнении теории культурного капитала Пьера Бурдьё с теорией «культурной всеядности» Ричарда Петерсона на материале опроса группы студентов элитного университета, у которых предсказываемые П. Бурдьё и Р. Петерсоном эффекты должны проявляться наиболее зримо. Вторая задача заключается в выработке нового подхода к этому сравнению. Традиционный способ изучения данной проблемы состоял в анализе констелляций вкусов представителей разных классов. В этой статье мы попробуем продемонстрировать возможности альтернативного подхода – тщательной экспликации теоретических моделей и демонстрации того, что из них следуют предположения не только в отношении соотношения вкусов членов разных классов, но и организации пространства потребления/вкусов как таковых. Мы реконструируем пространства вкусов, какими их предлагают обе теории, а затем сравним с эмпирическими данными о культурном потреблении представителей студенческой выборки.

Теории культурного капитала и модели культурного пространства

Стратегия П. Бурдьё в исследованиях высокой культуры состояла в том, чтобы рассматривать приобщение к искусству как часть потребления, организованную так же, как потребление предметов роскоши или иных статусных символов [Bourdieu 1984, p. 6]. Приобщение к высокой культуре рассматривается людьми в качестве доказательства их принадлежности к желательной социальной категории; эстетический вкус у детей господствующего класса развивается как инструмент утверждения своего отличия. Социологическая теория эстетического восприятия П. Бурдьё наиболее полно изложена в его ранней работе по социологии музеев [Bourdieu, Darbel, Schnapper 1991 (1966)]; в дальнейшем ее положения в конспективной форме повторялись им неоднократно [Bourdieu (1) 1984; Bourdieu (2) 1984], и нет оснований полагать, что она была им пересмотрена.

Эта теория строится вокруг понятия «кода»: П. Бурдьё предлагал рассматривать любое произведение искусства как зашифрованное послание, которое понятно только тому, кто владеет шифром, для всех остальных оно непрозрачно. Коды образуют естественную иерархию сложности в зависимости от того, как далеко они отстоят от тех схем восприятия, которыми руководствуются люди в повседневной жизни: рассматривание картин с точки зрения портретного сходства или признание занимательности сюжета соответствуют низшему уровню сложности, поиск символизма (как когда говорят «кошка означает сладострастие») – более высокому, но лучше всего – анализ с позиций решения некоторых артистических проблем, которые позволяют осуществлять распознавание стилей и индивидуальных манер как типичных подходов к их решению (о таком подходе будет сигнализировать комментарий вроде «здесь Тернер вновь отказывается от следования

линейной перспективе, чтобы передать ощущение скорости»). Этому движению от простому к сложному соответствует, прежде всего, перенос акцента с содержания на способ исполнения и с объекта как законного предмета интереса в своих собственных правах на характеристики репрезентации в контексте других репрезентаций. Чтобы понять, почему данное полотно Ван Гога замечательно, необходимо поместить его в контекст живописных произведений его предшественников и современников, и только в этом случае оно обнаружит свою революционность. В этом смысле восприятие произведения искусства, кажется, везде представлялось П. Бурдые классификаторской работой (способностью производить атрибуцию, проследивать связи с тем, что было до и что было после): видеть каждое отдельное произведение и даже каждый его единичный элемент в качестве образчика своего класса в контексте всей истории живописи.

Всякое произведение объективно предполагает некоторую сложность кода, необходимого для прочтения. П. Бурдые (по контрасту с постструктуралистскими авторами) придерживался той позиции, что произведение может быть успешно прочитано лишь тем, кто владеет кодом, который был в него заложен при шифровании; всех остальных оно чрезвычайно эффективным образом отталкивает. Помимо абсолютной сложности, коды делятся по социальной доступности, а в совокупности и сложность, и доступность образуют иерархизированную топологию культурного пространства. Различаются (а) «естественные» коды, доступные каждому взрослому члену данного общества; (б) «школьные» коды, которые транслируются государственными образовательными учреждениями; (в) «продвинутые» коды, которые общедоступными образовательными программами не формируются и требуют самостоятельных инвестиций в овладение ими. Этим трем типам кодов и произведений приблизительно соответствуют области массовой, школьной и высокой культуры.

Овладение кодами возможно только в фиксированной последовательности: так, освоение школьных кодов является необходимым, но не достаточным условием овладения кодами, нужными для дешифровки высокой культуры. Кроме того, поскольку генерация продвинутых кодов в некоторой мере индивидуальна, они оставляют больше пространства для формирования индивидуального вкуса: у обладателей высокой компетенции должно наблюдаться больше уникальных предпочтений.

Культурные объекты – жанры, авторы, произведения – создают естественную иерархию в зависимости от того, во-первых, насколько сложным является код, который нужен для их прочтения, во-вторых, в какой мере потребление данного произведения предписывается разными институционализированными образовательными программами. Ниже всего находятся произведения массовой культуры, которые доступны каждому человеку (и даже навязываются рекламой) и от которых всякий может получать удовольствие. Выше стоят известные каждому человеку произведения школьной программы. Еще выше расположено «высокое искусство», особенно те его образцы, которые не растражированы коммерческой культурой (М. Грюневальд, а не И. Босх, Дж. де Кирико, а не С. Дали). На самом верху размещены современные произведения, которые требуют особенно сложного «кода кодов», что делает их разновидностью самых высокостатусных благ. П. Бурдые настаивал на существовании гомологии «продвинутых» кодов, которые облегчают овладевшим авангардной живописью понимание авторского кино и высокой моды. Все эти области культурного потребления оказываются в зоне естественного притяжения друг к другу, и мы предполагаем, что потребление одних форм «высокого искусства» будет сопровождаться интересом к другим.

Любой человек в данный момент времени находится на определенном уровне эстетического развития, и каждому культурному уровню соответствует установ-

ленный набор объектов для потребления. Тем, кто остался ниже, он еще недоступен, а тем, кто поднялся выше, уже не интересен. По теории П. Бурдьё, агенты (как класс, а не как индивиды) способны к стратегической манипуляции своими чувствами, и по отношению к той части потребляемого ими прежде искусства, которой овладевают нижестоящие, они легко развивают презрение как к чему-то вульгарному и примитивному. С этой точки зрения приобщение к высокой культуре превращается в вид спорта, похожего на альпинизм: есть те, кто осваивается с разреженным воздухом вершин и может беспрепятственно дышать им. Со временем для них только такая атмосфера становится пригодной для дыхания, как минимум потому, что они (в силу бессознательного стремления отличаться от других) развивают в себе презрение к «птицам низкого полета». Сноб, демонстративно потребляющий искусство, находящееся за пределами возможностей по дешифрованию для большинства оставшихся внизу, может рассчитывать на наибольший социальный выигрыш; для других недостаток «кислорода» представляет крайний дискомфорт, и к научившимся обходиться без него они испытывают боязливое почтение.

Центральной для П. Бурдьё была мысль о том, что, хотя владение сложными кодами воспринимается как индикатор наделенности исключительными способностями, в действительности оно указывает лишь на различия во владении семейными ресурсами. В семьях высшего класса предрасположенность к восприятию сложных кодов передается из поколения в поколение. Однако поскольку этот механизм открыт лишь для социолога, а не для среднестатистического «человека с улицы», потребление высокой культуры эффективно служит для социального исключения: в современном обществе большинство людей будут оскорблены тем, что при продвижении по службе им предпочли человека более высокого происхождения, но смирятся, если вместо них выберут кого-то более одаренного. В этом смысле за презрением покорителей культурных вершин ко всем, кто остался ниже, скрывается классовая стратегия отличия и легитимации: они с чистой совестью исключают из своих рядов людей, чуждых утонченности, сохраняя тем самым монополию своего круга на доминирующие позиции в различных сферах жизни.

Один из основных тезисов П. Бурдьё касался того, что фактором, облегчающим овладение школьной культурой, является родительское культурное потребление [Bourdieu, Passeron 1990]. Восприятие школьного кода само по себе должно быть подготовлено опытом соприкосновения с искусством; код поддается тому, кто хотя бы смутно ощущает, каким тот должен быть¹. Соответственно школьную программу в целом, особенно в такой области, как литература, с большими шансами способны освоить дети высококультурных родителей. Теория культурного воспроизводства настаивает на том, что мнимый универсализм школьной программы в действительности означает утверждение наследственных привилегий; выигрыши от овладения социальным престижем нужны только тем, для кого приобретение социокультурных компетенций является не слишком затратным предприятием. П. Бурдьё распространил этот тезис и на иные составляющие образовательной программы, утверждая, что все формы образовательных вознаграждений, а не только овладение курсом литературы и живописи, достаются носителям доминирующей культуры непропорционально.

Теория П. Бурдьё многократно проверялась в иных культурных контекстах [Katsillis, Rubinson 1990; De Graaf N.D., De Graaf P.M., Kraaykamp 2000; Sullivan 2001;

¹ Здесь П. Бурдьё цитирует Л.С. Выготского, который пишет о значении предвосхищения в овладении когнитивными операциями.

Katz-Gerro 2002; Gayo-Cal, Savage, Warde 2006]². Эти тесты касались, однако, лишь некоторых ее положений: наиболее популярной мишенью была идея о воспроизводстве в системе формального образования. Причем возможность генерализации этого тезиса за пределами французского контекста вызвала значительную дискуссию. Выводы П. Бурдьё критиковались как на эмпирических (доказательства того, что знакомство с балетом помогает в налаживании отношений с учителями математики были, по меньшей мере, слабыми [*De Graaf N.D.*, *De Graaf P.M.*, *Kraaykamp* 2000; *Kingston* 2001; *Sullivan* 2001]), так и на концептуальных основаниях. Обличительный пафос теории культурного воспроизводства состоит в том, что школа вознаграждает, в общем-то, иррелевантные для задач обучения символы принадлежности к социальной элите [*Kingston* 2000]. Однако то, что дети, которые много читают с родителями, закономерным образом преуспевают в курсе литературы, не может считаться доказательством того, что школьные институты поддерживают двойные стандарты. Школа поощряет семейное накопление вполне специфического человеческого, а не генерализованного культурного капитала [*De Graaf N.D.*, *De Graaf P.M.*, *Kraaykamp* 2000].

Нас, однако, будет интересовать второе направление критики, которое касается представления П. Бурдьё о том, как именно культурное потребление превращается в социальные привилегии уже во взрослой жизни. П. Бурдьё, как и следующие за ним авторы, предполагал, что культурный капитал работает, поскольку близость к высокому искусству воспринимается как свидетельство обладания талантами и иными уникальными внутренними достоинствами [*Lamont, Lareau* 1988]. Здесь, тем не менее, возникает альтернативная модель, предполагающая, что имеет значение не спонтанное почтение, которое вселяет знакомство с высокой культурой, а естественная близость, возникающая из владения общими культурными ресурсами, причем неважно, какими. Эта модель была предложена в 1990-х гг. Р. Петерсоном и довольно разрозненной группой ученых, называющих себя его школой [*DiMaggio* 2000]. Далее мы будем говорить о именно Р. Петерсоне, представляющем все направление.

Если П. Бурдьё утверждал, что агенты преисполняются почтения к тому, кто владеет сложным кодом, то Р. Петерсон и его группа предлагали иную цепочку умозаключений [*Peterson* 1992; *Peterson, Kern* 1996; *DiMaggio, Mukhtar* 2004; *Peterson* 2005], утверждая, что выбор определенного жанра или произведения понимается как проявление индивидуальности без отсылки к способностям или ресурсам. Совпадение подобных выборов, в свою очередь, сигнализирует о межличностной близости: мы естественным образом притягиваемся к тем, с кем у нас есть общие темы для разговора, какие бы они ни были (балет или «Игра престолов»). Культурный капитал становится инструментом исключения не столько за счет прямого отторжения всех, кому его не хватает, сколько за счет избирательного включения [*Bryson* 1996], а основная граница проходит не между теми, кто потребляет высокую культуру, и теми, кто потребляет низкую, а между теми, кто потребляет различные виды культуры, и теми, кто потребляет единичные. В социологии этот тезис известен как тезис «культурной всеядности». При развитии этой идеи Р. Петерсон опирался на данные о том, что потребители традиционной высокой культуры – например, оперы или балета – с большей, а не с меньшей вероятностью будут также интересоваться фолк-музыкой, вестернами или иными «невысокими»

² Впрочем, несмотря на популярность дискуссий о применимости «их» теорий к «нашим» реалиям, в России таких попыток было сделано очень мало.

жанрами [Peterson 1992; DiMaggio, Mukhtar 2004], а интерес к Г. Берлиозу не исключает прослушивания саундтреков Морриконе.

Следует уточнить, что «культурная всеядность» не отрицает, что активным потребителям культуры приписываются исключительные способности. Но если для П. Бурдьё эти способности определяются абсолютной сложностью кода, то для Р. Петерсона об умственных качествах индивида свидетельствует не столько самый сложный код, которым он может овладеть (потому что неясно, какой из них самый сложный), сколько то, какое количество разных кодов он может использовать. Обыденная теория, развиваемая Р. Петерсоном, очевидным образом подпитывалась широкой популяризацией постмодернистских идей, которые, с одной стороны, поставили под сомнение объективное превосходство (хотя бы в уровне сложности) западной культуры, с другой, признали, что дешифровка не детерминирована жестко шифровкой, а потребитель необязательно ограничен тем кодом, который использовал создатель произведения. И если мы в данной ситуации встречаем притяжение между жанрами, оно, рассуждая логически, скорее, будет сводить вместе разные сегменты одного вида искусства, нежели гомологичные фрагменты разных видов. Скажем, от людей, покупающих и прослушивающих музыкальные записи, скорее можно ожидать, что они добавят еще один жанр в свой репертуар, но не начнут интересоваться живописью, поскольку живопись использует иные сети распространения и требует знакомства с иной инфраструктурой потребления, и, соответственно, переключиться на нее при прочих равных сложнее.

Это не означает, что Р. Петерсон и его коллеги отрицали действие механизмов классового исключения. Однако они предполагали, что ограничения на потребление того или иного искусства будут скорее экономическими (любое потребление требует инвестиций времени и денег), чем когнитивными. Классовые преимущества будут сказываться, но лишь довольно опосредованно, в силу того, что представители высшего класса имеют больше экономических ресурсов (хотя не всегда больше времени). В этом отношении Р. Петерсон отличался от теорий полистилистичности, утверждавших, что в сфере культурного потребления прежде всего вознаграждается лояльность к одному из культурных племен или идентитарных групп, каждая из которых противопоставляет свой стиль жизни всем прочим (см. обзор в [Katz-Gerro 2002]).

Сравнивая свою модель культурной динамики с теорией П. Бурдьё, ДиМаджио назвал ее моделью «культурной мобильности» [DiMaggio 1982, pp. 95–99], так как она подразумевала, что стратегии инвестиций в культурный капитал открыты для новых семей. Хотя родительская модель потребления может воспроизводиться, непонятно, почему высокий культурный капитал должен быть исключительно наследуемым свойством или почему ранние родительские инвестиции обязаны играть ключевую роль в индивидуальной биографии. Культурная мобильность может быть делом индивидуального выбора. Основная причина этого выбора кроется в том, что потенциальная отдача от культурного капитала определяется сферой занятости. Теория мобильности, изложенная в статье П. ДиМаджио и Дж. Мора [DiMaggio, Mohr 1995], предполагает, что накопление культурного капитала является стратегической инвестицией, осуществляемой с учетом требований профессиональной ниши, которую занимает или предполагает занять индивид. Так, в одном исследовании самые высокие уровни культурного потребления обнаруживали представители независимых профессионалов (врачи и адвокаты), коммивояжеры и продавцы, работающие не в ритейле. Если первое интуитивно прогнозируемо с учетом уровня образования, то второе достаточно неожиданно. П. ДиМаджио и Дж. Мор объяснили это наблюдение тем, что именно данные две группы по характеру своей деятельности заняты установлением многочисленных контактов с разными аудиториями

и заинтересованы в способности поддержать разговор и вызывать симпатию. Кроме того, опрос показал, что одними из самых активных потребителей среди школьников были дети владельцев небольших магазинчиков и иного приходящего в упадок низшего среднего класса, которые осознавали, что им придется искать для себя новую экономическую нишу [DiMaggio, Mohr 1995, pp. 179–185].

Эмпирические исследования, последовавшие за дебатами между П. Бурдые и теоретиками «культурной всеядности», в основном тестировали два положения: (1) между социальным классом и потреблением, с одной стороны, и вкусом, с другой, существует связь, (2) доминирующая модель потребления среди высших классов предполагает преобладание «всеядности» над потреблением исключительно высокой культуры. В целом, исследования за пределами Франции повсеместно продемонстрировали значимые, но не слишком сильные корреляции между культурным потреблением и социальным классом со стабильным результатом: различия во всех переменных, с помощью которых характеризуется социальный статус (образование, занятие), объясняли порядка 5–10% дисперсии в культурном потреблении [Katz-Gerro 2002].

В отношении распределения вкусов анализ опросов за пределами Франции содержал свидетельства, скорее, в пользу модели «культурной всеядности» [Peterson, Kern 1992; Bryson 1996; DiMaggio, Mukhtar 2004; Gayo-Cal, Savage, Warde 2006]. Так, в одном из самых масштабных исследований в Великобритании карта, построенная с помощью анализа корреспонденций, отразила принципиальное измерение, противопоставлявшее активных и пассивных потребителей [Gayo-Cal, Savage, Warde 2006]. Второе измерение (не вполне предсказуемое, исходя из любой из наличных теорий) противопоставило младшие и старшие когорты. В то время как старшие и активные выдавали самые высокие показатели по французским ресторанам и опере, младшие и активные предпочитали тайские рестораны и электронную музыку; контраст между ними был, однако, гораздо менее отчетлив, чем между обеими категориями активных потребителей – с одной стороны, и пассивными потребителями – с другой. Пассивные потребители прежде всего отличались локальностью и однообразностью своего досуга: младшие проводили все время за телевизором и компьютерными играми, старшие – за телевизором и в локальном пабе. Насколько нам известно, за единственным исключением, подобное сравнение в России после 1991 г. не осуществлялось. Этим исключением было исследование Джейн Зависка, в котором ставилась задача изучения организации культурных границ в постсоветский период [Zavisca 2005]. Однако ее анализ опирался на весьма ограниченный материал (чтение книг основных жанров жителями российского провинциального города). Основным выводом стало признание существования пяти жанровых наборов (один из которых подразумевал полное отсутствие чтения), отличавшиеся социально-демографическим профилем тех, кто эти наборы предпочитал. Дж. Зависка довольно произвольно соотнесла один из таких наборов, объединявший все жанры, с «всеядностью», а другой (история, мемуары и биографии, поэзия, классическая литература), – с «высококолым» вкусом. Однако выводом исследования было то, что оба набора в младших когортах уступают место более ограниченному набору, состоящим из фантастики и детективов или женских романов. В этом смысле заявленный вывод – распространение «всеядности» – выглядит, скорее, неубедительно на фоне данных, свидетельствующих об отступлении «всеядности» под напором гендерно-окрашенных жанровых вкусов. Так или иначе, из-за сложности в соотнесении целых жанров с «высокой культурой» (являются ли «историческая литература» или «книги по дому» высоким или низким жанром?) сказать что-либо конкретное об организации границ на основании исследований Зависка мы не можем.

Если за последние два десятилетия сама проблема стала вполне традиционной, выбранный нами подход к ее решению представляется более оригинальным. Наиболее распространенной стратегией в этой области исследований до сих пор являлся (используя образование и занятие как характеристики классовой принадлежности) анализ коэффициентов регрессии по отношению к количеству и специфике потребляемых жанров. Тем не менее, несмотря на очевидные преимущества, этот подход имеет некоторые ограничения. Применяя его в российском контексте, мы столкнулись бы с полной неясностью в отношении связей между профессией, образованием и классовой структурой. Неясно как то, какие классы в России существуют, так и то, кто к какому классу принадлежит. Если участковые врачи слушают классическую музыку, а офицеры полиции – нет, то можно ли это трактовать как свидетельство выстраивания статусных границ, и если да, то с какой стороны – кто из них стоит выше, а кто – ниже? Даже найдя связь с профессиональными категориями, мы не могли бы интерпретировать ее как проявление классового исключения или селективной инклюзии, пока не появилась безотказно работающая в России стратификационная схема.

К счастью, поиск связей со стратификационными характеристиками является лишь одной из возможных стратегий сравнения теорий культурного потребления. Строго придерживаясь ее, мы выводим из оборота, возможно, самый богатый источник данных – всевозможные электронные базы, в которых, как правило, есть лишь предельно ограниченная информация о характеристиках пользователей, но практически неограниченная – о потреблении и вкусах. Примерами таких баз могут служить, например, рецензии на сайтах типа «КиноПоиск» (с самой разной аудиторией критиков)³, данные о циркуляции книг по библиотечному абонементу, любимая музыка в социальных сетях и тому подобное.

Возникает вопрос, можно ли сравнивать теории культурного потребления вне гипотез о свойствах потребителей? Мы попробовали построить несколько предположений о том, как в соответствии с разными теоретическими моделями организовано культурное пространство (какие произведения и жанры притягиваются и отталкиваются друг от друга), и сравнить эти характеристики с наблюдаемыми в студенческой выборке. Как будет показано далее, эта выборка интересна сама по себе, но возможность получить в этом экспериментальном проекте осмысленные результаты открыла бы путь к использованию *big data*.

Гипотезы

Наш основной аргумент в пользу оправданности такого подхода состоит в том, что две теории предлагают разную геометрию культурного пространства, которая может быть переведена на язык статистических паттернов. Обычным эмпирическим материалом для исследований в социологии культуры являются, с одной стороны, ответы на анкетные вопросы о фактах знакомства с каким-то объектом или потребления (где знакомство представляется свидетельством прошлого потребления), с другой, ответы на вопросы об одобрении. Предметы одобрения или потребления – это отдельные произведения, авторы или естественные и узнаваемые категории произведений, чаще всего жанра (русский шансон, детектив). Вкусы и факты опознания и потребления воспринимаются как в значительной мере взаимозаменяемые инди-

³ www.kinopoisk.ru

каторы в соответствии с интуитивно привлекательным предположением о том, что люди потребляют и обладают развернутыми познаниями в том искусстве, которому они отдают предпочтение. В исследованиях некоторых ученых задаются или один из этих трех типов вопросов (чаще всего), или больше, а далее из них komponуется некий композитный индекс (напр. [DiMaggio, Mohr 1995; Sullivan 2001; Warde, Wright, Gayo-Cal 2007]). Это кажется неудачной стратегией по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, потребление может быть обусловлено внешними обстоятельствами (давление родителей, институционализованный школьный программа, партнеры, друзья, реклама), влияние которых, кажется, еще никто не оценил⁴. Во-вторых, такое отождествление парадоксальным образом не учитывает тот факт, что некоторые из наиболее влиятельных моделей как раз предполагают, что часть потребителей не будет одобрять свой собственный прошлый выбор. Так, например, в случае с циклами моды инноваторы неизбежно отказываются от объекта, присвоенного нижестоящими группами, и если они не могут вычеркнуть сам факт его потребления (потому что оно носит разовый, не постоянно воспроизводимый характер, как чтение книги), они способны развить к нему негативный аттитюд. В значительной мере наша стратегия состояла в том, чтобы внимательнее проанализировать показатели в свете ожиданий, которые вытекают из каждой из теорий.

Теорию П. Бурдые можно представить в виде четырех гипотез, или ожиданий.

Гипотеза 1. Наборы культурных благ, которые выделяются на основании вероятности потребления одних и тех же произведений, способны отражать оппозицию «высокое-массовое», и потребление одновременно высокого и массового искусства будет комбинацией крайне маловероятной: читатели И. Во не станут читателями Д. Донцово. Статистический паттерн, разумеется, не укажет, какая культура является высокой, а какая – массовой, но мы ожидаем найти при любой двумерной репрезентации потребления в произвольно выбранной области культуры базовую биполярную структуру, в которой находящиеся на одном полюсе индивиды будут редко потреблять объекты, относящиеся к другому полюсу.

Гипотеза 2. Вытекает из представления о сложности кода как об основном факторе, сдерживающем культурное потребление. Потребление одного рода высокого искусства будет положительно коррелировать с потреблением других родов высокого искусства: почитатели Р. Магритта окажутся также ценителями Ф. Трюффо и С. Беккета. Биполярная структура сохранится, даже когда элементами потребления станут объекты, представляющие разные виды и роды искусства: точки, соответствующие современному высокому кинематографу и литературе, расположатся рядом друг с другом.

Гипотеза 3. В той мере, в какой представители одного полюса все-таки будут потреблять произведения, относящиеся к другому, на одном из полюсов (соответствующем высокой культуре) мы обнаружим полностью негативные оценки объектов другого. П. Бурдые не уточнял, каким станет отношение потребителей массовой культуры к потребителям элитарной, но вся его теория символического доминирования предполагает, что они начнут испытывать осторожное благоговение и точно не смогут создать оппозиционную культуру, в равной мере негативно относящуюся к элитарной. Этот эффект должен наблюдаться на примере отношения к произведениям школьной программы, потребление которой в некотором роде принудительно. Знайки высокой культуры будут демонстрировать высокоиндивидуализированный вкус (ценители А.Е. Крученых могут признаться, что им

⁴ Словами одного из информантов, «*есть книги, которые читаются для себя, есть те, которые читаются, потому что надо же разговорить о чем-то, есть книги, которые читаются по программе*».

не нравится М.Ю. Лермонтов), и напротив, не-потребители станут с одинаковым почтением относиться ко всем произведениям высокой культуры, известным им благодаря институционализированным общекультурным каналам.

Гипотеза 4. Отчасти продолжает предыдущее предположение. Активные потребители одного из жанров будут демонстрировать больший разброс оценок отдельных произведений этих жанров, включая самые известные, чем не-потребители. Так, например, мы можем ожидать, что среди знающих десятки имен художников-импрессионистов найдется больше людей, декларирующих прохладное отношение к Э. Мане, чем среди тех, кто не знает ни одного другого имени (и считающих, что К. Моне – это тот же художник, только его фамилия написана неправильно). В первом случае недостаток симпатии можно трактовать как результат обладания более широким горизонтом сравнения («как художник, Уистлер стоял на две головы выше всех французских импрессионистов»).

В отличие от этих предположений, гипотеза «культурной всеядности» Петерсона-ДиМаджио подразумевает следующие построения.

Гипотеза 1а. Наборы культурных благ не будут отражать оппозиции «высокое-массовое» или «элитарное-народное». На двумерной плоскости они с большей вероятностью примут вид центр-периферийной или ромашковидной (с учетом жанровых сгущений) структуры.

Гипотеза 2а. Притяжения между жанрами и направлениями будут характеризовать границы между родами и видами искусства, а не между элитарной и массовой культурами (соображения транзакционных издержек).

Гипотезы 3а – 4а. Между потребителями высокой культуры и всеми остальными не будет значимой разницы ни в плане отторжения первыми массовой культуры, ни в плане индивидуальности оценок высокой культуры. Хотя в сознании идея границы высокой и массовой культур существовать все же может, нет оснований ожидать, что потребители одной будут избегать другую или будут испытывать по их поводу какие-то особенно негативные чувства. Рассуждая отвлеченно, использование культуры в качестве коммуникативного ресурса предполагает большую степень позитивного отношения к тому, что индивид потребляет: ожидается, что два человека смогут обсуждать литературу, которая им нравится, а не ту, которую они не любят. В этом смысле «школа Петерсона» будет предполагать, что индивиды захотят развить в себе вкус как можно к большему числу произведений.

Далее мы приводим результаты проверки на российском примере гипотез из обоих списков.

Исследование

Настоящее исследование не может дать финального ответа на вопрос об организации культурных границ в России в целом, поскольку оно охватывает лишь представителей одной чрезвычайно специфичной группы – студентов социогуманитарных факультетов одного из известных российских вузов⁵.

Выбор студентов был обусловлен тем, что мы хотели изучить группу, в которой носители значительных объемов культурного капитала были бы микшированы с представителями экономических элит. При этом данное сообщество должно

⁵ Очевидное преимущество студенческой выборки состоит в том, что исследователь может позволить себе задать длинный список вопросов с минимальными затратами. Как мы пробуем показать, однако, помимо этого, имеются и другие обстоятельства, которые оправдывают наше решение не только соображениями экономии.

было быть «интерактивной ареной», т.е. объединением реально взаимодействующей совокупности индивидов, которые фактически занимались выстраиванием статусных границ, в том числе и друг относительно друга. Следует подчеркнуть, что такая группа не может быть точным слепком генеральной совокупности, но в то же время способна служить своего рода экспериментальной моделью, в доведенном до предела виде демонстрируя логику взаимодействия в других средах⁶.

Первое требование – группа с солидной долей респондентов с очень высоким уровнем потребления – объясняется тем, что некоторые эффекты, которые предполагают наши теории, должны наиболее наглядно проявляться именно в таких группах. Проблемой опросных исследований культурного капитала, производимых по репрезентативным выборкам, обычно становится то, что участникам можно задавать вопросы или о самых общих категориях культурных объектов (например, музыкальных жанров), или об известных единичных произведениях (например, сериалах). Следуя теории П. Бурдьё, мы выдвинули предположение, что сдержанное отношение к П. Пикассо можно с большей вероятностью встретить среди тех, кто осведомлен о П. Клее, однако, даже исходя из смелого допущения, что П. Клее знает 1% генеральной совокупности, нам нужно было бы опросить не менее 10 000 респондентов, чтобы удостовериться в этом эффекте. По образному выражению П. ДиМаджио и Дж. Мора, репрезентативные общенациональные выборки не подходят и для изучения мультимиллионеров [*DiMaggio, Mohr 1995*, p. 171].

Второе и третье требования – выборка, в которой носители культурного капитала соединены с носителями экономического капитала в реально взаимодействующей группе, – объясняется тем, что именно в такой ситуации ожидаемо, что культурный капитал используется наиболее интенсивно для выстраивания или преодоления границ. П. Бурдьё утверждал, что группа элиты с преобладанием культурного капитала над экономическим может выстраивать барьер перед менее искусственной экономической элитой (авангардная богема против буржуазного мещанства). Р. Петерсон, напротив, предполагает, что имеет место диффузия вкусов: обладатели высокого культурного капитала не столько противопоставляют себя обладателям низкого, сколько предлагают последним свои услуги в качестве гидов в незнакомые области, подчеркивая при этом базовое сходство вкусов. Существование фактического контакта между участниками обеих групп позволило рассчитывать, что их члены будут иметь относительно вкусов друг друга минимум заблуждений, которые были бы неизбежны при более опосредованных контактах.

Популяция студентов социогуманитарных факультетов известного университета образца 2007 г. была идеальным полем для проведения исследований такого рода. Политика приема исследованного вуза на время опроса допускала поступление четырех типов студентов⁷:

- 1) отличников, успешно сдавших экзамены;
- 2) тех, кто неформально использовал экономические ресурсы для поступления (дал взятку и прошел или по ректорскому, или по деканскому списку⁸);
- 3) детей или иных родственников преподавателей вуза, также поступавших, по сути, вне конкурса;

⁶ Ричард Браун назвал такой выбор объекта поиском «иконических метафор», обычных для этнографии или социальной психологии: например, когда сумасшедший дом становится прозрачной аналогией общества в целом [*Braun 1977*].

⁷ Относительный вес этих категорий – слишком деликатная материя, чтобы можно было оценить его точно. По нашим предположениям, он составлял 20/30/10/40%, и только в последней цифре мы уверены.

⁸ В то время при поступлении в университет сдавали устные экзамены.

4) внебюджетных студентов, официально заплативших за обучение⁹.

Первая, и, возможно, третья группы, согласно и П. Бурдые, и П. ДиМаджио, должны были включать в себя наиболее активных потребителей высокой культуры из всех вообще встречающихся в своем поколении, о чем свидетельствуют (если П. Бурдые прав) их происхождение и образовательные успехи. В аудиториях они соседствовали с детьми из семей с преобладанием экономического капитала (по крайней мере, относительным), и в этой ситуации эффекты поляризации должны были проявиться наиболее наглядно.

В марте 2007 г. мы опросили студентов старших курсов трех факультетов (социологического, экономического, психологического). Общий объем выборки составил 600 чел. Сбор данных проводился в ходе самозаполнения анкеты в аудитории. Вопросы анкеты измеряли:

1) Частоту посещения 12 типов досуговых мероприятий, включая оперу, балет, концерты классической музыки, спортивные мероприятия, кафе, компьютерные клубы, а также чтение различного рода литературы (от художественной до любого рода информации в Интернете).

2) Отношение к списку из 19 художников, 29 писателей и 20 режиссеров. Предлагались следующие варианты ответов: «очень нравится», «скорее нравится», «трудно сказать», «скорее не нравится», «очень не нравится», «не помню его картин/произведений». Персоналии были взяты из более раннего исследования, в котором выборке студентов необходимо было указать на фильмы/книги, которые они смотрели/читали в последнее время. Как будет показано в последующих разделах статьи, это, возможно, несло в себе значительные ограничения. В список художников также был включен Марио Коловари, в отношении которого мы были более чем уверены, что шансы, что его знает большинство опрошенных, ничтожны (Марио Коловари – непрофессиональный художник, знакомый одной из авторов статьи).

Результаты

В качестве первого шага мы исследовали матрицу сопряженности знакомства с работами деятелей искусств, представленных в нашей выборке. Нас интересовала здесь не положительная или отрицательная модальность ответов, а вероятность того, что, например, знакомому с творчеством Я. ван Эйка также будет известен Э. Уорхол. В системе с сильно поляризованным культурным потреблением мы могли ожидать значительных отрицательных корреляций: скажем, читатели современной поэзии не знакомы с фантастическими боевиками. И наоборот, в пространстве, образованном отношениями селективного притяжения, значительных отрицательных корреляций не должно встречаться (хотя допускаются относительно небольшие, как отражение общей конкуренции разных видов культурной активности за время одного человека). В целом, однако, мы предполагали, что модель «культурной всеядности» приведет к преобладанию позитивных корреляций: чем больше культуры потребляет индивид, тем выше вероятность, что он потребляет произведения любого конкретного жанра по отдельности.

Расчет подобных мер требовал принятия методических решений в отношении того, что считать «знакомством». Вопросник предлагал опцию «не помню его работ», однако мы заметили, что число не помнящих работ художника тесно

⁹ На тот момент на платное отделение мог поступить практически любой справившийся со школьной программой.

связано с двумя другими переменными – пропуском ответа на вопрос (корреляция Спирмена между числом не ответивших и числом признавших отсутствие знакомства с художником 0,97), а также между обоими этими показателями и числом выбравших ответ «трудно сказать» (0,86). Иными словами, пропуск вопроса, признание отсутствия знакомства и неготовность выразить определенное отношение, видимо, часто были для наших респондентов тремя способами высказать одно и то же мнение¹⁰. При этом пропуск был примерно в два с половиной раза популярнее ответа «не знаю», а для наименее известных писателей число ответов «трудно сказать» превышало число определенных ответов примерно в 2 раза. С учетом этого для большинства расчетов (кроме специально обозначенных) три предыдущих ответа были закодированы как 0, а все остальные – 1. Степень осведомленности об авторах, режиссерах и живописцах предсказуемо разнилась: от почти тотального знакомства с персонажами школьной программы по литературе и создателями блокбастеров (89% смогли выразить отношение к А.С. Пушкину и М.А. Булгакову, 80% – к С. Спилбергу) до более скромных цифр по отношению к менее известным фигурам (по 5% – к С. Рушди и М. Коловари¹¹, 8% – к И. Во, 9% – к Д. Нейманду). Распределения числа узнанных для всех трех категорий (художников, писателей и режиссеров) были очень близки к нормальным, причем, вопреки нашим опасениям, мы зафиксировали и очень высокие, и очень низкие показатели (скажем, для художников среднее равнялось 8,35 со среднеквадратическим отклонением в 3,77 – примерно треть опрошенных узнала менее пяти фигур).

В качестве первой меры мы рассчитали отношение шансов (*odd's ratio*) для всех 2278 пар наших переменных¹² и не нашли отрицательных коэффициентов, значимых хотя бы на уровне 0,05. Потребление какого-либо объекта, охваченного нашей анкетой, не делает потребление другого объекта менее вероятным¹³, что само по себе является аргументом в пользу гипотезы 1а против гипотезы 1.

Потребление каких объектов чаще всего сопутствует друг другу? В качестве первой попытки отобразить культурное пространство мы использовали матрицу с отношениями шансов в качестве мер близости, подвергнув ее многомерному шкалированию¹⁴.

¹⁰ Вернее, отличия касались степени ощущаемого нормативного давления: ответ «трудно сказать» отражал желание избежать признания в незнании. Этот показатель также может служить важным индикатором, но мы не стали развивать эту линию рассуждений.

¹¹ Марио знали в общей сложности 107 чел., или 17,8% нашей выборки. Из них 73 чел. (12,2%) затруднились определиться с отношением к нему, по 5 чел. очень одобряли или очень не одобряли его картины, 15 скорее одобряли, 9 скорее не одобряли.

¹² Авторы статьи выражают благодарность Г. Яковлеву, который автоматизировал этот процесс.

¹³ Ожидание, основанное на теории иерархической культуры, состояло в том, что при факторном анализе мы найдем первый фактор, положительный и отрицательный полюса которого будут соответствовать в общих чертах высокой и низкой культурам в разных жанрах. А фактически мы обнаружили нечто совершенно иное: введя бинарные переменные (знаком – не знаком) в анализ основных компонент, мы обнаруживаем первый фактор, демонстрирующий умеренные положительные нагрузки (в диапазоне 0,2–0,6) по всем без исключения переменным.

¹⁴ Использование именно отношений шансов было связано с тем, что большинство стандартных мер дистанции между бинарными переменными чувствительны к частоте появления соответствующих признаков (скажем, Евклидова дистанция для двух признаков, не встречающихся в выборке вовсе или присутствующих во всех наблюдениях, будет равна нулю; аналогичные проблемы существуют с мерой Жаккарда и большинством других мер, которые также порождают группы, состоящие из частых или редких значений). Отношение шансов не лишено своих сложностей, связанных с тем, что для редких значений они часто порождают выбросы, однако эта проблема представляется незначительной. Тем не менее для того, чтобы купировать ее, мы использовали матрицу, в которой ответ «затрудняюсь» был кодирован единицей.

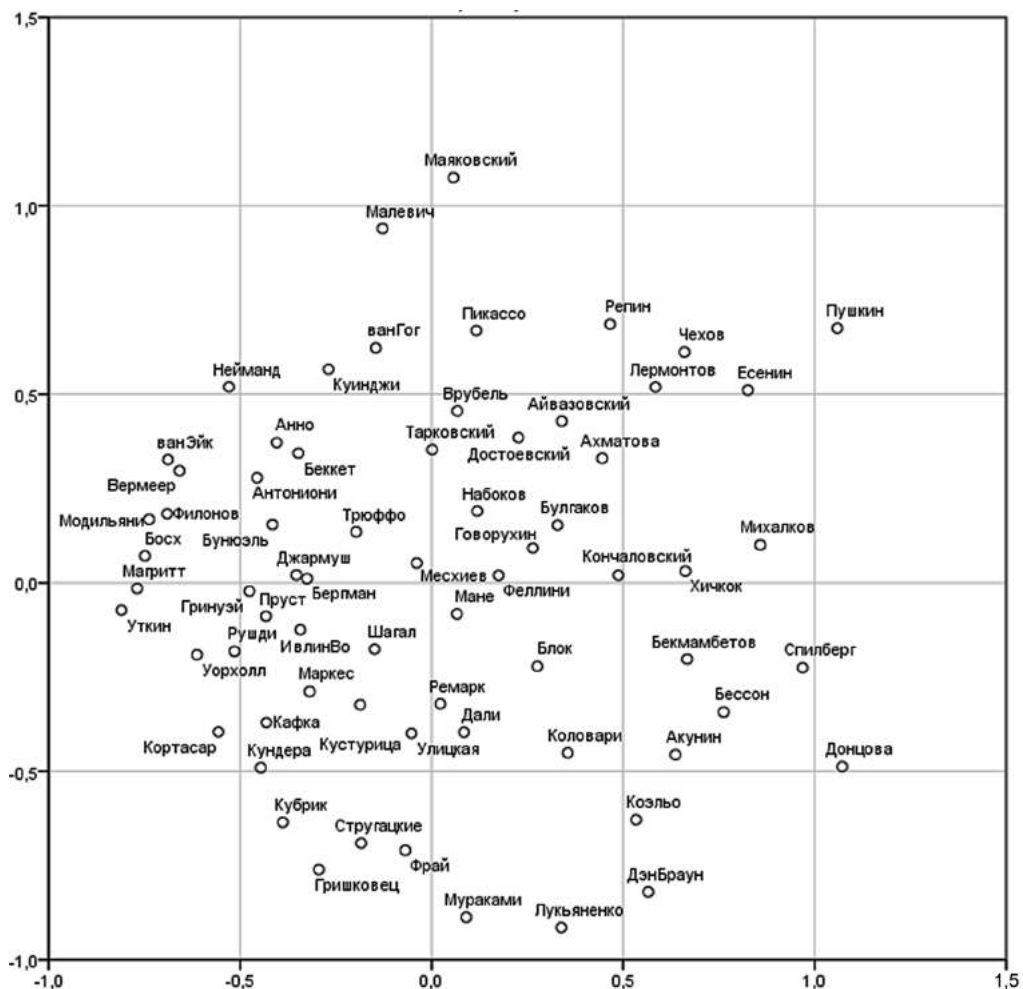

Рисунок 1. Пространство потребления высокой культуры, результаты многомерного шкалирования

На *рисунке 1*, представляющем результаты анализа¹⁵, явно выделяются несколько зон, которые (на уровне здравого смысла) соотносятся с разными категориями культурных благ. Сверху и справа располагаются персонажи школьной программы по литературе, к которым примыкают И.Е. Репин и И.К. Айвазовский; ниже справа находятся режиссеры и продюсеры блокбастеров; внизу размещается массовая литература – от детективов правее до фантастики левее; сверху локали-

¹⁵ Использовался PROXSCAL; нормализованный стресс равен 0,096. Введение третьего измерения сокращало его до 0,063, однако не делало интерпретацию легче. Необходимо отметить, что стресс первого типа Краскала при этом составлял 0,307, что сигнализирует о довольно слабой модели. Структура была нестабильной и плохо воспроизводилась при небольшом изменении параметров (скажем, изменение метода определения исходных координат).

зуются важнейшие фигуры условно-современной живописи – К. Малевич, П. Пикассо, В. Ван Гог; и наконец, слева есть три тесно соседствующие группы менее известных художников, режиссеров и писателей, интуитивно отождествляемых с «высокой» или «элитарной» культурой.

Чтобы убедиться, что эти результаты воспроизводимы другим методом, мы ввели в иерархический кластерный анализ ответы на вопросы об отношении к писателям, режиссерам и художникам. При таком подходе кластеры могут интерпретироваться как пакеты культурных благ, потребляемых обычно вместе.

Для анализа мы выбрали только тех деятелей искусств, к кому декларировали определенное отношение не менее 15% и не более 85% опрошенных. Чтобы избежать проблем, связанные с взаимным притяжением фигур, находящихся на одном уровне известности, мы использовали фи-коэффициент. Первое заключение, которое мы можем сделать, исходя из *рисунка 2*, представляющего результаты иерархического кластерного анализа, состоит в том, что большинство кластеров, возникающих на ранних этапах анализа (до дистанции в 20), объединяют однородные произведения искусства: первый сверху кластер состоит в основном из живописцев, второй – из режиссеров, третий – из писателей, затем вновь следуют режиссеры, художники и писатели. Есть некоторое количество «ошибок» (М. Пруст попал в группу художников, С. Беккет, М. Шагал и В.В. Набоков – в группу режиссеров), но, за исключением случая М. Шагала, aberrации происходили на довольно поздних фазах анализа. Иными словами, естественные группы потребителей культуры – это не столько носители хорошего или не столь безупречного вкуса, сколько посетители кинотеатров, музеев или книжных магазинов (*Гипотеза 2а*). Аналогичные плотные группы можно видеть и на *рисунке 1*, где, тем не менее, отчетливо выделяются три зоны, предсказанные П. Бурдьё: высокая, школьная и массовая культуры, которые, правда, расположены не в последовательности от массовой к высокой, а близко друг к другу, образуя треугольник. При этом разные формы «высокой» культуры (авангардное кино и средневековая живопись) находятся в тесном соседстве друг с другом (*Гипотеза 2*).

Кажется, что различие между высокой и низкой культурой все-таки проникло и в нашу кластерную схему, но в значительно менее выраженной форме. В наших парах кластеров писателей, художников и режиссеров один из каждой пары может быть с некоторыми оговорками связан с элитарной культурой, а второй – с массовой. Так, художники очевидным образом поделились на более известных (К. Малевич, П. Пикассо), часто присутствующих в качестве иллюстраций в школьных учебниках (И.Е. Репин, И.К. Айвазовский) и менее известных; европейские режиссеры «Новой волны» оказались в одном кластере, а создатели блокбастеров и отечественные режиссеры – в другом. В случае с режиссерами, однако, граница выглядит гораздо менее отчетливой: С.С. Говорухин и Ф. Трюффо оказываются по одну сторону, а Ф. Феллини и Т.Н. Бекмамбетов – по другую. За пределами кластера «легкая литература», содержащего фантастику, детективы и триллеры (братья Стругацкие, Дарья Донцова, Д. Браун, С.В. Лукьяненко, Борис Акунин), оказывается М. Фрай, которого авторы интуитивно отнесли бы к той же категории. Можно зафиксировать также некоторую тенденцию (особенно на первых этапах анализа) к образованию кластеров по национальному признаку: отметим объединение И.К. Айвазовского, И.Е. Репина и М.А. Врубеля, братьев Стругацких и С.В. Лукьяненко, Н.С. Михалкова и А.С. Кончаловского, Д.Д. Месхиева и С.С. Говорухина, П.Н. Филонова и П.С. Уткина. Кажется, что сегментарные и геокультурные деления присутствуют тут не в меньшей степени, чем иерархические, причем «высокая культура» как будто стоит чуть дальше от национальной культуры, преподаваемой в школе и более доступной (последнее, в принципе, соответствует *Гипотезе 1*).

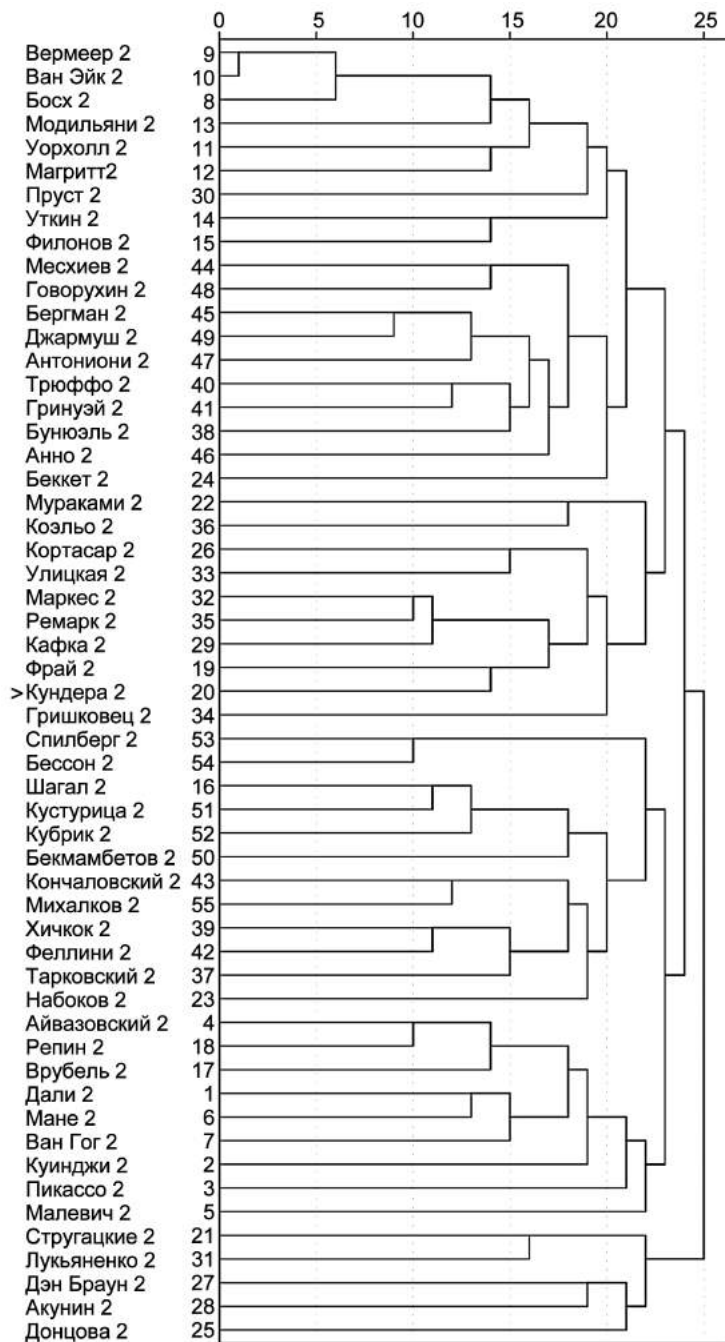

Рисунок 2. Иерархический кластерный анализ близости между знакомством с работами писателей, режиссеров и художников (мера близости фи-квадрат, среднегрупповые дистанции)

В качестве иллюстрации для всего выше сказанного в *таблице 1* приводятся данные отношения шансов для некоторых фигур, занимающих центральное положение в разных кластерах (и, в дополнение к ним, Дарья Донцовой, которая занимала совершенно особое место)¹⁶, но при этом не очень известных. Цифры показывают, насколько больше шансов, что индивид, знающий работу А (по вертикали), знаком также с работой Б (по горизонтали). Значение «1» означает, что вероятность узнать одного никак не влияют на шансы узнать другого, значения менее «1» демонстрирует, что знающий А, скорее всего, не знает Б. Для сравнения: внутри кластера отношения шансов составляли примерно 12–14.

Таблица 1 демонстрирует притяжение как внутри «высокой культуры» в целом (скажем, И. Бергман, И. Босх и Г. Маркес), так и между деятелями «высокой» и «массовой» культуры, представляющими один вид искусства (скажем, Л. Бессон, И. Бергман и А. Хичкок среди режиссеров). Дарья Донцова исключительна в том смысле, что только ее читатели с меньшей вероятностью рапортуют о потреблении хотя бы одного иного культурного блага (причем, отрицательная связь с И. Босхом приближается к статистической значимости). Надо отметить, что ее соседи по кластеру (Б. Акунин или С.В. Лукьяненко) выдают только положительные корреляции. В итоге появляется смешанная модель, в которой имеются как иерархические деления (тенденция среди приверженцев высокой культуры к потреблению ее гомологичных форм), так и секторальные (тенденция к специализации на видах и родах искусства), по силе примерно уравнивающие друг друга.

Тем не менее эффект «всеядности» очевидно довлеет. Надо помнить, что изображения на *рисунках 1* и *2* специально были организованы таким образом, чтобы максимально нивелировать эффекты масштаба. Если мы построим карту, центральное положение на которой будет отражать абсолютное число потребителей того или иного культурного продукта (долю тех, кто указал на знакомство с ним), то массовая культура (С. Спилберг и Л. Бессон) и школьная культура переместятся в центр, а все остальные окажутся в удаленных от центра областях. Кажется, что в данном случае потребление высокой культуры следует той центр-периферийной модели, которую предполагает Р. Петерсон (*Гипотеза 1а*): в центре находятся наиболее популярные производители и жанры, а остальные примыкают к ним в качестве жанровых периферий, при этом высокая культура представляет собой одну из таких периферий. Ее своеобразие состоит в том, что жанровые границы в ней слабее, чем в случае с детективами или фантастикой, однако это не меняет ее статуса периферии.

Соответствует ли знакомство с произведениями тех трех родов высокой культуры, которые мы анализировали, потреблению иных ее форм (тезис гомологии *Гипотезы 2а*)? *Таблица 2* иллюстрирует связи знакомства с тем же списком деятелей искусства с потреблением иных форм высокой культуры, а также прочими видами культурного досуга.

Все корреляции довольно слабые – 0,15¹⁷, но, в целом, в ожидаемом направлении. Знакомство с «высокой культурой» коррелирует с ее потреблением и в других формах: так, чтение Маркеса связано с посещением драматических театров и балета. Интересно, что рок-концерты предстают перед нами как элементы высокой культуры, но зато к таковой не относятся музеи и библиотеки. В целом, имеющие-

¹⁶ Здесь, как и в других случаях, мы стремились следовать минималистской стратегии. Другой возможностью было посчитать индивидуальные баллы по показателям, полученным в факторном анализе, или создать индекс соответствия индивидуального потребления каждому из кластеров, что неизбежно задействовало бы произвольные решения и снизило прозрачность, поэтому мы предпочли идти по самому простому пути.

¹⁷ Это объясняется тем, что при принятии решения о посещении театра к эстетическим соображениям присоединяются многие другие, например, финансовые.

ся наблюдения не позволяют противопоставить Гипотезу 1 Гипотезе 1а, поскольку обе допускают, что потребление разных родов «высокой культуры» будет притягиваться друг к другу, хотя и в силу разных механизмов. Тем не менее, может быть дополнительным, хотя и слабым аргументом в пользу Гипотезы 2.

Таблица 1. Отношения шансов для узнавания избранных фигур деятелей искусства

	Босх	Бергман	Бессон	Врубель	Донцова	Маркес	Хичкок
Босх		3,678**	1,076	3,220**	0,756	2,981**	1,227
Бергман			2,664**	2,153**	1,004	3,360**	2,225**
Бессон				1,777*	1,990**	1,429	2,968**
Врубель					1,161	3,249**	1,661*
Донцова						0,861	1,208
Маркес							1,657*
Хичкок							

* $p < 0,01$;

** $p < 0,001$.

Таблица 2. Связь знакомства с произведениями искусства с частотой разных форм проведения досуга (корреляции Кендалла)

	Босх	Врубель	Донцова	Маркес	Хичкок	Бергман	Бессон
Кино	-,044	-,020	,061	,018	,002	-,037	,007
Музеи	,033	,069	,008	,041	,052	,011	-,009
Театры	,021	,104*	-,012	,145**	,074	,070	,044
Балет	,064	,095	,085	,104*	,089	,120*	,064
Классическая музыка	,124*	,065	,055	,023	,125*	,147**	,114*
Рок-концерты	,147**	,097	-,007	,119*	,135**	,076	,054
Библиотеки	-,023	,072	-,082	-,003	-,046	-,064	-,104*
Кафе	,048	,045	,148**	,035	-,023	-,045	-,042
Бары	,016	,017	,109*	,025	,004	-,021	,043
Спорт	,029	,000	-,014	,002	,040	,020	,028
Компьютерные клубы	,028	,006	,025	,016	,019	,120*	,082
Музыкальные клубы	,034	,042	-,001	-,077	,088	,063	,129**

* $p < 0,01$;

** $p < 0,001$.

Здесь надо сделать одно методическое замечание. Очевидно, что две канонические формы оценки культурного потребления (через перечисление принимаемых активностей и указание на фактически потребленные объекты) демонстрируют довольно слабую связь. Это может объясняться или недостатком надежности одной или обеих мер, или содержательными причинами, или какой-то комбинацией первого и второго. Отметим содержательные причины. Во-первых, в нашем опросе (как и во многих других) знания относятся к литературе, живописи и кинорежиссуре, а маркерами потребления обычно являются посещения музеев, оперных и драматических театров. При этом возможен и вполне реален некоторый сдвиг, который при указанной выше сегментации потребления способен снизить корреляции. Во-вторых, опросы, связанные с потреблением, обычно регистрируют текущую активность, в то время как инкорпорированный культурный капитал накапливается всю жизнь. Знание живописи может быть приобретено на предыдущем этапе биографии, на котором по той или иной причине индивид ходил в музеи чаще, чем в настоящее время. Инвестиции в предыдущий период могут покрывать потребности нынешнего и наоборот, что предполагает известную долю стратегического мышления в принятии решений о потреблении. Сама по себе эта стратегичность кажется малосовместимой с акцентом П. Бурдьё на роли неосознанного, практического научения ценителя прекрасного и скорее говорит в пользу теории Петерсона-ДиМаджио. Наконец, в-третьих, в эпоху механического воспроизводства произведений искусства знания можно черпать из разных источников (аудиозаписи, альбомы с репродукциями, Интернет), а вопросы об активностях обычно указывают на некоторые самые традиционные формы потребления. В этих условиях мы не можем ожидать слишком высоких корреляций между знанием и потреблением. Возникает вопрос, как две рассмотренные нами меры (осведомленность и текущее потребление) соотносятся с третьей канонической мерой – вкусом, который характеризуется эмоциональным одобрением или неодобрением произведений искусства. В теории П. Бурдьё значение потреблению придается лишь постольку, поскольку оно представляется выражением личностной диспозиции. Потребление или знание важны потому, что они являются тестом внутренней склонности, более надежным, чем простая декларация. Потребление искусства, происходящее под сугубо внешним давлением без всякого внутреннего побуждения, ничего не добавляет к статусу потребителя. «Никто, – говорит П. Бурдьё, – не испытывает почтения к тем, кто делает вид, что потребляет, не испытывая никакой тяги к тому» [Бурдьё 2001 (1991), с. 213] (отсюда фигура педанта, надеющегося, что механическое заучивание заменит в глазах других подлинное чувство, но всегда ошибающегося).

Вкус можно декларировать через потребление, и тогда его наличие приобретает дополнительную достоверность, своего рода *credible commitment*. Однако его иногда анонсируют и через прямые функционально важные заявления, которые могут аннулировать эффекты неправильного потребления. Даже наличие собственных глубинных побуждений не исключает того, что большая часть потребления происходит под воздействием внешних агентов: образовательных учреждений, сверстников, наконец, простых обстоятельств. Если выбор, который они делают за индивида, используется впоследствии для характеристики человека, его возможность презентовать свое «я», как культурное и утонченное, оказывается под ударом. Кроме того, по мере эстетического роста люди переходят в область со все более «разреженным воздухом», и – если культурное потребление необходимо для управления впечатлениями – не могут не желать, чтобы у них были средства доказать, что они переросли свой прошлый «культурный уровень». К счастью, по отношению к объектам, которые они потребили прежде, у индивидов есть возмож-

ность прямо заявить о своем неодобрении. Искусство маркирует дважды: когда оно потреблено и когда оно признано в качестве того, чем человек согласен быть маркирован¹⁸. Теория Бурдьё поэтому заставляет нас ожидать, что более «продвинутые» культурные потребители с большей вероятностью будут выражать неодобрение по отношению к массовому и излишне доступному искусству (включая, возможно, произведения из школьной программы, за счет осуждения которых они будут демонстрировать свою яркую индивидуальность).

Теория Р. Петерсона не предполагает такого эффекта. Если культурное потребление формируется под влиянием стремления иметь максимум тем для разговоров, то индивид ничего не выигрывает, развивая неприязнь к каким-то жанрам или течениям в искусстве. Общая нелюбовь не дает столь же богатой пищи для разговоров, как общая любовь. Можно представить себе ситуацию, когда людей сближает как раз наличие общих нелюбимых жанров (два расиста, которые чувствуют один в другом родственную душу на основании нелюбви к «черной» музыке), однако легче их себе представить регулярно обсуждающими какую-то музыку, которая им обоим нравится. В любом случае, если задачей является подготовка почвы для потенциальных контактов, то неприязнь имеет смысл развивать в себе только по отношению к жанрам или произведениям, которые не являются частью мейнстрима – иначе слишком много людей окажутся по другую сторону вкусового барьера.

В этом исследовании авторов особенно интересовало то, будут ли потребители высокого искусства отличаться от не-потребителей в специфике своих вкусов к некоторым наиболее известным произведениям. Ожидание, основанное на теории П. Бурдьё, состояло в том, что самые известные произведения, растиражированные масс-медиа и образовательной системой, будут необходимы культурным элитам только для того, чтобы те, кто знает и потребляет больше, отвергая их, могли утвердить свою индивидуальность. И напротив, теория «культурной всеядности» не предполагает ничего подобного: интерактивные выигрыши может принести, скорее, одобрение того, что принимает масса людей.

Наши данные подтверждают ожидания теории «всеядности», причем в масштабе, который, возможно, был бы неожиданным для ее создателей. Прежде всего, впечатляет само соотношение положительных и отрицательных оценок: «лайки» («очень нравится» и «скорее нравится») встречаются в 5,5 раз чаще, чем «дизлайки». Здесь необходимо напомнить, что список деятелей искусства в анкете был сформирован на основании опроса сходной выборки. В этом смысле мы не можем утверждать, что наши респонденты хорошо относятся ко всей литературе или всему кино – только то, что внутри этой совокупности нет ярко выраженных вкусовых расколов. Фракции элиты не разделены культурными заборами, из-за которых одна из фракций могла бы поливать другую презрением. Та картина, которую мы наблюдаем, – это картина консенсуса. В той мере, в какой мы предполагаем, что образ, который выстраивает респондент при заполнении анкеты, совпадает с образом, который он выстраивает в повседневных взаимодействиях с однокурсниками, мы должны заключить, что отрицательные реакции являются второстепенным элементом презентации.

¹⁸ Пойманный на потреблении, которое, по его ощущению, аудитория считает компрометирующим, потребитель всегда может прибегнуть к следующим объяснениям: *«Когда я болею, то читать могу только женские романы», «Я лежал в больнице, и от нечего делать просмотрел всего Корецкого, который был у соседа», «Мой прошлый молодой человек был буквально повернут на таких книгах, и мне их тоже приходилось из-за него читать. Одна из причин, кстати, почему мы расстались».*

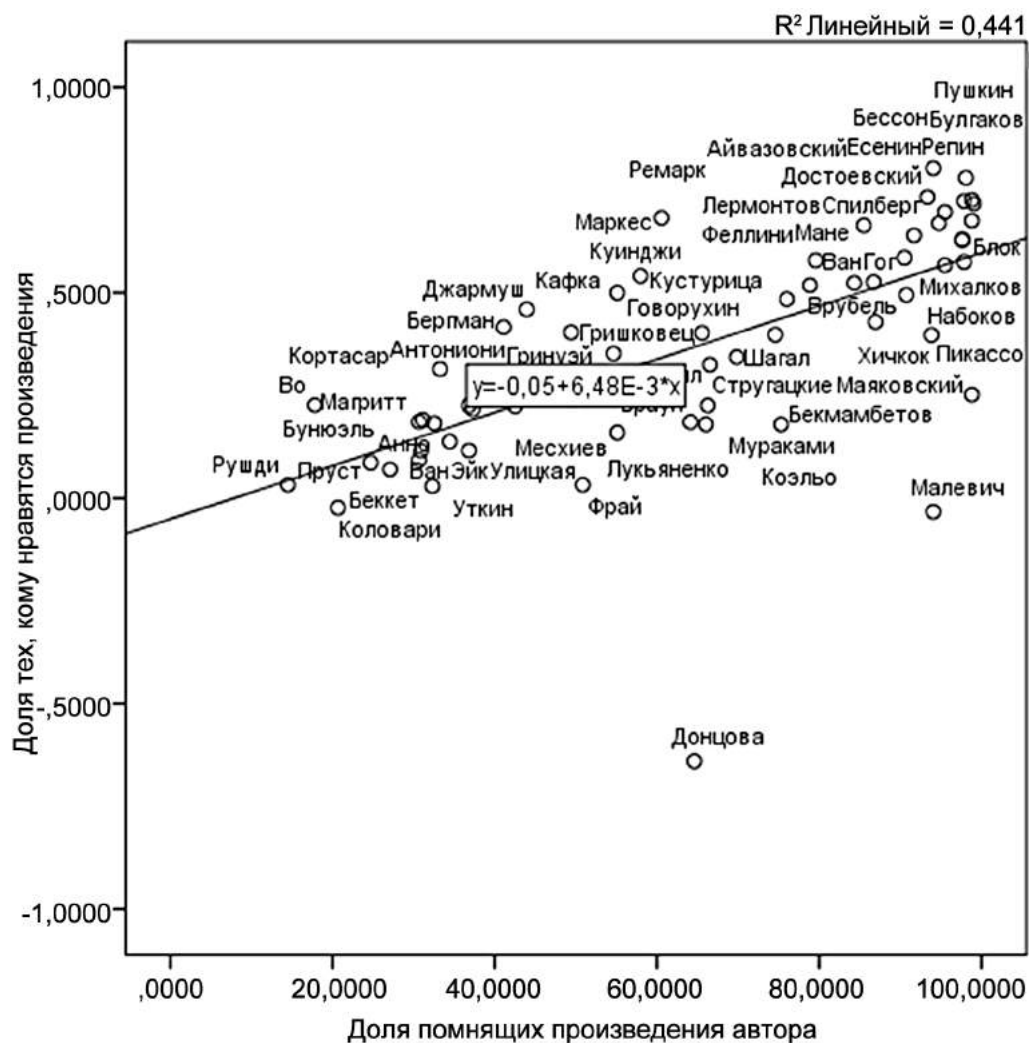

Рисунок 3. Связь известности произведения и доли его положительных оценок

Следующий шаг приводит нас к еще более интересным выводам. Рисунок 3 отображает связь между долей заявивших, что произведения данного автора им нравятся (доля отрицательных оценок вычиталась из доли положительных, показатель может принимать значения от -1 до 1) и долей опознавших данное произведение (от 0 до 1).

Ранговая корреляция между двумя показателями составляет $0,737$. Исследование свидетельствует, что самые известные авторы являются одновременно самыми безоговорочно одобряемыми: наибольшее превышение положительных оценок над отрицательными принадлежит Л. Бессону (80%), за ним следуют М.А. Булгаков (79%) и И.К. Айвазовский (73%). На противоположном полюсе находятся малоизвестные С. Рудин, М. Пруст, Б. Беккет и М. Коловари (который вообще

в нашем исследовании играет роль пятна Роршаха); положительные и отрицательные оценки в отношении их делятся примерно поровну.

Складывается впечатление, что имена, относящиеся к массовой культуре (особенно писатели), получают более низкие баллы, чем предполагает их известность: помимо явного аутлайера Дарьи Донцовой (которая находится на 5,17 стандартных отклонения ниже регрессионной прямой), обращают на себя внимание также П. Коэльо (1,32), М. Фрай (1,24) и Х. Мураками (1,14). Вторым важнейшим аутлайером является К. Малевич (3,13 стандартного отклонения), который, видимо, играет отчасти ту же роль – пугала, воплощающего в себе эксцессы высокой культуры так же, как Донцова воплощает в себе эксцессы массовой.

Вопреки ожиданию, основанному на теории П. Бурдьё (*Гипотеза 3*), различия во вкусах между активными и неактивными потребителями высокой культуры прослеживаются крайне нечетко. Мы попытались произвести мультиномиальную логистическую регрессию, чтобы обнаружить, скажутся ли суммы имен узанных писателей, режиссеров и художников, а также активное посещение музеев и других заведений высокой культуры на восприятии некоторых из самых известных фигур (Л. Бессона, М.А. Булгакова, И.К. Айвазовского) или персонажей, занимающих в определенном смысле исключительное положение (Дарья Донцова, К. Малевич). Только в случае с И.К. Айвазовским и М.А. Булгаковым обнаружили значимые связи, и единственно в ситуации с художником-маринистом они указывали на ожидаемый с точки зрения теории культурного отличия сценарий: те, кто может вспомнить больше имен художников и писателей, имеют тенденцию отказываться И.К. Айвазовскому в восхищении, вероятно, как живописцу слишком незыскательно-открыточному (при этом эффект не достигает значимости в 0,001). Коэффициент в случае с М.А. Булгаковым, причем еще менее выраженный, обращен по знаку (чем больше имен может вспомнить индивид, тем сильнее восхищение). При этом активные потребители высокой культуры не отличаются от менее активных в том, что касается направления их вкусов: читатели М. Пруста гораздо больше согласны между собой в том, что им нравится А.П. Чехов, чем в том, нравится ли им М. Пруст¹⁹. Таким образом, *Гипотеза 3*, предполагавшая, что мы можем ожидать, по меньшей мере, паритета в этой области, неверна, а *Гипотеза 3а* и *Гипотеза 4а*, от противного, более правдоподобны.

Дискуссия

Попробуем подвести некоторые итоги.

1) В соответствии с гипотезой, следующей из теории П. Бурдьё, существует известное притяжение между родами высокой культуры (скажем, авангардным кино и постмодернистской прозой). Тем не менее, в общем и целом, более значимой оказывается тенденция к «всеядности».

2) Вопреки теории П. Бурдьё, широко потребляемые культурные объекты оказываются одобряемыми наиболее единодушно, при этом уровень их одобрения не зависит от культурного уровня респондента. Российские студенты не обнаруживают снобистскую тенденцию к отвержению массового и общедоступного. Это не свидетельствует напрямую в пользу теории Р. Петерсона ввиду существования альтернативных объяснений (см. ниже), но вполне укладывается в нее.

¹⁹ То же самое касается читателей А.П. Чехова и С.В. Лукьяненко или А.П. Чехова и Дарьи Донцовой.

Сконструированный по результатам проведенного опроса культурный ландшафт оказался весьма оригинальным: в нем существует область и качественной массовой культуры, и сакрализованной школьной культуры, которые потребляются или потреблялись в прошлом всеми респондентами и которые оцениваются безусловно положительно. С ними соседствует сектор высокой культуры, между потреблением разных родов которой существует известное притяжение, но при этом ее конкретные образцы в среднем оцениваются менее позитивно. Области жанровой культуры (например, фантастика) примыкают к качественной массовой культуре примерно на тех же правах, что и высокая культура, причем явного антагонизма между ними не прослеживается.

Коммуникативное притяжение и потребность в признании своих вкусов со стороны окружающих в большей степени, чем стремление к отличию, являются той геологической силой, которой мы могли бы приписать появление этого культурного ландшафта. Связь известности и одобрения объектов, скорее, напоминает корреляцию, характерную для науки. Если мы опросим социологов, нравятся ли им список книг по социологии, то, вероятно, получим похожее распределение: с одной стороны, обнаружится почитаемая всеми классика, с другой, современные работы, вызывающие более поляризованное отношение. Такое поведение ученых может быть мотивировано нормами, определяющими законное членство в дисциплине через принятие ее канонов²⁰.

Существование подобных норм, карающих за проявления нонконформизма, могло бы быть альтернативным объяснением наблюдаемого паттерна, который позволяет нам обойтись без петерсоновского предположения об ориентации культурного потребления на задачи поддержания разговора. В некоторых ситуациях это альтернативное объяснение интуитивно более правдоподобно: мы можем представить себе студентов-экономистов и социологов, оживленно обсуждающих во время перерыва между парами С. Спилберга, но вообразить их горячо обсуждающими М.Ю. Лермонтова сложнее (никто из авторов ни разу не был ни участником, ни свидетелем такой сцены). Заметим также, что неверными оказываются и ожидания, сформированные на основании теорий полистилистичности, которые предполагают, что индивиды объединяются в племена на основании общности вкусов или иных характеристик (например, этничности) и, дистанцируясь от окружающего мира, утверждают солидарность друг с другом.

Мы не находим подтверждений теории, утверждающей, что эмоциональная неприязнь может развиваться стратегически как средство дистанцирования себя от тех, кто пытается имитировать потребления элиты, и, соответственно, что потребители по-настоящему высокого искусства испытывают неприязнь к искусству низкому. Подразумеваемое концепцией «кода кодов» притяжение форм искусства в сфере высокой культуры может иметь место: те, кто декларирует потребление одних форм высокой культуры, обычно потребляют и другие. Однако нет свидетельств того, что это владение является инструментом исключения²¹.

Можно ли из этого сделать однозначный вывод, что в России не происходит воспроизводства статусной группы или «культурного класса» [DiMaggio, Mohr 1985], энергично отграничивающей себя от окружения культурными барьерами? Здесь мы должны проявить осторожность. Наш выбор объекта исследования —

²⁰ Вряд ли социологи примут в качестве коллеги человека, декларирующего, что он не видит, почему кому-то может быть интересен М. Вебер: неприятие знаковых фигур из прошлой социологии ставит под сомнения принадлежность к ней.

²¹ Отметим, что это можно объяснить не только объективным существованием «кода кодов», но и верой в его существование, которая воплощается в ожиданиях относительно современного интеллектуала.

студентов элитарных учебных заведений – оправдывался представлением о том, что среди них мы найдем «культурных миллионеров», которые, если П. Бурдьё прав, должны были быть особенно энергичны в дистанцировании от менее утонченного окружения. Данные показывают, что ничего подобного не происходит: вкусы менее искушенной части потребителей не встречаются у более искушенных никакого отторжения. Мы не обнаружили никаких следов существования продвинутых ценителей культурного авангарда, с презрением отвергающего вкусы мейнстрима.

Тем не менее этот вывод требует нескольких оговорок. Первое: как показывает пример Дарьи Донцовой, наш выбор объектов мог быть несовершенным, поскольку мы, возможно, не охватили по-настоящему «низкие» жанры (русские ситкомы или женские романы), способные вызвать негативную реакцию, которая отсутствует в отношении любителей С. Спилберга и даже Л.Бессона. Эмоционально насыщенные культурные границы могут пролегать ниже и отделять непочитателей оперы от любителей мюзиклов, а ценителей того и другого (и, возможно, даже Верки-Сердючки) от поклонников певицы Натали и песни «Боже, как какой мужчина», но в то же не исчезнуть вовсе. В этом смысле наш способ составления списка оцениваемых культурных объектов мог быть неудачным, если потребление и отчеты о нем при ответах уже подверглись жесткому самоконтролю и самооценуре. Однако даже если подобное и произошло, это свидетельствует исключительно о том, что определенные вкусы являются инструментом маргинализации непривелегированных групп, но не самоизоляции со стороны элиты (аналогичный процесс, возможно, имел место в США, см. [Bryson 1996]).

Второе (и, возможно, более важная оговорка): снобистские тенденции могли быть перемещены из сферы того, что потребляется и одобряется, в сферу того, как оно потребляется и одобряется. Д. Хольт, пытаясь защитить П. Бурдьё от сторонников теорий «всеядности», настаивал на том, что потребителей теперь маркирует не набор потребляемых объектов, а стиль потребления [Holt 1998]. Высшие классы культивируют в себе способность обсуждать и сравнивать произведения искусства, делать свою любовь к ним поводом для демонстрации широты познаний и тонкости суждения. Эстетический объект оказывается лишь предлогом для упражнения в определенных устных жанрах²². Аргумент Д. Хольта в некотором смысле объединяет теории «всеядности» и идеи П. Бурдьё: с одной стороны, потреблять можно что угодно, с другой стороны, сохраняется логика эксклюзии и выстраивания статусных границ, и в такой адаптированной форме П. Бурдьё нашими данными не опровергается.

Принятие этих поправок к теории П. Бурдьё, однако, подразумевает, что в нее должны быть внесены обширные модификации. В частности, нам приходится отказаться от семиотической модели, основанной на сложности кода (имеет значение не код, которым послание зашифровано, а независимый от него код, используемый при дешифровке), и пересмотреть представления о структуре полей. В оригинальной теории существует гомология между организацией пространства вкусов и полем культурного производства, где структура последнего задается вкусами, которые обслуживает соответствующий сегмент поля [Bourdieu 1983; Bourdieu 1996]. Более сложные коды и элитарная публика соответствуют автономному полюсу, основным законом эволюции которого является движение от сложного к более сложному и эзотерическому: так, современное искусство по определению не может быть прочитано с помощью одного из «вульгарных» кодов (нефигуративная живо-

²² «Я лично очень люблю МакДональдс: нигде не испытываешь сартровскую заброшенность острее, особенно мерзким ноябрьским утром».

пись не знает ни портретного сходства, ни символизма). Однако, если мы принимаем поправки Д. Хольта, необходимость и возможность появления автономного полюса в поле культурного производства вообще оказываются под вопросом.

В заключение вернемся к еще одному результату нашего исследования. Мы опробовали в нем подход к изучению культурного потребления, отличный от освященного традицией (анализ вкусов социально-экономических групп). Традиционный подход при всех его достоинствах имеет ограничения, связанные с тем, что он (1) предполагает существование надежной модели классовой структуры; (2) требует информации о положении в ней носителей вкусов. Последнее отсекает возможность использования в других случаях наиболее богатых источников относительно культурного потребления, которые доступны благодаря *big data*. Мы пытались показать, что произвести сравнение теорий культурного потребления возможно, даже если отказать от данных о структурной позиции. Хотя в настоящем исследовании информация собиралась традиционным опросным методом, сама стратегия может быть апробирована на данных из иных источников. Очевидно, что источники такого рода обречены страдать от недостатка репрезентативности, но масштаб и относительная доступность *big data* способны во многом окупить это ограничение.

Литература

- Бурдьё П. (2001) Практический смысл. СПб.: Алетейя.
 Bourdieu P. (2001) *Prakticheskii smysl* [Practical Sense], Saint-Petersburg: Aleteya.
 Bourdieu P. (1983) The Field of Cultural Production, or the Economic World Reversed // *Poetics*, vol. 12, no 4–5, pp. 311–356.
 Bourdieu P. (1) (1984) *Distinction: The Social Critique of the Judgment of Taste*, London: Routledge/Kegan Paul.
 Bourdieu P. (2) (1984) Outline of a Theory of Art Perception // Bourdieu P. *The Field of Cultural Production. Essays on Art and Literature*, University of Columbia Press.
 Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital // Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, New York: Greenwood Press, pp. 241–258.
 Bourdieu P. (1996) *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*, Cambridge: Polity Press.
 Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. (1991) *The Love of Art: European Art Museums and their Public*, Cambridge: Polity Press.
 Bourdieu P., Passeron J.-C. (1990) *Reproduction in Education, Society and Culture*, London: Sage.
 Brown R. (1977) *A Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences*, Cambridge: Cambridge University Press.
 Bryson B. (1996) “Anything but Heavy Metal”: Symbolic Exclusion and Musical Dislikes // *American Sociological Review*, vol. 61, no 5, pp. 884–899.
 De Graaf N.D., De Graaf P.M., Kraaykamp G. (2000) Parental Cultural Capital and Educational Attainment in the Netherlands: A Refinement of the Cultural Capital Perspective // *Sociology of Education*, vol. 73, no 2, pp. 92–111.
 DiMaggio P. (1982) Cultural Capital and School Success. The Impact of Status Culture Participation on the Grades of United-states high-school Students // *American Sociological Review*, vol. 47, no 2, pp. 189–201.
 DiMaggio P. (2000) The Production of Scientific Change: Richard Peterson and the Institutional Turn in Cultural Sociology // *Poetics*, vol. 28, no 2–3, pp. 107–136.
 DiMaggio P., Useem M. (1978) The Origins and Consequences of Class Differences in Exposure to the Arts in America // *Theory and Society*, vol. 5, no 2, pp. 141–161.
 DiMaggio P., Mohr J. (1985) Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection // *American Journal of Sociology*, vol. 90, no 6, pp. 1231–1257.

- DiMaggio P., Mohr J. (1995) The Intergenerational Transmission of Cultural Capital // *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 14, pp. 167–199.
- DiMaggio P., Mukhtar T. (2004) Arts Participation as Cultural Capital in the United States, 1982–2002: Signs of Decline? // *Poetics*, vol. 32, no 2, pp. 169–194.
- Gayo-Cal M., Savage M., Warde A. (2006) A Cultural Map of the United Kingdom, 2003 // *Cultural Trends*, vol. 15, no 2–3, pp. 213–237.
- Holt D.B. (1998) Does Cultural Capital Structure American Consumption? // *Journal of Consumer Research*, vol. 25, no 1, pp. 1–25.
- Katsillis J., Rubinson R. (1990) Cultural Capital, Student Achievement and Educational Reproduction. The Case of Greece // *American Sociological Review*, vol. 55, no 2, pp. 270–279.
- Katz-Gerro T. (2002) Highbrow Cultural Consumption and Class Distinction in Italy, Israel, West Germany, Sweden, and the United States // *Social Forces*, vol. 81, no 1, pp. 207–229.
- Kingston P.W. (2001) The Unfulfilled Promise of Cultural Capital Theory // *Sociology of Education*, special issue, pp. 88–99.
- Lamont M., Lareau A. (1988) Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Development // *Sociological Theory*, vol. 6, pp. 153–168.
- Lareau A., Weininger E.B. (2003) Cultural Capital in Educational Research: A Critical Assessment // *Theory and Society*, vol. 32, no 5–6, pp. 567–606.
- Peterson R., Kern R. (1996) Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore // *American Sociological Review*, vol. 61, no 5, pp. 900–907.
- Peterson R.A. (1992) Understanding Audience Segmentation. From Elite and Mass to Omnivore and Univore // *Poetics*, vol. 21, no 4, pp. 243–258.
- Peterson R.A. (2005) Problems in Comparative Research: The Example of Omnivorousness // *Poetics*, vol. 33, no 5–6, pp. 257–282.
- Sullivan A. (2001) Cultural Capital and Educational Attainment // *Sociology*, vol. 35, no 4, pp. 893–912.
- Warde A., Wright D., Gayo-Cal M. (2007) Understanding Cultural Omnivorousness: Or, the Myth of the Cultural Omnivore // *Cultural Sociology*, vol. 1, no 2, pp. 143–164.
- Zavisca J. (2005) The Status of Cultural Omnivorism: A Case Study of Reading in Russia // *Social Forces*, vol. 84, no 2, pp. 1233–1255.

Cultural Capital, Artistic Tastes and Status Boundaries Among Russian University Students

M. SOKOLOV*, M. SAFONOVA**, G. CHERNETSKAYA***

***Mikhail Sokolov** – Candidate of Science in Sociology, Professor, Political Science and Sociology Department, European University at Saint Petersburg. Address: 3a, Gagarinskaya St., Saint Petersburg, 191187, Russian Federation. E-mail: msokolov@eu.spb.ru

****Maria Safonova** – Candidate of Science in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Higher School of Economics. Address: 16, Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190008, Russian Federation. E-mail: msafonova@hse.ru

*****Galina Chernetskaya** – MA in Sociology, Graduate, Political Science and Sociology Department, European University at Saint Petersburg. Address: 16, Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190008, Russian Federation. E-mail: gaaalka@gmail.com

Citation: Sokolov M., Safonova M., Chernetskaya G. (2017) Cultural Capital, Artistic Tastes and Status Boundaries Among Russian University Students. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 152–179 (in Russian)

Abstract

This article tests Pierre Bourdieu's, and Richard Peterson's / Paul DiMaggio's theories of cultural consumption using data from a survey of students of an elite Russian university. While this sample is obviously not representative of general population, it arguably allows comparing crucial expectations arising from the two theories. Due to specifics of admission procedure, it included young people who were endowed with high levels of cultural capital (passing highly competitive exams) and those who were endowed with economic capital (paying high tuition fees) interacting with each other on an almost daily basis. It follows from Bourdieu's treatment of cultural capital that co-existence of members of different factions of societal elite would inevitably result in high cultural capital group rejecting the tastes of a less sophisticated audience and in this way establishing its superiority. In contrast, "cultural omnivore"/"cultural mobility" theory expects a more peaceful coexistence with high cultural capital group developing liking, rather than disliking, for objects consumed by low cultural capital group and using them as a communicative resource. An innovative aspect of this study is that, instead of using regressions to find correlations between quality and quantity of tastes and class position of individuals to whom these tastes belong, we rely on testing competing hypotheses concerning the organizations of spaces of tastes as such. The specific hypotheses derived specify (1) the overall distribution of artistic tastes (the polarization of the high- and the low-brow tastes vs centre-periphery structure with mainstream and consensual tastes in the middle), (2) homology of different forms of high culture vs segmented forms of cultural consumption, (3) distribution of accounts of liking as portrayed against the background of cultural knowledge. Generally, our findings yield full support for the cultural omnivore model. Counter the snob model, high cultural capital group demonstrates significantly more liking for the most familiar and accessible artistic figures, than low cultural capital group. We discuss the implications of these findings with regard to other aspects of Bourdieu's theoretical contributions and our understanding of status boundaries in modern Russia.

Key words: cultural capital, cultural consumption, social space (mapping), status boundaries, Bourdieu, cultural omnivorousness

References

- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskii smysl* [Practical Sense], Saint-Petersburg: Aleteya.
- Bourdieu P. (1983) The Field of Cultural Production, or the Economic World Reversed. *Poetics*, vol. 12, no 4–5, pp. 311–356.
- Bourdieu P. (1) (1984) *Distinction: The Social Critique of the Judgment of Taste*, London: Routledge/Kegan Paul.
- Bourdieu P. (2) (1984) Outline of a Theory of Art Perception. Bourdieu P. *The Field of Cultural Production. Essays on Art and Literature*, University of Columbia Press.
- Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, New York: Greenwood Press, pp. 241–258.
- Bourdieu P. (1996) *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*, Cambridge: Polity Press.
- Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. (1991) *The Love of Art: European Art Museums and their Public*, Cambridge: Polity Press.

- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1990) *Reproduction in Education, Society and Culture*, London: Sage.
- Brown R. (1977) *A Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bryson B. (1996) “Anything but Heavy Metal”: Symbolic Exclusion and Musical Dislikes. *American Sociological Review*, vol. 61, no 5, pp. 884–899.
- De Graaf N.D., De Graaf P.M., Kraaykamp G. (2000) Parental Cultural Capital and Educational Attainment in the Netherlands: A Refinement of the Cultural Capital Perspective. *Sociology of Education*, vol. 73, no 2, pp. 92–111.
- DiMaggio P. (1982) Cultural Capital and School Success. The Impact of Status Culture Participation on the Grades of United-states High-school Students. *American Sociological Review*, vol. 47, no 2, pp. 189–201.
- DiMaggio P. (2000) The Production of Scientific Change: Richard Peterson and the Institutional Turn in Cultural Sociology. *Poetics*, vol. 28, no 2–3, pp. 107–136.
- DiMaggio P., Useem M. (1978) The Origins and Consequences of Class Differences in Exposure to the Arts in America. *Theory and Society*, vol. 5, no 2, pp. 141–161.
- DiMaggio P., Mohr J. (1985) Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection. *American Journal of Sociology*, vol. 90, no 6, pp. 1231–1257.
- DiMaggio P., Mohr J. (1995) The Intergenerational Transmission of Cultural Capital. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 14, pp. 167–199.
- DiMaggio P., Mukhtar T. (2004) Arts Participation as Cultural Capital in the United States, 1982–2002: Signs of Decline? *Poetics*, vol. 32, no 2, pp. 169–194.
- Gayo-Cal M., Savage M., Warde A. (2006) A Cultural Map of the United Kingdom, 2003. *Cultural Trends*, vol. 15, no 2–3, pp. 213–237.
- Holt D.B. (1998) Does Cultural Capital Structure American Consumption? *Journal of Consumer Research*, vol. 25, no 1, pp. 1–25.
- Katsillis J., Rubinson R. (1990) Cultural Capital, Student Achievement and Educational Reproduction. The Case of Greece. *American Sociological Review*, vol. 55, no 2, pp. 270–279.
- Katz-Gerro T. (2002) Highbrow Cultural Consumption and Class Distinction in Italy, Israel, West Germany, Sweden, and the United States. *Social Forces*, vol. 81, no 1, pp. 207–229.
- Kingston P.W. (2001) The Unfulfilled Promise of Cultural Capital Theory. *Sociology of Education*, special issue, pp. 88–99.
- Lamont M., Lareau A. (1988) Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Development. *Sociological Theory*, vol. 6, pp. 153–168.
- Lareau A., Weininger E.B. (2003) Cultural Capital in Educational Research: A Critical Assessment. *Theory and Society*, vol. 32, no 5–6, pp. 567–606.
- Peterson R., Kern R. (1996) Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore. *American Sociological Review*, vol. 61, no 5, pp. 900–907.
- Peterson R.A. (1992) Understanding Audience Segmentation. From Elite and Mass to Omnivore and Univore. *Poetics*, vol. 21, no 4, pp. 243–258.
- Peterson R.A. (2005) Problems in Comparative Research: The Example of Omnivorosity. *Poetics*, vol. 33, no 5–6, pp. 257–282.
- Sullivan A. (2001) Cultural Capital and Educational Attainment. *Sociology*, vol. 35, no 4, pp. 893–912.
- Warde A., Wright D., Gayo-Cal M. (2007) Understanding Cultural Omnivorosity: Or, the Myth of the Cultural Omnivore. *Cultural Sociology*, vol. 1, no 2, pp. 143–164.
- Zavisca J. (2005) The Status of Cultural Omnivorism: A Case Study of Reading in Russia. *Social Forces*, vol. 84, no 2, pp. 1233–1255.

Повседневность россиян: гражданские и потребительские практики

Е.В. БОГОМОЛОВА*, Е.Г. ГАЛИЦКАЯ**, Ю.А. КОТ***, Е.С. ПЕТРЕНКО****

***Екатерина Вячеславовна Богомолова** – старший специалист, Фонд «Общественное мнение». Адрес: 123022, Москва, ул. Рочдельская, д. 15, стр. 16а. E-mail: bogomolova@fom.ru

****Елена Геннадьевна Галицкая** – главный специалист, ООО «инФОМ». Адрес: 123022, Москва, ул. Рочдельская, д. 15, стр. 16а. E-mail: galitskaya@fom.ru

*****Юлия Александровна Кот** – ведущий специалист, Фонд «Общественное мнение». Адрес: 123022, Москва, ул. Рочдельская, д. 15, стр. 16а. E-mail: kot@fom.ru

******Елена Серафимовна Петренко** – кандидат философских наук, директор по науке, Фонд «Общественное мнение». Адрес: 123022, Москва, ул. Рочдельская, д. 15, стр. 16а. E-mail: petrenko@fom.ru

Цитирование: Богомолова Е.В., Галицкая Е.Г., Кот Ю.А., Петренко Е.С. (2017) Повседневность россиян: гражданские и потребительские практики // Мир России. Т. 26. № 1. С. 180–197

В статье рассматриваются различные эмпирические индикаторы повседневных социальных практик, которые характеризуют стиль жизни современных россиян. Они позволяют идентифицировать доминирующие ориентации представителей различных социальных групп и населения в целом на гражданское участие, на определенный стиль жизни и потребления. В статье приводятся методики идентификации акторов гражданского участия, действующих в российском обществе. Через включенность респондентов в те или иные житейские повседневные практики рассматриваются различные стили жизни наших современников, представителей отдельных социальных кластеров.

Необходимость измерения численности и изучения деятельности таких социальных групп объясняется их социальной активностью, направленной на минимизацию времени, которое затрачивается на повседневные рутинные действия с целью расширения кругозора, совершенствования профессиональных знаний и навыков, участия в гражданских инициативах. Именно эти группы являются основой для дальнейшего развития гражданского общества в России.

В статье описаны методики измерения гражданского участия в различных социальных группах. Для этого используются индексы, вычисляемые по данным массовых опросов: «Гражданский климат», «Гражданское поведение», «Потенциал гражданского участия», «Удовлетворенность жизнью». Было установлено, что чем выше значения ин-

деков в отдельной социально-демографической группе, тем отчетливее у ее представителей проявляются установка на гражданское поведение, социальную ответственность и тем большим модернизационным потенциалом они обладают.

Исследование базируется на данных всероссийских репрезентативных опросов населения, проведенных Фондом «Общественное мнение» в период с 2012 по 2016 год. Также используются данные еженедельных всероссийских опросов (выборка 1500 респондентов), всероссийских мегаопросов (выборка 60500 респондентов), опрос жителей крупных городов России (1500 респондентов).

Ключевые слова: повседневные практики, гражданское участие, акторы гражданского участия, волонтерство, потребительское поведение, стиль жизни

Информационная база

Статья написана на основе данных массовых опросов, проведенных Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 2012–2016 гг. Ниже приведены характеристики этих опросов, результаты которых используются в настоящей статье.

- Еженедельно ФОМ проводит всероссийские репрезентативные опросы населения России старше 18 лет – ФОМнибус. Опрос респондентов проходит в режиме личного интервью (*face-to-face*) в 100 населенных пунктах (городах и селах) 46 субъектов РФ; выборка – многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная; объем выборки – 1500 респондентов; статистическая погрешность не превышает 3,6%. Опрос показывает страну в целом, но не репрезентирует регионы РФ. В анкеты общенациональных опросов неоднократно включался «ФОМ-тест Л21»¹, и по ответам респондентов на него фиксируются актуальные социальные адреса (пол, возраст, уровень образования, место жительства) представителей авангардных групп россиян.
- Не реже одного раза в полугодие ФОМ проводит всероссийские мегаопросы – МегаФОМ, которые репрезентируют не только население России в целом, но и население каждого субъекта РФ. Опрашиваются граждане старше 18 лет в режиме личного интервью (*face-to-face*); объем выборки каждого опроса – 60500 респондентов, а в каждом субъекте – от 500 до 800 респондентов; статистическая погрешность общероссийской выборки не превышает 1%; статистическая погрешность выборки каждого субъекта не превышает 5,5%. В анкеты мегаопросов всегда включается «ФОМ-тест Л21».
- В апреле 2012 г. среди жителей 10 крупных городов в возрасте от 18 до 60 лет ФОМ провел исследование «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» [Ресурс добровольческого движе-

¹ ФОМ-тест Л21; вопрос о повседневных практиках респондентов: «Скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние два-три года?» (любое число ответов). Варианты ответов: «брать кредит в банке», «оформлять кредит в магазине», «работать за компьютером», «пользоваться интернетом», «вести переписку по электронной почте», «ездить за границу», «расплачиваться за товары/услуги при помощи банковской карты», «иметь дело с иностранной валютой», «пользоваться услугами косметических салонов», «пользоваться услугами домработницы», «летать на самолетах», «приобретать спортивные товары и/или туристическое снаряжение», «заниматься в фитнес-центре/спортивном клубе», «получать дополнительное образование», «повышать квалификацию», «пользоваться мобильным телефоном», «пользоваться смартфоном». На основе ответов мы получили социальные группы, соответствующие различным стилям жизни россиян.

ния 2012]. В соответствии с актуальными социальными адресами (квотами) авангардных групп, полученными по ответам респондентов на «ФОМ-тест Л-21», для участия в исследовании были отобраны 1500 респондентов-жителей крупнейших городов РФ (Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Самары, Ростова-на-Дону, Волгограда, Казани, Екатеринбурга, Новосибирска, Омска)².

- Для построения аналитических кластеров респондентов использовались «слитые» массивы данных: в единый массив объединялись ответы на одинаковые вопросы из нескольких последовательных еженедельных ФОМнибусов, благодаря чему появилась возможность получить статистически достоверные оценки для малых групп. В статье приводятся данные как из отдельных, так и из объединенных еженедельных опросов.

Предпосылки исследования

Во второй половине 1980-х гг. Б.А. Грушин, выступая на одном из семинаров, рассказывал о подходе к составлению прогноза развития российского социума: «Недавно с Ядовым мы участвовали в очередной “панаме”, в написании, конструировании прогноза развития нашего общества до 2015 г. Нам удалось в результате нескольких исследований провести замеры пяти главных сегментов, которые *существуют* в нашем обществе, которые опознаются по их *повседневным практикам* (здесь и далее курсив авторов статьи): собственно, инноваторы, квазиинноваторы, консерваторы, выжидатели и аутисты. И нам удалось измерить каждый из этих сегментов. Первый составляет 2–3% населения. Затем идут квазиинноваторы, которые составляют примерно четверть населения (25%). А затем идут консерваторы, которые не просто придерживаются старых аттитюдов, но активно демонстрируют их. Ну и 50% остается на тех, которые оказываются в позиции выжидателей. Остальные – аутисты. Мы не можем рассчитывать ни на какие быстрые результаты ни в экономике, ни в политике <...>. Все это произойдет, когда возникнут *новые элементы гражданского общества* <...>. Все это произойдет впервые, когда произойдут новые первые реальные сдвиги, которые дадут основание говорить о том, что возникают новые элементы гражданского общества. Я говорю о главном, потому что речь идет именно о становлении *гражданского общества*» [Аникина, Хруль 2015, с. 12–14].

В проекте «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» ФОМ разработал тестовые вопросы, которые позволили по результатам анкетного опроса эмпирически верифицировать две социальные проекции стилей жизни респондентов [Ресурс добровольческого движения 2012]. Каждая проекция описывает включенность участников опроса в определенные тип повседневных поведенческих практик [Arnstein 1969]: с одной стороны, добровольческих и/или реципрокных, с другой, потребительских. Композицию этих двух проекций мы рассматриваем как эмпирический референт (сегментации, по Б.А. Грушину) стиля жизни индивида, социальной группы, территориальной общности и т.п. [Оберемко 2008, с. 249–277].

² При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 марта 2011 г. № 127-рп.

В начале статьи рассматриваются социальные эффекты гражданского участия, далее исследуется включенность акторов гражданского участия в повседневные практики, по которым сделана попытка идентифицировать разные стили жизни россиян, и, наконец, проводится анализ комбинации гражданского и житейского поведения у представителей различных социальных кластеров [Макаров 2010].

Оценка социальных эффектов гражданского участия

ФОМ оценивает степень гражданского участия социальной группы, жителей населенного пункта, агломерации/региона/страны, сотрудников корпорации, профессиональной/социальной/демографической группы, участников социального движения, электората той или иной партии с помощью индексов, вычисляемых по результатам массовых опросов [Галицкая, Галицкий, Петренко, Рапопорт 2012]. Первоначально непосредственно по данным опроса для каждого респондента, конкретной социальной группы и всех опрошенных рассчитываются два индекса – индекс «Гражданский климат» (ИГК) и индекс «Гражданское поведение» (ИГП). Затем по значениям этих индексов вычисляется составной индекс – «Потенциал гражданского участия» (ПГУ).

Индекс «Гражданский климат» разработан на базе принятых в международной научной практике представлений о «социальном капитале» и о его эмпирических референтах: доверие между людьми и готовность к солидарным действиям [Putnam 1995]. Индекс измеряет ценностные ориентации респондентов и строится при помощи трех эмпирических индикаторов (ответов на вопросы анкеты): социальное доверие («большинству людей можно доверять»), межличностное доверие («большинству окружающих меня людей можно доверять») и готовность к солидарным действиям («готов объединяться с другими людьми, если наши интересы совпадают»)³. Он рассчитывается в баллах и изменяется от 0 до 100. Значение ИГК для той или иной социальной группы вычисляется как среднее по респондентам, входящим в эту группу. Осенью 2015 г.⁴ индекс «Гражданский климат» для населения России составил 47 баллов.

Индекс «Гражданское поведение» измеряет установки респондентов на гражданское поведение (тест на готовность: «организовать гражданское действие и/или принять участие в нем и/или пожертвовать деньги на его проведение») и также изменяется от 0 до 100 баллов. Осенью 2015 г. ИГП для населения России составил 22 балла.

Судя по данным, полученным в результате анализа, корреляционная связь между ИГК и ИГП отсутствует, что позволяет представить ответы любого респондента точкой на плоскости, координатами которой являются соответствующие значения ИГК и ИГП. Далее для каждого респондента строится составной индекс «Потенциал гражданского участия», который вычисляется как евклидово расстояние от начала координат до точки с координатами ИГК, ИГП. ПГУ рассчитывается

³ Процедуры вычисления индексов ИГК, ИГП, ПГУ и ИУЖ см. в Приложении на стр. 193–195.

⁴ Вопросы для построения индексов включаются в анкеты всероссийских репрезентативных опросов один раз в полгода. Здесь и далее в этом разделе: всероссийский репрезентативный опрос населения в России старше 18 лет; опрос граждан проходил в режиме личного интервью (*face-to-face*) в 100 населенных пунктах (городах и селах) 46 субъектов РФ; выборка – многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная; объем выборки – 1500 респондентов; статистическая погрешность не превышает 3,6% (дата проведения – 12.09.2015).

в баллах и может изменяться от 0 до 100. Значение ПГУ для той или иной социальной группы калькулируется как среднее значение этого индекса по всем респондентам, входящим в эту группу. Осенью 2015 г. индекс «Потенциал гражданского участия» для населения России составил 39 баллов.

Для оценки *социальных эффектов* гражданского участия той или иной социальной группы, жителей региона, агломерации ФОМ использует еще один индекс – индекс «Удовлетворенность жизнью» (ИУЖ), показывающий социальные эффекты гражданского участия. Он рассчитывается по ответам на три вопроса:

- «Вы можете сказать о себе, что Вы счастливый человек?»;
- «Скажите, пожалуйста, большинство окружающих Вас людей счастливы или несчастливы?»;
- «Как Вы считаете, счастлив человек или нет, зависит от его самоощущений, а не от внешних обстоятельств?».

Границы значений, как и у рассмотренных выше индексов, составляют 0–100 баллов. В начале сентября 2015 г. ИУЖ у россиян, включенных в те или иные действия гражданского участия, достигал 68 баллов, а у респондентов, не включенных в реципрокные повседневные практики, был равен лишь 50 баллам.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что индексы «Потенциал гражданского участия» и «Удовлетворенность жизнью» являются индикаторами развитости (укорененности в социуме) гражданских мировоззренческих ценностей и поведенческих установок респондентов, а также их социальных эффектов. Следует подчеркнуть, что чем выше значения индексов в отдельной социально-демографической группе, тем отчетливее проявляется у ее представителей установка на гражданское поведение и тем большим модернизационным потенциалом они обладают, т.е. способны через новые виды активности создавать плацдарм для свежих идей, инициатив и сообществ.

Далее приводятся значения этих индексов для всех групп гражданского участия.

Действующие лица: акторы гражданского участия

При анализе и интерпретации результатов массовых опросов в российской эмпирической социологии существует давняя традиция использовать включенность респондентов в поведенческие практики для идентификации их стиля жизни. Еще во второй половине 1970-х гг. И.В. Бестужев-Лада работал над проблематикой образа жизни и ввел в научный дискурс понятия «жизненный уклад», «качество жизни», «стиль жизни», которые операционализировал через повседневные поведенческие практики респондентов [Козлова, Оберемко, Шмерлина 2010]. Этим приемом воспользовались и авторы настоящей статьи.

Судя по результатам общенационального опроса ФОМ⁵, россияне 18+, включенных в те или иные гражданские и/или реципрокные отношения, в три раза больше, чем исключенных («гражданских аутсайдеров»). Отметим, что это соотношение несколько менялось в течение периода наблюдений: в 2007 г. «гражданские аутсайдеры» составляли 36%, в 2013 г. – 35%, в 2014 г. – 33%, в 2015 г. – 25%.

⁵ Всероссийский репрезентативный опрос населения в России старше 18 лет. Опрос граждан проходил в режиме личного интервью (*face-to-face*) в 100 населенных пунктах (городах и селах) 46 субъектов РФ; выборка – многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная; объем выборки – 1500 респондентов; статистическая погрешность не превышает 3,6% (дата проведения – 12.09.2015).

Иными словами, согласно приведенным данным, включенность россиян в гражданские и/или реципрокные практики медленно, но все же растет.

Действующие акторы гражданского общества – это люди, регулярно (или время от времени) принимающие участие в гражданских инициативах: они входят в наиболее социально активные группы россиян, являются или потенциально могут стать основой для дальнейшего развития российского волонтерского движения, и их деятельность включает в себя взаимопомощь и самопомощь, участие в массовых мероприятиях и их организации, а также в функционировании некоммерческих организаций.

Следует отметить, что определение акторов гражданского участия можно провести при помощи следующего тестового вопроса: «Скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние полгода-год?»⁶. Для ответа на вопрос респонденту предлагалось выбрать любое количество вариаций из списка практик:

- отдыхать, проходить курс лечения за границей;
- посещать образовательные курсы, лекции, семинары;
- заниматься общественными проблемами по месту жительства (в том числе в ТСЖ, дачных кооперативах);
- помогать незнакомым людям;
- участвовать в деятельности некоммерческих организаций, работать волонтером, добровольцем;
- участвовать в жизни церковного прихода или религиозной общины;
- помогать коллегам, соседям, друзьям;
- жертвовать деньги на благотворительность (за исключением милостыни);
- участвовать в кружках, объединениях по интересам (театр, хоровое пение, охота и т.д.);
- участвовать в деятельности профессиональных сообществ, профсоюзов;
- участвовать в массовых акциях, демонстрациях, забастовках, митингах, шествиях;
- заниматься в спортивном клубе, фитнес-центре;
- участвовать в правозащитных инициативах (защита прав потребителей, инвалидов, призывников и т.д.);
- участвовать в родительских комитетах при школах, детских садах и т.д.;
- быть наблюдателем на выборах;
- делать что-либо для защиты природы и улучшения окружающей среды;
- приобретать одежду престижных марок;
- заниматься шопингом (для удовольствия).

Что касается типов акторов гражданского участия⁷, то на дальней и средней социальной дистанции (т.е. за пределами ближнего круга) в реципрокные практики в той или иной мере авторы статьи включили «волонтеров», «участников досуговых практик», «активистов», «альтруистов», «гражданских обывателей» [Петренко, Иванова, Кот 2014].

- «Волонтеры» – акторы гражданского участия на дальней социальной дистанции (8% россиян 18+). Представители данной группы в той или иной мере могут быть внесены в любые из перечисленных выше практик, однако исклю-

⁶ С сентября 2015 по март 2016 г. раз в месяц в еженедельный опрос ФОМнибус включался вопрос: «Что из перечисленного Вам доводилось делать за последние полгода-год?». Массивы с данными по ФОМнибусам были «слиты», всего в базе данных получилось 10 500 респондентов 18+; статистическая погрешность не превышает 1,5%.

⁷ Названия типологических групп акторов гражданского участия присваивались на основе анализа языка самоописания участников добровольческого движения, проведенного в рамках проекта «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации» [Ресурс добровольческого движения 2012].

чительно только они участвуют в деятельности НКО, массовых акциях, подготовке и проведении мероприятий, правозащитных инициативах, организации и проведении выборов, в работе профессиональных сообществ и профсоюзов. Значения индексов для данной группы: ПГУ = 46, ИУЖ = 73⁸.

Социально-демографические характеристики «волонтеров» значительно отличаются от показателей по населению в целом⁹. Почти половина представителей этой группы имеют высшее образование (47% по сравнению с 29% в среднем по населению). Более 10% «волонтеров» занимают руководящие посты на работе (13% предпринимателей, руководителей среднего и высшего звена по сравнению с 6% в среднем по населению). В этой социальной группе 38% входят в возрастную категорию от 18 до 30 лет; 30% «волонтеров» – люди среднего возраста (31–45 лет), и еще одна треть (32%) – люди старше 46 лет. Каждый пятый (19%) «волонтер» имеет ежемесячный доход выше 30000 руб. (в среднем по населению – 10%). Среди «волонтеров» 29% проживают в городах с населением более 1 млн чел. 80% представителей этой социальной группы пользуются Интернетом каждый день (в среднем по населению – 57%).

- *«Участники социализирующих досуговых практик»* (9% россиян 18+). Данная группа выделяется по признаку участия в объединениях по интересам, образовательных семинарах, тренингах, курсах, лекциях. Они не включены в формы деятельности гражданского участия на дальней социальной дистанции, присущие «волонтерам».

Значения индексов для данной группы: ПГУ = 45, ИУЖ = 70.

Более половины «участников социализирующих досуговых практик» (53%) имеют высшее образование, 87% пользуются Интернетом каждый день. В этой социальной группе молодежь встречается чаще, чем в остальных группах (53%), 29% – люди в возрасте 31–45 лет, 18% – люди старше 46 лет. Более 10% «участников социализирующих досуговых практик» занимают должность руководителя (13%). Каждый пятый (19%) из них имеет ежемесячный доход более 30000 руб., каждый третий (30%) проживает в городе-миллионнике.

- *«Активисты»* – *акторы гражданского участия на средней социальной дистанции* (12% россиян 18+). Проявляют гражданскую активность в более узком круге. Их отличительная характеристика состоит в участии в активистских (инициативных) мероприятиях: разрешение общественных проблем по месту жительства, участие в жизни прихода, общины, защита окружающей среды, но при этом им также присуща активность на ближней социальной дистанции.

Значения индексов для данной группы: ПГУ = 42, ИУЖ = 64.

«Активисты» – в основном люди среднего возраста и старше (19% – в возрасте 18–30 лет, 38% – в возрасте 31–45 лет, 43% – старше 46 лет). Более трети «активистов» имеют высшее образование (35%). Представители этой группы не такие активные Интернет-пользователи, как в двух вышеописанных группах: лишь 61% пользуются Интернетом каждый день. Материальное положение «активистов» значимо не отличается от показателей в целом по населению.

- *«Альтруисты»*. Эта группа не похожа на три предыдущие, однако ей не чуждо помогающее поведение на ближней социальной дистанции, присущие «во-

⁸ Здесь и далее значения индексов рассчитаны по материалам репрезентативного опроса 1500 россиян 18+, проведенного в сентябре 2015 г.; статистическая погрешность не превышает 3,6%.

⁹ Здесь и далее социально-демографические характеристики акторов гражданского участия рассчитаны по материалам «слитого» массива данных: еженедельные опросы ФОМнибус, проведенные Фондом «Общественное мнение» с ноября 2015 по июнь 2016 г. Выборка каждого еженедельного опроса составляет 1500 россиян 18+, статистическая погрешность не превышает 3,6%. Совокупный объем выборки в массиве данных – 13 500 респондентов.

лонтерам» (13% россиян 18+). «Альтруистам» свойственны помощь незнакомым и пожертвования на благотворительность.

Значения индексов для данной группы: ПГУ = 41, ИУЖ = 64.

В этой группе возрастные категории представлены следующим образом: 18–30 лет – 27%, 31–45 лет – 25%, 46–60 лет – 27%, старше 60 лет – 21%. 28% «альтруистов» имеют высшее образование, 58% пользуются Интернетом каждый день, 11% имеют ежемесячный доход более 30000 руб., 6% занимают руководящие должности.

- «Гражданские обыватели» – акторы гражданского участия, чье помогающее поведение распространяется только в пределах ближайшего окружения (15% россиян 18+). Они оказывают помощь коллегам, соседям, друзьям, близким.

Значения индексов для данной группы: ПГУ = 39, ИУЖ = 56.

Возрастные категории «гражданских обывателей» распределены примерно одинаково: 18–30 лет – 26%, 31–45 лет – 25%, 46–60 лет – 28%, старше 60 лет – 21%. 24% «гражданских обывателей» имеют высшее образование, 54% пользуются Интернетом каждый день, 10% имеют ежемесячный доход более 30000 руб., и только 4% занимают руководящие должности.

Следует подчеркнуть, что респонденты, не включенные в рассматриваемые гражданские практики, делятся еще на две группы:

- «Веб-обыватели» (20% россиян 18+). Реально в тестовые реципрокные практики не включены, но активны в виртуальном пространстве.

Значения индексов: ПГУ = 41, ИУЖ = 67.

В данной социальной группе возрастные категории представлены следующим образом: 18–30 лет – 41%, 31–45 лет – 34%, 46–60 лет – 18%, старше 60 лет – 7%. 31% «веб-обывателей» имеют высшее образование, 100% пользуются Интернетом каждый день, 10% имеют ежемесячный доход более 30000 руб., и лишь 5% занимают руководящие должности.

- «Гражданские аутсайдеры» (23% россиян 18+) не включены ни в одну из реципрокных практик ни в реальном, ни в виртуальном пространстве.

Значения индексов: ПГУ = 34, ИУЖ = 50.

Среди «гражданских аутсайдеров» возраст 18–30 лет составляет 7%, 31–45 лет – 15%, 46–60 лет – 29%, старше 60 лет – 49%. 13% представителей этой группы имеют высшее образование, Интернетом каждый день не пользуются, только 2% имеют ежемесячный доход более 30000 руб., и 55% «аутсайдеров» – неработающие пенсионеры.

Судя по значениям ИУЖ в обозначенных группах, можно сделать вывод, что чем выше удовлетворенность жизнью, тем глубже погруженность индивида, социальной группы, работников корпорации, членов местных сообществ, жителей территории и других в практики гражданского участия и, соответственно, тем больше потенциал гражданского участия (ПГУ) данного социума. Вполне очевидно, что включаются в практики гражданского участия люди строго очерченного стиля жизни, т.е. находящиеся на определенном уровне доступа и освоения современных потребительских форм поведения.

Действующие лица: потребительские практики и стили жизни

В современном обществе потребительское поведение можно рассматривать как определенную форму социальной, а в последнее время и гражданской активности (при покупке товаров предпочтение отдается отечественным производителям)

[Шабанова 2015]. Некоторые потребительские практики, помимо удовлетворения тех или иных потребностей индивида, демонстрируют его социальное положение (или претензии на таковое), конструируют окружение, формируют и персональные, и социальные аспекты идентичности. Их освоение «требует от обывателя не только определенного материального достатка, но и должного уровня личностного развития» [Макаров 2010]. При этом мотивация овладения инновационными повседневными практиками, демонстративного инновационного потребления связана с инвестированием в собственный человеческий и культурный капитал.

При поиске различных социальных групп мы обращаем внимание именно на деятельность, а не на современные ценности и принципы, поскольку последние могут разделять люди с дифференциальным повседневным поведением. Таким образом, ценности не всегда являются показателем склонности к инновационным формам деятельности, в то время как включенность в современные потребительские практики, наоборот, представляется хорошим индикатором поиска авангардных групп.

Участники двух общенациональных опросов МегаФОМ, проведенных в марте и ноябре 2015 г., отвечали на вопрос: «Что из перечисленного Вам доводилось делать за последние два-три года?». Для ответа предлагался перечень современных потребительских практик (инновационные практики индивидуального потребления, которые включают в себя потоки финансов, товаров, информации и транспорт):

- брать кредит в банке;
- оформлять кредит в магазине;
- работать за компьютером;
- пользоваться Интернетом, вести переписку по электронной почте;
- водить автомобиль;
- ездить за границу;
- расплачиваться за товары и/или услуги при помощи пластиковой карты;
- иметь дело с иностранной валютой;
- пользоваться услугами косметических салонов;
- пользоваться услугами домработницы, помощницы по хозяйству, няни, сиделки;
- летать самолетами;
- приобретать спортивные товары и/или туристическое снаряжение;
- заниматься в фитнес-центре, спортивном клубе;
- вкладывать деньги в акции, ценные бумаги;
- пользоваться услугой доставки товаров на дом;
- получать дополнительное образование, повышать квалификацию;
- пользоваться мобильным телефоном; пользоваться смартфоном.

С помощью методов многомерного анализа ответов респондентов [Татарова 1999] были определены шесть современных стилей жизни/типов россиян: «инвесторы» (1%), «путешественники» (13%), «гедонисты» (16%), «заемщики» (19%), «обыватели-консьюмеры» (44%), «аутсайдеры-консьюмеры» (7%).

Наиболее активные группы («инвесторы», «путешественники» и «гедонисты») представляют собой авангардную и, в известном смысле, целевую аудиторию для товаропроизводителей. Следует обратить внимание, что такие респонденты проявляют не только консьюмеристское любопытство, но и осуществляют мониторинг существующих инновационных продуктов, которые они стремятся осваивать и использовать в рамках своей повседневной жизни. Досуг, отдых и потребление этих групп подчинены реализации потребности в современной комфортности, повышению капитализации (в том числе и в социальном смысле) и эффективности своей жизнедеятельности.

Полученные результаты позволили описать социальный портрет продвинутого потребителя, однако на эти черты можно посмотреть и иначе: в них наблюдаются специфические социальные среды, социальные подпространства, которые в разной степени дружелюбны или сдержанны по отношению к инновационным практикам.

«Инвесторы». У этой группы самый «богатый» набор тестовых практик, при этом только они¹⁰ вкладывают деньги в ценные бумаги (57%) и только среди них каждый второй (51%) пользуется услугами домработницы. Последнее, как минимум, является свидетельством более высокого уровня жизни, чем у остальных респондентов. Треть «инвесторов» (33%) пользуются банковскими кредитами, 40% имеют опыт заграничных путешествий, каждый третий (34%) занимается в спортивном клубе. Среди «инвесторов» жители Москвы и Санкт-Петербурга встречаются в два раза чаще, чем в среднем по выборке (7% против 3% в среднем по всем опрошенным). В три раза больше, чем в среднем, среди «инвесторов» можно встретить предпринимателей (7% против 2% в среднем по всем опрошенным) и руководителей высшего звена (3% против 1%). Это, пожалуй, самая высокодоходная группа среди всех участников опроса: 33% из них доход позволяет приобретать бытовую технику (против 15% среди всех опрошенных), еще 24% могут купить автомобиль (против 4%). Три четверти «инвесторов» (74%) моложе 45 лет, в том числе каждый третий (34%) моложе 30 лет.

«Путешественники». Больше половины (56%) «путешественников» ездят за границу, 74% летает самолетами, каждый второй (51%) имеет дело с иностранной валютой, каждый пятый (20%) занимается фитнесом. Ценные бумаги ни одного из них не интересуют, но каждый третий (30%) пользовался банковским кредитом в течение последних 2–3 лет. Среди «путешественников» жители двух столиц встречаются в два раза чаще, чем в среднем по массиву, почти в 3 раза чаще среди них обнаруживаем и предпринимателей (5% против 2% в среднем по всем опрошенным). Тем не менее чаще других профессиональных статусов в этом кластере наблюдаются специалисты (32% против 16%) и низовые руководители (8% против 2%). По возрасту «путешественники» фактически не отличаются от «инвесторов», но уровень семейного дохода у них все же ниже.

«Гедонисты» за границу не ездят, деньги в ценные бумаги не вкладывают, с иностранной валютой дела не имеют и самолетами практически не летают. Они в среднем моложе представителей всех других стилей жизни: почти половина (43%) моложе 30 лет. Среди «гедонистов» каждый четвертый (23%) занимает должность специалиста, а каждый пятый (24%) – рабочего. Уровень их семейного дохода ниже, чем у «инвесторов» и «путешественников»: доход каждого второго (49%) из них не позволяет купить крупную бытовую технику, а еще у 22% денег хватает только на бытовую технику, но покупка автомобиля им уже недоступна. Тем не менее в жизненных благах «гедонисты» стараются себе не отказывать: они заметно чаще представителей других стилей жизни (36% против 9% среди всех опрошенных) посещают косметические салоны; 36% пользуются услугами по доставке товаров на дом, а каждый пятый (21%) посещает фитнес-центр. «Гедонистов» можно встретить в любом типе городских населенных пунктов.

«Заемщики». Подавляющее число «заемщиков» живут в кредит: большинство (81%) за последние полгода-год брали кредит в банке, 35% оформляли кредиты в магазинах. Другими повседневными практиками «заемщики» не пользуются: в

¹⁰ Здесь и далее в этом разделе представлены данные опроса МегаФОМ, проведенного в ноябре 2015 г. Опрос граждан 18+ производился в режиме личного интервью (*face-to-face*); объем выборки каждого опроса – 60500 респондентов.

ценные бумаги деньги не вкладывают, за границу не ездят, фитнес-центры и косметические салоны не посещают. «Заемщики» – жители преимущественно сельских и городских поселений (чаще провинциальных, реже столичных). Более половины заняты либо на рабочих должностях (37%), либо на должностях технического специалиста или служащего (15%).

«Обыватели-консьюмеры» – самый многочисленный на сегодня тип россиян, не входящий ни в одну из рассмотренных современных повседневных практик. Тем не менее среди них 45% ежедневно пользуются Интернетом, 29% привыкли работать за компьютером, 21% водят автомобиль, и 22% часто расплачиваются за покупки пластиковой картой. Треть «обывателей-консьюмеров» (30%) проживают в селах, остальные равномерно рассредоточены по всем типам населенных пунктов, несколько реже они проживают в Москве (7%) и Санкт-Петербурге (3%). Более трети «обывателей» – неработающие пенсионеры (37%).

«Аутсайдеры-консьюмеры» не включены ни в одну из рассматриваемых современных потребительских практик (включая мобильный телефон). Чаще всего это происходит не потому, что те или иные практики им не по карману, а из-за того, что в их стиле и образе повседневности нет места этим практикам. В этой группе подавляющее большинство (69%) составляют неработающие пенсионеры. «Аутсайдеры-консьюмеры» реже встречаются в Москве (5%) и Санкт-Петербурге (4%), чаще – в сельской местности (34%).

Гражданское участие россиян с разными стилями жизни

Самые свежие данные были получены в марте 2016 г., когда полторы тысячи человек отвечали на вопрос: «Что из перечисленного Вам доводилось делать за последние полгода?»¹¹. Тогда для ответа респондентам предлагалось две карточки: одна – с перечнем добровольческих, а другая – с перечнем потребительских практик. По результатам этого опроса удалось реконструировать, как в образе жизни современных россиян сочетаются перечисленные выше виды практик.

Чаще всего «волонтеров» (акторов гражданского участия на дальней социальной дистанции) можно встретить среди «инвесторов» (28%); заметно реже ими становятся «путешественники» (16%) и «гедонисты» (18%); совсем редко они присутствуют среди «заемщиков», «обывателей-консьюмеров» и «аутсайдеров-консьюмеров» (8%, 5% и 3% соответственно). Иными словами, можно утверждать, что чем выше уровень жизни, тем больше включенность в гражданское участие. «Участников социализирующих досуговых практик» и «альтруистов» примерно с равной вероятностью можно обнаружить как среди «инвесторов» (17%), так и среди «путешественников» (19%) и «гедонистов» (19%). «Активистами» (актерами гражданского участия на средней социальной дистанции) чаще становятся «путешественники» (18%) и «заемщики» (17%), реже – «аутсайдеры-консьюмеры» (по 11%).

Вряд ли можно было ожидать, что конкретным стилям жизни однозначно соответствует и определенный набор практик гражданского участия. Еще раз следует подчеркнуть, что россияне с той или иной степенью вероятности включаются в практики гражданского участия только при достижении определенного уровня жизни.

¹¹ Всероссийский репрезентативный опрос населения в России старше 18 лет. Опрос граждан проходил в режиме личного интервью (*face-to-face*) в 100 населенных пунктах (городах и селах) 46 субъектов РФ; выборка – многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная; объем выборки – 1500 респондентов; статистическая погрешность не превышает 3,6% (дата проведения – 26.03.2016).

Готовность участвовать в акциях протеста

Достаточно пестрая, хотя в целом спокойная, картина настроений возникает, когда речь заходит о массовых акциях, митингах, демонстрациях. Согласно данным опроса, большинство респондентов (51%)¹² не намерены поддерживать ни сторонников нынешних российских властей, ни их противников. Пятая часть (20%) респондентов говорили, что будут высказываться в поддержку властей, но на митинги ходить не намерены, еще 10% готовы были пойти на митинг в поддержку властей. И всего лишь 5% опрошенных в марте 2016 г. заявляли о своей готовности принять участие в митингах и демонстрациях против властей.

И «инвесторы» (11%), и «волонтеры» (12%) в два раза чаще заявляли о своей готовности принять участие в массовых акциях протеста, треть «путешественников» (27%) и четверть «обывателей» (24%) высказывались в поддержку властей, но без участия в митингах. При этом «активисты» чаще других (15%) готовы были участвовать в митингах в поддержку властей.

Обращает на себя внимание, что, когда речь о протестах переходила с общероссийского уровня на местный, оценки готовности к протестам менялись: в митингах, демонстрациях, акциях протеста собирались принять участие уже 18% респондентов. Причем в этом случае заметно чаще заявляли о своем согласии «инвесторы» (23%), «заемщики» (24%) и «волонтеры» (28%). Иными словами, можно утверждать, что в настоящее время протестные настроения локализуются на местном уровне, а основными их носителями выступают как наиболее активные («инвесторы», «волонтеры»), так и социально уязвимые («заемщики») группы.

«Новые» рабочие

В заключении обратим внимание на несколько довольно неожиданных наблюдений. Еще в середине 1980-х гг. Л.А. Гордон и Л.А. Назимова отмечали определенные новации в модернизирующейся социальной структуре [Гордон, Назимова 1985]: появление высококвалифицированной и высокооплачиваемой рабочей элиты, «рабочих-инженеров», их близость к инженерно-техническому персоналу. Уже тогда социологи интерпретировали этот феномен как индикатор становления новых социальных общностей.

Сегодня в крупномасштабных репрезентативных опросах населения возникновение особой социальной группы, представители которой идентифицируют себя как имеющие высшее образование и высокий уровень дохода рабочие (могут позволить себе купить не только автомобиль, но и дом, и ни в чем себе не отказывать), фиксируется на уровне 0,4–0,6%¹³. Их труд содержит значительную долю интеллектуальной деятельности и зачастую связан с управлением сложными агрегатами (монтажом, наладкой и ремонтом современного оборудования), требующим солидных технических знаний. По сути, в производственном процессе

¹² Всероссийский репрезентативный опрос населения в России старше 18 лет. Опрос граждан проходил в режиме личного интервью (*face-to-face*) в 100 населенных пунктах (городах и селах) 46 субъектов РФ; выборка – многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная; объем выборки – 1500 респондентов; статистическая погрешность не превышает 3,6% (дата проведения – 26.03.2016).

¹³ Низкая доля представителей этой группы не позволяет изучать ее особенности на выборках объемом 1500 респондентов, но выборка МегаФОМа (60500 респондентов) предоставляет возможность делать статистически значимые выводы об особенностях этой группы.

физический труд настолько органически соединился с умственным, что грань между ними провести практически невозможно. Иными словами, сформировался новый тип работника – «рабочего-инженера»/«рабочего-интеллекта». Свое материальное положение «рабочие-интеллекты» оценивают как хорошее или среднее (72%), более двух третей (68%) из них входят в суточную аудиторию Интернета.

Отметим еще одну, пока не очень четко прослеживаемую, по данным массовых опросов, тенденцию: по данным МегаФОМ, в ноябре 2015 г. среди рабочих 1% составляли «инвесторы» и 9% – «путешественники». «Рабочие-инвесторы» и «рабочие-путешественники» относительно молоды (средний возраст – от 22 до 32 лет), у них высшее, неоконченное высшее или среднее специальное образование. Подавляющее большинство среди них – мужчины (64%). Представители обеих групп живут в крупнейших индустриальных центрах, заняты в высокотехнологичных производствах; четверть (23%) относят себя к интеллигенции, и примерно столько же (26%) заявляют, что в их близком окружении много интеллигентов.

Среди рабочих, допускающих возможность принять личное участие в протестных акциях, «инвесторы» встречаются заметно чаще, чем в среднем по опросу (23% против 18%)¹⁴. Среди рабочих с высшим или средним специальным образованием каждый четвертый (24%) утверждает, что если в ближайшие месяц-два пройдут митинги, демонстрации, акции протеста, то в них примут участие большое количество людей, при этом каждый пятый (19%) присоединится к митингующим.

И судя по всему, описанные выше категории рабочих являются свидетельством изменений на рынке труда и связанных с ними представлений о карьере. Не исключено, что нынешний кризис послужит катализатором процессов дифференциации рабочих на два социальных кластера:

- высококвалифицированная, образованная, высокооплачиваемая рабочая элита, востребованная на высокотехнологичных производствах, со стилями жизни «гедонистов» и «путешественников»;
- «рабочие-заемщики» с невысоким уровнем образования (не выше ПТУ или колледжа), жалующиеся на задержку зарплаты, опасующиеся увольнений.

Заключение

Исследования процессов становления, функционирования и развития в российском социуме институтов и практик гражданского участия охватывают как минимум следующие тематические направления: мировоззренческие ценности; правила, нормы, социально одобряемые образцы и модели поведения, которые проявляются в традиционных и инновационных практиках гражданского участия. Повседневные практики гражданского участия – это реципрокное поведение, благотворительность, альтруизм, новаторство, социальное предпринимательство, конструктивная социальная активность и т.п. И в массовых общенациональных опросах ФОМ акторы гражданского участия опознаются именно по включенности в такие практики.

По материалам общенациональных опросов авторам статьи удалось выявить эмпирически верифицированную линейку стилей жизни современных россиян («инвесторы», «путешественники», «гедонисты», «заемщики», «обыватели-кон-

¹⁴ Всероссийский опрос МегаФОМ. Опрос граждан 18+ проводился в режиме личного интервью (*face-to-face*); объем выборки – 60500 респондентов (дата проведения – 02.03.2015).

сюмеры), «аутсайдеры-консюмеры»), а также включенность представителей того или иного типа в практики гражданского участия.

Некоторые социальные группы отличаются опережающим поведением, особенно это касается потребления и способов проведения досуга. И то, как себя ведут авангардные социальные группы, задает тренды поведения в российском социуме в целом. Более того, эти группы активнее остальных проявляют себя как социально ответственные граждане: участвуют в волонтерских инициативах, занимаются благотворительностью, помогают людям за пределами круга своих знакомых и близких.

Для понимания степени включенности в практики гражданского участия и измерения социального эффекта этих практик авторами статьи была разработана серия индексов. Было доказано, что высокие значения индексов в отдельных социальных группах или категориях (по сравнению с показателями в целом по населению) являются индикаторами установок на гражданское поведение, и представители этих групп обладают наибольшим модернизационным потенциалом, стремятся к новым видам активности, создают вокруг себя деятельные сообщества.

Приложение

Процедура вычисления индекса «Гражданский климат»

Мы исходим из предположения, что измеряемые показатели принимают у каждого конкретного респондента те или иные значения в зависимости от степени выраженности у этого респондента определенной установки, скрытой от непосредственного наблюдения исследователями, а возможно, неосознанной и самим респондентом. Задача состоит в том, чтобы приписать каждому респонденту значение числового индекса, характеризующего степень выраженности этой установки. Для удобства интерпретации этот индекс должен быть равен нулю у тех респондентов, у которых интересующая нас установка совсем не выражена, и 100 баллам у тех, у которых она выражена в максимальной степени. В нашем случае все измеримые переменные выражены бинарными переменными, на которых единица свидетельствует о некоторой выраженности установки. С помощью метода главных компонент мы находим один фактор, объясняющий максимальную долю дисперсии входящих в группу переменных. IBM SPSS позволяет сохранить этот фактор в файле с исходными данными в качестве новой переменной. Эта новая переменная – фактор – имеет нулевое среднее и дисперсию, равную единице. Для того чтобы преобразовать эту шкалу в 100-балльную, строится линейная регрессионная зависимость фактора от всех входящих в группу измеримых переменных.

$$\hat{Y} = b_0 + \sum_{i=1}^n b_i x_i,$$

где \hat{Y} – значение фактора, рассчитанное по формуле регрессионной зависимости; n – число измеримых переменных в группе; x_i – i -я измеримая переменная

в группе; b_0 – свободный член регрессионной зависимости; b_i – коэффициент регрессии при i -й измеримой переменной. Поскольку фактор по построению представляет собой линейную комбинацию измеримых переменных, получаемая нами регрессионная зависимость идеально воспроизводит его значения, объясняет ровно 100% дисперсии фактора, все коэффициенты регрессии являются статистически значимыми.

Поскольку все измеримые переменные «направлены» как и фактор (т.е. значение 0 свидетельствует о сравнительно малой выраженности установки, а значение 1 – о сравнительно большой), все коэффициенты регрессии оказываются положительными. Исходя из этого, для получения 100-балльного индикатора приведенная выше формула преобразуется следующим образом:

$$\hat{Y} = 100 \cdot \sum_{i=1}^n \alpha_i x_i,$$

где $\alpha_i = \frac{b_i}{\sum_{i=1}^n b_i}$ – «вес» каждой измеримой переменной при расчете интегрального индекса.

ИГК рассчитывается по ответам респондентов: «большинству людей можно доверять» ($V1=1$); «большинству из моего окружения можно доверять» ($V2=1$); «готов(а) объединяться для совместных действий, если интересы совпадают» ($V3=1$).

Для построения индекса используется метод главных компонент. Анализ зависимости первой (и единственной, которая объясняет больше дисперсии, чем одна исходная переменная) главной компоненты от исходных данных позволил вывести формулу для расчета индекса: ИГК=(2*V1+2*V2+V3)/5*100.

Процедура вычисления индекса «Гражданское поведение»

ИГП рассчитывается по ответам на вопросы о готовности к определенному действию, а именно:

- организовать гражданское действие (присваивается 3 балла, если ответ выбран);
- принять участие в гражданском действии (2 балла, если ответ выбран);
- пожертвовать деньги для его проведения (1 балл, если ответ выбран).

ИГП рассчитывается по ответам на готовность к тому или иному действию в 3 ситуациях (соответственно, респондент отвечает на 3 вопроса):

- Вопрос 1: *«Рассмотрим несколько случаев из жизни. Представьте себе, что произошло чрезвычайное происшествие (пожар, наводнение, землетрясение). Предлагается провести сбор средств для пострадавших. Вы лично готовы или не готовы принять участие в этой акции? Если готовы, то каким образом?»* (карточка, любое число ответов).
- Вопрос 2: *«Представьте себе, что Ваши соседи по месту жительства, дачному кооперативу, садовому товариществу предлагают собраться и очистить от мусора соседнюю лесопарковую зону. Вы лично готовы или не готовы принять участие в этой акции? Если готовы, то каким образом?»* (карточка, любое число ответов).

- Вопрос 3: «Представьте себе, что там, где Вы живете, во время выборов были массовые фальсификации результатов голосования. Кто-то призывает провести акцию протеста против фальсификации. Вы лично готовы или не готовы принять участие в этой акции? Если готовы, то каким образом?» (карточка, любое число ответов).

Максимально по ответам на один вопрос респондент может набрать 6 баллов (все 3 формы участия), минимально – 0 (не названо ни одной из форм участия). Набранная респондентом сумма баллов нормируется делением на 6 и умножением на 100. Так рассчитываются значения ситуационных индексов по каждому из 3 вопросов: Ind1, Ind2, Ind3. Для построения ИГП по ситуационным индексам используется метод главных компонент, который позволяет вывести формулу расчета ИГП: $Ind_{гп} = (Ind1 + Ind2 + Ind3)/3$.

Процедура вычисления индекса «Удовлетворенность жизнью»

ИУЖ рассчитывается по ответам:

- «я счастливый человек» (V1);
- «большинство окружающих счастливы» (V2);
- «счастлив человек или нет, зависит от его самоощущений, а не от внешних обстоятельств» (V3).

Формула расчета индекса: $ИУЖ = (1,35*V1 + 1,2*V2 + V3)/3,55*100$. ИУЖ рассчитывается в баллах и изменяется от 0 до 100.

Литература

- Аникина М.Е., Хруль В.М. (ред.) (2015) Открывая Грушина. Том 4. М.: Фак-т журналистики МГУ.
- Галицкий Е.Б., Галицкая Е.Г. (2014) Маркетинговые исследования. Теория и практика. М.: Юрайт.
- Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б., Петренко Е.С., Рапопорт С.А. (2012) Методика «ФОМОграфия» и ресурсная дифференциация российского общества // Социологические исследования. № 10. С. 131–142.
- Гордон Л.А., Назимова А.К. (1985) Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М.: Наука.
- Козлова Л.А., Оберемко О.А., Шмерлина И.А. (ред.) (2010) Междисциплинарность в социологическом исследовании: Материалы Методологического семинара памяти Г.С. Батыгина 2007–2009 гг. М.: РУДН.
- Макаров В.Л. (2010) Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас.
- Оберемко О.А. (2008) Опережающие группы, или Смотрите, кто приходит // Петренко Е.С. (ред.) Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». С. 249–277.
- Петренко Е.С., Иванова И.И., Кот Ю.А. (2014) Авангард российского гражданского общества: за-втрашняя Россия // Сборник научных статей ВШЭ. М.: Академия «АПК и ППРО». С. 133–139.
- Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации (2012) // Фонд «Общественное мнение» // <http://soc.fom.ru/special/dobrovolchestvo.html>
- Татарова Г. Г. (1999) Методология анализа данных в социологии. М.: NOTA BENE.
- Шабанова М. А. (2015) Этичное потребление как инновационная практика гражданского общества в России // Общественные науки и современность. № 5. С. 19–34.
- Arnstein S.R. (1969) A Ladder of Citizen Participation // JAIP, vol. 35, no 4, pp. 216–224.
- Putnam R.D. (1995) Bowling alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy, vol. 6, no 1, pp. 65–78.

Everyday Life of Russians: Civil and Consumer Practices

E. BOGOMOLOVA*, E. GALITSKAYA**, Yu. KOT***, E. PETRENKO****

***Ekaterina Bogomolova** – Senior Specialist, Public Opinion Foundation. Address: bldg. 16a, 15, Rochdelskaya St., Moscow, 123022, Russian Federation. E-mail: bogomolova@fom.ru

****Elena Galitskaya** – Chief Specialist, Institute of Public Opinion Foundation. Address: bldg. 16a, 15, Rochdelskaya St., Moscow, 123022, Russian Federation. E-mail: galitskaya@fom.ru

*****Yulia Kot** – Leading Specialist, Public Opinion Foundation. Address: bldg. 16a, 15, Rochdelskaya St., Moscow, 123022, Russian Federation. E-mail: kot@fom.ru

******Elena Petrenko** – Candidate of Science in Philosophy, Science Director, Public Opinion Foundation. Address: bldg. 16a, 15, Rochdelskaya St., Moscow, 123022, Russian Federation. E-mail: petrenko@fom.ru

Citation: Bogomolova E., Galitskaya E., Kot Yu., Petrenko E. (2017) Everyday Life of Russians: Civil and Consumer Practices. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 180–197 (in Russian)

Abstract

This article discusses various empirical indicators for measuring various everyday social practices which characterize the lifestyle and consumption patterns of modern Russians, and their patterns of civil participation. These indicators are used for constructing a typology of different social groups, their description and analysis. One of the purposes of this analysis is to identify socially active groups, the members of which have learnt to minimize the time spent on routine daily activities and thus endowed themselves with more time for self-development and civil participation. Such groups are viewed as a basis for the further development of civil society in Russia. We introduce several indices, which are used for the identification and analysis of different social groups: The index of Civil Climate measures the values and attitudes of respondents which characterize the level of interpersonal and social trust. The index of Civil Behaviour measures the actual participation and the readiness of respondents to engage in various civil activities. Both indices are then used to construct a composite index, which measures the community's potential for civil engagement. The index of Life Satisfaction is introduced as a composite measure of the social effects of civil participation. The empirical analysis is based on representative survey data collected by the Public Opinion Foundation between 2012 and 2016 (including weekly national surveys (N=1500), large-scale national surveys (N=60500) and a survey of citizens in larger Russian cities (N=1500)). Our analysis reveals that it is generally the people with higher levels of life satisfaction who exhibit higher levels of civil participation and social responsibility, and form the basis of society's modernization.

Key words: everyday practices, civil participation, actors of civil society, volunteering, consumer behaviour, lifestyle

References

- Anikina M.E., Khrul V.M. (eds.) (2015) *Otkryvaya Grushina* [Discovering Grushin]. Vol. 4, Moscow: MSU.
- Arnstein S.R. (1969) A Ladder of Citizen Participation. *JAIP*, vol. 35, no 4, pp. 216–224.
- Galitskiy E.B., Galitskaya E.G. (2014) *Marketingovye issledovaniya. Teoriya i praktika* [Marketing Research. Theory and Practice], Moscow: Uwright.
- Galitskaya E.G., Galitskiy E.B., Petrenko E.S., Rapoport S.A. (2012) Metodika “FOMografiya” i resursnaya differentsiatsiya rossijskogo obshchestva [The Methodology of ‘FOMographics’ and Resource Differentiation in the Russian Society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 10, pp. 131–142.
- Gordon L.A., Nasimova L.A. (1985) *Rabochij klass SSSR: tendentsii i perspektivy sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya* [Working Class in the USSR: Trends and Prospects of Socio-economic Development], Moscow: Nauka.
- Kozlova L.A., Oberemko O.A., Shmerlina I.A. (eds.) (2010) *Mezhdistsiplinarnost’ v sotsiologicheskom issledovanii: materialy Metodologicheskogo seminarina pamyati G.S. Batygina 2007–2009* [Interdisciplinarity in Sociological Research: the Materials of the Methodological Seminar in the Memory of Batygin G.S. 2007–2009], Moscow: PFUR.
- Makarov V.L. (2010) *Sotsial’nyi klasterizm. Rossijskij vyzov* [Social Clustering. Challenge for Russia], Moscow: Business Atlas.
- Oberemko O.A. (2008) Operezhaushchie gruppy, ili Smotrite, kto prikhodit. Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoj Rossii. *Sotsiologicheskie zarisovki s natury* (ed. Petrenko E.S.), Moscow: Institute of Public Opinion foundation, pp. 249–277.
- Petrenko E.S., Ivanova I.I., Kot Yu.A. (2014) Avangard rossijskogo grazhdanskogo obshchestva: zavtrashnaya Rossiya [The Vanguard of Russian Civil Society: Tomorrow’s Russia]. *Sbornik nauchnykh statej VShE* [The Collection of Scientific Papers of HSE], Moscow: Akademiya, pp. 133–139.
- Putnam R.D. (1995) Bowling alone: America’s Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, vol. 6, no 1, pp. 65–78.
- Resurs dobrovolcheskogo dvizheniya avangardnykh grupp dlya rossijskoj modernizatsii (2012) [Volunteering in Russia as a Resource of Modernization]. *Fond “Obshchestvennoe mnenie”* [Public Opinion Foundation]. Available at: <http://soc.fom.ru/special/dobrovolchestvo.html>, accessed 31 August 2016.
- Shabanova M.A. (2015) Etichnoe potrebleniye kak innovatsionnaya praktika grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Ethical Consumption as Innovative Practice of Civil Society in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no 5, pp. 19–34.
- Tatarova G.G. (1999) *Metodologiya analiza dannykh v sotsiologii* [Methodology of Data Analysis in Sociology], Moscow: NOTA BENE.

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Русские немцы в поисках идентичности: чужие среди своих, свои среди чужих

Рецензия на книгу: Denisova-Schmidt E. (2015) *Russlanddeutsche. Geschichte und Gegenwart. Zeitzeugen erzählen über Heimat, Migration und Engagement*, Stuttgart: Ibidem-Verlag.

Э.О. ЛЕОНТЬЕВА*

*Эльвира Октавьевна Леонтьева – доктор социологических наук, доцент, заведующая, кафедра социологии, политологии и регионоведения, Тихоокеанский государственный университет. Адрес: 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136. E-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Цитирование: Леонтьева Э.О. (2017) Русские немцы в поисках идентичности: чужие среди своих, свои среди чужих // Мир России. Т. 26. № 1. С. 198–202

В книге Е. Денисовой-Шмидт предпринята попытка реконструировать процесс становления этнической идентичности российских немцев через истории семей, переселившихся в Германию в конце XX века. Автор показывает, как цепочка событий, задающих типичную для этих семей биографическую линию (жизнь в СССР – трудармия – переезд в Германию) повлияла на их самоопределение и адаптацию в новой социальной среде. Книга погружает в мир людей неопределенной национальной идентичности, которые за время своей истории постоянно сталкиваются с проблемой выживания в чуждой среде. Монография написана на двух языках – русском и немецком – и основана на биографических интервью с русскими немцами, проживающими в Германии.

Ключевые слова: российские немцы, биография семьи, идентичность, адаптация

С момента выхода знаменитой книги У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» [Thomas, Znaniecki 1927] биографическое интервью получило широкое признание в социальных науках. Методологи написали о нем сотни статей, а дискуссии о его методологическом статусе и границах применения не утихают до сих пор. Однако значимость биографического интервью для социальной науки обусловлена не только и не столько его методологической сущностью. Его особенное место (даже среди других качественных методов, к груп-

пе которых его обычно относят) обусловлено жанровой и стилиевой спецификой в большей степени, чем инструментальной. Биографическое интервью – это не просто собирание фактов, это произведение само по себе, которое переросло рамки метода и стало отдельным, самостоятельным направлением в социологии, делающим эту науку наполненной людьми – яркой, живой и одушевленной.

Все эти привлекательные стороны биографического интервью в полной степени продемонстрированы Е. Денисовой-Шмидт в книге «Российские немцы: история и современность». Книга вышла в 2015 г. в Штутгарте в издательстве *Ibidem Verlag* и полностью основана на биографических интервью. Аналогия с культовой работой У. Томаса и Ф. Знанецкого возникает не только в отношении опоры на биографическое интервью, но и в удивительной схожести выбора сюжетной линии и героев описания. В обоих случаях основное повествование строится вокруг этнических мигрантов, заново ищущих свою национальную идентичность. Только в данном случае герои интервью принадлежат к особенному субэтносу, который решает вопросы своего самоопределения уже более сотни лет. И весь этот период, несмотря на обретение исторической родины более двадцати лет назад, так и остается в статусе «немец для русских и русский для немцев».

Тема русских немцев хоть и не является приоритетной для исследователей, периодически привлекает их внимание. Однако чаще всего авторы обращаются к изучению отдельных, правовых или социально-психологических, проблем адаптации немцев, вернувшихся в Германию после распада СССР [Барковский, Шилов 2010; Гулина 2012]. Елена Денисова-Шмидт, используя биографическое описание, проводит реконструкцию ключевых событий в семейных историях героев, связывая процесс адаптации с их предыдущим опытом. Не ставя цели провести фундаментальное исследование, автор позволяет за каждым конкретным случаем увидеть то, что можно назвать исторической судьбой этноса, кратко прочерчивая траекторию ключевых событий, произошедших с российскими немцами в XX в.: жизнь в СССР, депортация 1941 г., трудармия, переезд в Германию, адаптация и самоопределение в Германии. Кроме биографических интервью, взятых лично автором, в книге используются материалы отчетов по интеграции российских немцев, составленные по заказу Министерства ФРГ по делам мигрантов и беженцев [Worbs, Bund, Kohls, Babka von Gostomski 2013]. Все это, безусловно, выделяет эту работу среди других исследований, посвященных этой теме.

Две вещи позволяют создать и поддержать в книге атмосферу особого мира, в который вводит нас автор. Первая – это схематичность изложения. И хотя обычно этот признак считается недостатком, тем более удивительно, что в данном случае именно схематичность, даже явная пунктирность линий, которыми набрасывается маршрут истории, перемалывающий судьбы людей, оставляет после прочтения книги особое эмоциональное ощущение. Ни у автора, ни у ее собеседников нет сюжетов, особо смакующих горе, страдания и жестокость; их речь сдержанна и нейтральна. Без особенных деталей и подробностей собеседники вспоминают биографию своих семей, казалось бы, воспроизводя ее чисто событийно. Но именно эта сдержанность, неэмоциональность в оценке событий, как бы легкая отстраненность автора, героев и их языка вызывают сильнейшие эмоциональные реакции от книги. Факты страданий и несчастий, выпавших на долю немецких семей в СССР, упоминаются словно мимоходом, тем самым еще больше усиливая пугающую обыкновенность их восприятия героями. Например: «Татьяна Бауэр родилась в 1961 г. в Воркуте, где до 1956 г. в лагерях находилась ее семья» [Denisova-Schmidt 2015, p. 39]. Или «Отец не смог заботиться о семье, так как был в трудовом лагере в Сибири, откуда он так и не вернулся» [Denisova-Schmidt 2015, p. 49]; «Родители жили на Волге и во время войны должны были за 24 часа покинуть деревню» [Denisova-Schmidt 2015, p. 91].

Вторая особенность книги – разговорность, повествовательность и ее собеседующий характер. Истории героев интервью автор пересказывает так, что читатель чувствует себя вовлеченным третьим участником этого разговора, но не столько читающим его текст, сколько слушающим беседу. Это удивительное ощущение «слушания» книги отсылает к эмоциональному состоянию ребенка, слушающего сказку. В сказках тоже есть много на самом деле страшных событий: смерть, голод, болезни, – но слушатель всегда ждет и получает в итоге счастливый финал. Конечно, никакого счастливого конца автор книги и ее собеседники не показывают, но особое – слушающее – восприятие этого текста настраивает именно на такое ожидание в отношении будущего. И такое неожиданное позиционирование читателя как соучастника, присутствующего здесь и сейчас в момент разговора, вызывает не просто желание дочитать книгу с надеждой на то, что ее герои обретут искомые смыслы. Эта причастность вызывает ответные чувства читателя к автору – доверие, понимание, сострадание, благодарность, и в конечном счете желание знать больше и об этих людях, и об этом особенном этносе.

Говоря об особом эмоциональном состоянии, которое вызывает книга, конечно, несправедливо обойти ее научную значимость. Поскольку научные цели не определяли главный замысел произведения, вряд ли уместны критические комментарии относительно отбора респондентов и специфики вопросов для интервью. Однако читая книгу, от этого трудно абстрагироваться. Сначала несколько эклектичным может показаться подбор основных тем интервью: так, сюжетная линия, связанная с этническим самоопределением и раскрывающая такие события семей, как жизнь в СССР, переселение 1941 г., переезд в Германию, трудности адаптации на новом месте и т.д., логически и хронологически является основной и в этом смысле вполне целостной по замыслу. Поэтому не сразу становится понятно, почему вдруг возникает тема общественной работы в благотворительной организации, ведь респонденты осваивают ее относительно недавно как новый опыт, получаемый уже на исторической родине, то есть собственно в другом периоде жизни, исторически и хронологически не относящемся к основной сюжетной линии. Интересная сама по себе и важная для автора событийная канва, связанная с благотворительностью, кажется как будто бы искусственно притянутой. Однако к концу текста понимаешь, что и этот сюжет занимает свое должное место в композиции авторского замысла. Именно через особенное понимание общественной работы как нормы, не привитой в рамках прежних, советских стандартов социализации, происходит осмысление и становление новой идентичности.

Отмеченные авторские находки, безусловно, делают книгу Е. Денисовой-Шмидт заметным событием. Однако главная научная ценность этой работы состоит в уникальности собранного эмпирического материала. Тексты интервью сами по себе, также как и отраженные в них факты, обладают самоценностью первичных данных. А с учетом того, что речь идет о закрытой социальной группе со сложной исторической судьбой и не окончившимся до настоящего времени процессом конструирования своей этнической идентичности, ценность представленных материалов возрастает многократно. За что, вероятно, будущие исследователи этой темы еще поблагодарят Е. Денисову-Шмидт и героев ее книги.

Литература

Барковский А.Н., Шилов А.Б. (2010) Русские немцы в современной Германии. М.: Институт экономики РАН.

- Гулина О.Р. (2010) Spätaussiedler, или русские немцы в Германии // Современная Европа. № 2 (42). С. 62–75.
- Denisova-Schmidt E. (2015) *Russlanddeutsche. Geschichte und Gegenwart. Zeitzeugen erzählen über Heimat, Migration und Engagement*, Schtuttgard: Ibidem Verlag.
- Thomas W., Znaniecki F. (1927) *The Polish Peasant in Europe and America*. Vols. 1–5, N.Y.
- Worbs S., Bund E., Kohls M., Babka von Gostomski C. (2013) *Spät-Aussiedler in Deutschland. Eine Analyse aktueller Daten und Forschungsergebnisse*. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge// https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Forschungsberichte/fb20-spaetaussiedler.pdf?__blob=publicationFile

Russian Germans in Search of their Identity – Doomed to Be Strangers

Book Review: Denisova-Schmidt E. (2015) *Russlanddeutsche. Geschichte und Gegenwart. Zeitzeugen erzählen über Heimat, Migration und Engagement*, Stuttgart: Ibidem-Verlag.

E. LEONT'eva*

***El'vira Leont'eva** – Doctor of Science in Sociology, Associate Professor, Head, Department of Sociology, Politology and Regional Studies, Pacific National University. Address: 136, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680035, Russian Federation. E-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Citation: Leont'eva E. (2017) *Russian Germans in Search of their Identity – Doomed to Be Strangers*. *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 198–202 (in Russian)

Abstract

This book by Denisova-Schmidt is an attempt to reconstruct the formation of the 'Russian Germans' ethnic group by drawing on the actual stories of families who moved to Germany in the late 20th century. The author shows how the typical features of the biographies of these people (life in the USSR – work in labour camps – migration to Germany) influenced their self-identification and adaptation patterns in a new social environment. The book immerses the reader in a world of people with uncertain national identity, who were doomed to experience life as outsiders, whatever the environment they were in.

Russian Germans living in Germany are often mistakenly referred to by many native Germans as 'Russians'. One reason for this is that there is a lack of knowledge about these people, their life stories and their current situation. This kind of knowledge was also lacking in the USSR – from which most Russian Germans came to Germany – in the USSR they were often called 'fascists'. But who are these people really? Why do they have German surnames and yet speak German with a Russian accent? These and other questions are thoroughly examined in the book.

The study is based on 15 biographical interviews with Russian Germans currently dwelling in the region of Upper Rhine/Black Forest (Baden-Württemberg). Interviewees talk extensively about the stories of their families, their lives in the USSR, their

resettlement and reintegration in Germany. In addition to the common biographical pattern, these people share a common pattern of participation in community service: all of them are volunteers in the German Chernobyl Initiative. As part of this activity they frequently host children and young people from the Chernobyl area during summer holidays; they go to Belarus to help renovate a school building in a local village; on various other occasions they also help as interpreters, translators and experts on Russian culture. Without their valuable contribution the Initiative's activities would scarcely be possible both in Germany or Belarus.

The book is valuable not only in filling some knowledge gaps about the Russian Germans, but also in explaining their motivation for volunteer work – the type of activism which did not exist in the USSR. In addition to the desire to help those in need, especially children, such volunteering also provides the Russian Germans with an opportunity to get to know native Germans better, to understand their mentality, to find a new identity and to gain recognition as experts linking the Russian and the German languages and cultures. It turns out that the double identity ('Germans' in the USSR and 'Russians' in Germany) is not as relevant for their successful reintegration in Germany, as is their involvement in charity work and community service. Denisova-Schmidt makes a good argument by concluding that this could be viewed as an efficient strategy for integrating other minority groups in the country.

Key words: Russian Germans, family stories, ethnic identity, adaptation

References

- Barkovskij A.N., Shilov A.B. (2010) *Russkie nemtzy v sovremennoj Germanii* [Russian Germans in Modern Germany], Moscow: Institut Ekonomiki.
- Denisova-Schmidt E. (2015) *Russlanddeutsche. Geschichte und Gegenwart. Zeitzeugen erzählen über Heimat, Migration und Engagement* [Russian Germans. The Past and the Present. The Stories about Homeland, Migration and Engagement], Schtuttgard: Ibidem Verlag.
- Gulina O.R. (2010) Spätaussiedler, ili russkie nemtzy v Germanii [Late Repatriates or Russian Germans in Germany]. *Sovremennaya Evropa*, vol. 2 (42), pp. 62–75.
- Thomas W., Znaniecki F. (1927) *The Polish Peasant in Europe and America*. Vols. 1–5, N.Y.
- Worbs S., Bund E., Kohls M., Babka von Gostomski C. (2013) *Spät-Aussiedler in Deutschland. Eine Analyse aktueller Daten und Forschungsergebnisse. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge* [Late Repatriates in Germany. An Analysis Based on Latest Data]. Available at: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Forschungsberichte/fb20-spaetaussiedler.pdf?__blob=publicationFile, accessed 31 October 2016.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рецензирование

- Все статьи, присланные в редакцию и прошедшие первичное рассмотрение, проходят обязательное рецензирование.
- Редакция гарантирует полную анонимность как авторов, так и рецензентов. В связи с этим автор должен направлять в редакцию два варианта статьи:
 - оригинальный;
 - очищенный от идентифицирующих атрибутов (т.е. авторства статьи, ссылок на свои собственные работы).
- По итогам рецензирования редакция принимает одно из трех возможных решений:
 - «отклонить»,
 - «отправить на доработку с учетом замечаний рецензентов»,
 - «опубликовать».Автор обязательно получает уведомление о принятом решении.
- Срок рецензирования – 1-2 месяца в зависимости от проблематики присланного материала.

Все редакторские правки согласуются с авторами по электронной почте.

Технические требования

Редакция принимает статьи объемом от 60 тыс. до 80 тыс. знаков с пробелами (включая аннотацию на русском языке, биографические справки, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках, abstract) по адресу mirros.info@gmail.com.

Материалы предоставляются в электронном формате MS Word for Windows; шрифт – Times New Roman, размер – 12 пт, межстрочный интервал – одинарный.

Перед основным текстом статьи следует расположить:

- название статьи (на русском и английском языках);
- сведения об авторе (на русском и английском языках):
 - фамилия, имя, отчество автора полностью,
 - должность, звание, ученая степень автора,
 - полное название организации (места работы автора), ее полный почтовый адрес,
 - адрес электронной почты автора;
- аннотацию на русском языке (курсивом) – не менее 300 знаков с пробелами;
- аннотацию на английском языке – не менее 250–300 слов (также прилагается русский оригинал);
- ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний, отдельно на русском и английском языках).

Требования к аннотациям на русском языке

Аннотация должна давать четкое представление о содержании статьи. Предпочтительной является следующая структура:

- постановка исследовательской проблемы;
- описание используемых данных или материалов;
- краткая характеристика результатов исследования (или размышлений, если статья выдержана в жанре сугубо теоретического анализа).

Требования к аннотациям на английском языке

К аннотации на английском языке применяются те же требования по содержанию, что и к аннотациям на русском языке (см. выше). Аннотация необходима для внесения информации о публикации в международную систему цитирования Scopus и информирования зарубежных читателей журнала.

Примечания к тексту располагаются постранично.

Автор обязан указать источники приведенных в статье цитат, статистических данных и иной информации; аббревиатуры следует пояснять. Ссылки в тексте должны содержать указание на автора, год публикации и страницу (например: «...как полагает В.Н. Лексин [*Лексин* 2005, с. 43]» или «...некоторые западные исследователи поддерживают эту теорию [*Burawoy* 2001; *Kennedy* 2001; *Fuller* 2000]»).

Таблицы должны быть выполнены в рамках программы Word. В случае включения в статью графического материала автор обязан предоставить исходные файлы: для построения графиков и диаграмм следует использовать Excel, рисунки (ширина не более 135 мм) предоставляются в формате *.tif, 300 dpi.

Оформление библиографического раздела статьи

- Список использованных источников оформляется в виде затекстового библиографического списка в алфавитном порядке.
- Список использованных источников в обязательном порядке должны сопровождаться транслитерацией и переводом на английский язык.

По запросу авторов может быть выслан образец оформления статьи/библиографического раздела.

Интеллектуальные права

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни в каком ином издании ни полностью, ни частично. Все права на материалы, опубликованные в журнале «Мир России», принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Политика открытости

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.mirros.hse.ru> после выхода номера журнала.

Внимание. Плата за публикацию рукописей не взимается.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ !

**Вы можете подписаться на журнал «Мир России» через Агентство «Роспечать»
(подписной индекс на 2017 г. 79269),
а также через Центральный коллектор научных библиотек (ЦКНБ)
(подписной индекс на 2017 г. 83097).**

Адрес редакции:

115054, Москва, Малая Пионерская, д. 12, офис 553
Тел.: (495) 772-95-90, далее набор в тоновом режиме 11-882 или 11-883

**Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала
и авторам статей. Идеи, высказываемые в публикуемых материалах,
могут не разделяться редколлегией.**

**ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ,
ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!**

**Вы можете оформить подписку
на журнал «МИР РОССИИ»
по каталогу агентства
«РОСПЕЧАТЬ»**

**Тел.: /007 495/921-25-50
Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru
www: <http://www.rosp.ru>**

**ATTENTION OF FOREIGN
SUBSCRIBERS!**

**You can subscribe to «UNIVERSE OF
RUSSIA» through the
«ROSPECHAT» agency catalogue. «Russian
Newspapers & Magazines - 2017»**

**Phone: /007 495/921-25-50
Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru
www: <http://www.rosp.ru>**

Уважаемые читатели!
Мы рады сообщить вам, что журнал «Мир России» доступен
во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших
в 1992-2017 гг. номеров журнала на:
www.mirros.hse.ru

Подписано в печать 30.01.2017 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆
Усл. печ. 16,9 л. Уч. изд. 17,6 л.